РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
INSTITUTE FOR SCIENTIFIC INFORMATION
IN SOCIAL SCIENCES

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
INSTITUTE OF ECONOMY

РОССИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР

RUSSIA AND THE CONTEMPORARY WORLD

2(75)

В НОМЕРЕ

In This Issue:

Содержание и вехи российской истории: Взгляд из 2012
Contents and Landmarks of Russian History: A View from 2012

Партийная система в современной России
Party System in Today's Russia

Консолидация и интеграция в Евразии
Consolidation and Integration in Eurasia

Пенсионная реформа за рубежом и в России
Pension Reform Abroad and in Russia

Книжная серия ЖЗЛ
Book Series «Life of Remarkable People»

Издается с 1993 г.
Выходит 4 раза в год

москва
2012

УДК 009
ББК 60(2Рос); 66.4(2Рос); 65.5; 60.5; 63.3(2)
Р 75

ИНИОН РАН
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РАН

Редакционная коллегия:

Ю.И. Игрицкий – кандидат исторических наук, член-корреспондент МАИ, главный редактор, *Л.Н. Верченов* – кандидат философских наук, *В.И. Герасимов* – кандидат филологических наук, член-корреспондент МАИ, зам. главного редактора, *И.И. Глебова* – доктор политических наук, *Л.П. Делюсин* – доктор исторических наук, профессор, *Е.Б. Калоева* – кандидат исторических наук, зам. главного редактора, *А.Д. Некипелов* – доктор экономических наук, академик РАН, *Б.С. Орлов* – доктор исторических наук, *Т.Г. Пархалина* – кандидат исторических наук, *Ю.С. Пивоваров* – доктор политических наук, академик РАН, *Л.В. Скворцов* – доктор философских наук, профессор, академик МАИ, *Б.А. Хейфец* – доктор экономических наук, *Л.Н. Шаншиева* – кандидат философских наук, *В.М. Шевырин* – кандидат исторических наук, зам. главного редактора.

Ответственный секретарь *А.А. Халатов*
Редактор-консультант *И.Л. Беленький*
Старший редактор *Д.А. Семенова*
Художник обложки *Г.И. Козубов*

Р 75 **Россия и современный мир** = Russia and the contemporary world: Научный журнал / РАН. ИНИОН, Институт экономики; Редкол.: Ю.И. Игрицкий (гл. ред.) и др. – М., 2012. – ISSN 1726–5223. – № 2 (75). – 256 с.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

ББК 60(2Рос); 66.4(2Рос); 65.5; 60.5; 63.3(2)
УДК 009
ISSN 1726–5223
© ИНИОН РАН, 2012

СОДЕРЖАНИЕ
CONTENTS

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

RUSSIA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

Ю.С. Пивоваров
О русском и советском: Взгляд из 2012 года 6

Yu.S. Pivovarov
On the Russian and the Soviet: The View from 2012

Ю.И. Игрицкий
Многопартийная беспартийная Россия 30

Yu.I. Igritsky
Multiparty / Nonparty Russia

В.М. Капицын
Идейно-символьная политика и национальные интересы России 58

V.M. Kapitsyn
Politics of Ideas and Symbols and Russian National Interests

РОССИЯ И МИР В XXI ВЕКЕ

RUSSIA AND THE WORLD IN THE 21ST CENTURY

Л.З. Зевин
Особенности консолидационных и интеграционных процессов в Евразии 71

L.Z. Zevin
The Peculiarities of Consolidating and Integrating Processes in Eurasia

Л.В. Савченко
«Большая восьмерка»: Быть или не быть? 87

L.V. Savchenko
The G8: To Be or Not to Be?

А.В. Кива
БРИК как фактор большой политики 101

A.V. Kiva
BRIC as a World Politics Factor

Е.Е. Шестакова
Острые вопросы пенсионной реформы: Дает ли нам ответ зарубежный опыт? 117

Ye.Ye. Shestakova
Acute Problems of the Pension Reform: Are Foreign Experiences Relevant?

РАЗМЫШЛЕНИЯ. СООБЩЕНИЯ. КОММЕНТАРИИ

Е.Я. Виттенберг
Российский бизнес: Социальная ответственность перед работниками 134

Б.С. Павлов, С.В. Воробьёв
Трудовая занятость замужней женщины в России 150

С.В. Мельник
Межконфессиональное согласие в современной России: Концептуальные основания и практическая реализация 162

Ю.Е. Поляк
Электронные услуги: Готовы ли к ним государство и население? 174

ФАКТЫ. СОБЫТИЯ. ЛЮДИ

А.М. Кулегин, А.П. Смирнов
«Ленинградское дело»: Музейный взгляд 185

З.И. Перегудова
Кинематограф и полиция в России до 1917 г. 196

Н.А. Родионова
П.К. Дылёв – доктор Швейцер Русского Зарубежья 205

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

В.В. Эрлихман
ЖЗЛ: Замечательные люди не умирают 213

REFLECTIONS. COMMUNICATIONS. COMMENTS

E.Ya. Vittenberg
Russian Business: Social Responsibility before Employees 134

B.S. Pavlov, S.V. Vorobyev
Labor Engagement of Married Women in Russia 150

S.V. Melnik
Inter-Confessional Consent in Today's Russia: Conceptual Basis and Practical Implementation 162

Yu.Ye. Polyak
Electronic Services: Are the Government and Citizens Ready for Them? 174

FACTS. EVENTS. PEOPLE

A.M. Kulegin, A.P. Smirnov
The «Leningrad Case»: A Museum Glance 185

Z.I. Peregudova
The Cinema and Police in Russia Prior to 1917 196

N.A. Rodionova
P.K. Dylev – Dr Schweitzer of the Russian Abroad 205

SCHOLARLY AND CULTURAL LIFE

V.V. Erlichman
The Book Series «Life of Remarkable People»: They Never Die 213

Н.К. Меден
Проблемы войны и мира в современную эпоху: «Круглый стол» в Институте экономики РАН 224

N.K. Meden
Problems of War and Peace in the Contemporary Epoch: Roundtable in the Institute of Economy of the Russian Academy of Sciences

ОБЗОРЫ. РЕФЕРАТЫ

ESSAYS. DIGESTS

Недервин Питерс Я.
Глобальное изменение баланса сил: Кризис и поворот к Востоку и Югу 229

Nederveen Piterse J.
Global rebalancing: Crisis and the East-South Turn

Кьяни К.М.
Колебания в экономике и политика стабилизации в СНГ 235

Kiani K.M.
Fluctuations in Economic Activity and Stabilization Policies in the CIS

Японская катастрофа и мировая экономика 239

Les répercussions du séisme du 11 mars sur l'économie japonaise et l'économie mondiale

Ветцингер Й.
Внешняя политика Грузии при Михаиле Саакашвили: Рискованная игра в поле напряженности между Вашингтоном и Москвой 243

Wetzinger J.
Georgiens Aussenpolitik unter Michail Saakaschwili: Ein riskantes Spiel im Spannungsfeld zwischen Washington und Moskau

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ ТЕКУЩЕГО НОМЕРА 246

SUMMARIES

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Ю.С. Пивоваров

О РУССКОМ И СОВЕТСКОМ: ВЗГЛЯД ИЗ 2012 ГОДА

**Пивоваров Юрий Сергеевич – академик РАН,
директор ИНИОН РАН.**

*«И все так же, не проще,
Век наш пробует нас…»
Александр Галич*

Конец 2011 и начало 2012 г., не сомневаюсь, окажутся весьма заметными в последующей исторической ретроспективе. Можно даже дать точную датировку этого периода: суббота 23 сентября 2011 г., когда Владимир Путин устами «младшего царя» Дмитрия Медведева выдвинул себя на новое президентство, – понедельник 7 мая 2012 г., когда «старший царь» вступил в свою новую–старую должность. Ну, и «вокруг» последней даты: Путин передал Медведеву лидерство в «Единой России» и кресло премьера, Государственная дума подтвердила решение Владимира Владимировича. В промежутке были выборы – скандальные парламентские и вполне ожидаемые президентские. Если бы эти семь с половиной месяцев свелись лишь к этим событиям (и им подобным, однако **эти** наиболее впечатляющи и как бы впитывают в себя того же рода другие), то книгу русской истории следовало бы закрыть. На время. И сказать себе: все одно и то же, мы ничему не хотим учиться, страна обречена на вечный «дежа вю»…

И вдруг общество взорвалось. Не только болотно-сахаровскими митингами, инициативными «круглыми столами» и «практическими семинарами», интернетовской бурей протеста и беспощадным натиском «Новой газеты» (и некоторых других, правда более робких), не только бесконечными приватными обсуждениями и обсуждениями действий режима. Оно взорвалось **моральным** негодованием и неприятием. Не все, разумеется, общество, а та его часть, которая есть «гражданская», «civil society», «civil culture». – Должен сказать, что практически все крупные социальные трансформации имеют

своей причиной (или обязательным условием) определенную моральную позицию этого самого «civil society».

Наше общество переросло то устройство, которое сложилось у нас в послевоенный хрущёвско-брежневский период, во многом трансформировалось в ходе революции конца 80-х – начала 90-х годов и обрело свой нынешний вид в путинское десятилетие. Я настаиваю на том, что русская социальная эволюция шла именно таким образом. Ленинско-сталинский режим тотальной переделки, суицидального террора, беспримерно-насильственной мобилизации и отказа от универсальных человеческих ценностей сошел на нет в ходе Отечественной освободительной войны и мракобесных судорог середины века. После XX съезда начинают завязываться основы гражданского общества, а победившая Сталина номенклатура переходит от людоедства к более естественным формам социального питания. Иными словами, на смену мобилизации и террору являются медленно-противоречивая эмансипация и скромное потребление. Горбачёвско-ельцинский период проводит полную демобилизацию и отдает Россию на разграбление наиболее витальной и современно мыслящей части советской номенклатуры. Историческое значение Владимира Путина состоит в создании эффективного механизма по эксплуатации материальных богатств России в пользу небольшой части общества. В сфере политики и идеологии устанавливается уникальный строй – самодержавно-наследственное (или преемническое, или сменщицкое) президентство, опирающееся на авторитарно-полицейско-криминальную «систему» и отказавшееся от правовой и исторической легитимности.

Так вот, кажется, этот порядок перестал «соответствовать» русскому обществу даже минимально. И оно готово перейти к другим социально-властным отношениям. Повторю: **морально** готово.

В свете всего этого, в новом историческом контексте и хотелось бы обсудить некоторые, с моей точки зрения, принципиально важные темы эволюции отечественного социума. Это те темы, без прояснения которых нам будет трудно сдвинуться с места (нынешнего). К ним относятся: природа реформ и реформаторства, «архетипы» русского общественного развития, сущность советизма. Иными словами, что означает «реформа», в которой мы нуждаемся. Каковы некоторые важнейшие особенности русского общества, с которыми неизбежно столкнутся реформаторы. Что такое «советское», от которого мы хотим уйти.

О реформах

2011 был не только годом общественного запроса на реформы, но и памятной датой ряда событий, определивших судьбу русского реформаторства. Исполнилось 150 лет со дня освобождения крестьян от крепостного состоя-

ния, 100 лет со дня убийства выдающегося преобразователя П.А. Столыпина, 90 лет началу НЭПа, 20 лет – ельцинских реформ. В общем, все подвигало нас обратиться к этому вопросу.

Вглядимся в эпоху конца XIX – начала XX в. Сегодня понятно, что 50 с лишним лет от Великих освободительных деяний Александра II до столыпинских преобразований можно рассматривать как единый исторический «эон». Собственно говоря, так и делается: в науке принято говорить о пореформенном периоде. Нам же представляется, что точнее было бы назвать его периодом реформ. Они ведь не прекращались с 1861 г. по Февральскую революцию. Даже 1880-е годы («дальние, глухие», по выражению А. Блока), которые принято называть контрреформаторскими, были временем некой естественной приостановки для того, чтобы прийти в себя, осмотреться, успокоиться и двигаться дальше. При этом в экономической, социальной и правовой сферах реформы продолжались (имеются в виду развитие капитализма и введение передового трудового законодательства). И для всего периода характерен, как сказали бы в советские времена, комплексный подход. Реформы затронули практически все сферы жизнедеятельности русского общества. Это было наступление широким фронтом с продуманной программой мер. Они были связаны друг с другом; какая-то одна реформа влекла за собой другую в иной сфере и т.д. Правда, когда мы говорим об эпохе Великих реформ, мы всегда подчеркиваем их комплексность (крестьянский вопрос, сельское и городское самоуправление, суды, образование – начальное, среднее и высшее, военное дело), а применительно к столыпинским реформам мы зацикливаемся на вопросе общины. Но ведь план Столыпина, обнародованный им 6 марта 1907 г. в Государственной думе, включал в себя вопросы реформирования государственного управления, прав человека, социального законодательства и т.д. Более того, Столыпин совсем не был тем самым прогрессивным разрушителем консервативной общины, каким он рисуется многим. В этом вопросе он занимал позицию золотой середины: те, кто хотят и могут, пусть выходят, а те, кто не хотят и не могут, пусть остаются. Обратим внимание: большинство осталось.

Что еще важно в понимании эпохи реформ? В нашей науке и, соответственно, в сознании недоучитывается та громадная повседневная работа, которую вели русское государство и русское общество по узнаванию своей страны (помните неожиданные слова Ю.В. Андропова, что мы своей страны не знаем), упорядочиванию этого знания и, так сказать, упорядочиванию самой страны. Мы имеем в виду гигантский труд отечественных статистиков – они создали «банк данных» о России, без которого ее существование в современном мире было бы невозможно. Это касается и наследника Российской империи – СССР. Была также произведена кропотливая, тяжелейшая работа по межеванию земель. Тогда же произошел подъем архивного дела в России, т.е.

началось формирование социальной памяти. Переживают расцвет фольклористика и археология. Всем известен и взлет русской науки этой эпохи. В известном смысле слова, Россия тех лет стала палатой мер и весов, лабораторией по самосознанию и созданию нового знания.

И еще одно. У времени реформ был совершенно определенный вектор – эмансипация (или *само*эмансипация) российского общества. Успешное движение в этом направлении обеспечивалось следующими принципами: реформы – 1) должны проводиться в соответствии с русскими историческими традициями; 2) опираться на положительный опыт передовых европейских государств (Германия, Франция, Австро-Венгрия, Соединенное Королевство); 3) это дело не только государства, но и общества; 4) их смысл – в постоянном, несмотря ни на что, расширении круга участников принятия кардинальных решений; 5) они способствуют еще более тесной интеграции с Западом; 6) не должны привести к «растворению» России в современном мире в форме того или иного сырьевого придатка (донора) этого мира; 7) на заключительных стадиях (или этапах) реформ самое пристальное внимание стало уделяться «восточному» направлению русской политики и экономики (здесь речь идет и о подъеме Сибири и Дальнего Востока, и о понимании грядущей роли Азиатско-Тихоокеанского региона, и о проблемах, связанных с выходом России в самое сердце Центральной Азии); 8) они проводились на общеконсенсусной основе – и это при громадных противоречиях, существовавших между троном, бюрократией, дворянством и поднимавшимся гражданским обществом. Несмотря на трагизм этих противоречий, компромиссно-консенсусное начало нарастало. (Тем более трагическим представляется срыв с этой линии зимой 1916–1917 гг. Но даже это не отменяет факта усиления компромиссно-консенсусного типа развития.)

Смысл реформ-эмансипации заключается еще и в следующем. Настоящая реформа – а мы признаем реформы эпохи трех последних царствований настоящими – не крушит наличный мир, а преобразовывает его, совершенствует. По своей природе она нацелена не на уничтожение каких-то, казалось бы, устарелых форм, а на развязывание возможностей для становления тех сил, что зреют в рамках этого мира. Иными словами, настоящая реформа создает институты и процедуры, в которых актуализируется скрытое в старых формах новое, потенциальное. Реформа – это упорядочивание новых возможностей, нового баланса сил и проч. Повторим, таковыми по преимуществу были реформы второй половины XIX – начала XX столетий. Но именно здесь и таится опасность: раскрывая широко окно возможностей, реформаторы, вне зависимости от того, хотят они этого или нет, создают основу для новых конфликтов, новых противоречий, новых вопросов. И в этом смысле всякая реформа, всякая эмансипация – всегда и увеличение социальных рисков. Перефразируя известные слова Ленина, можно сказать: реформа порождает

новые конфликты. То есть период свободы требует новой, более высокой цены за социальный порядок. Поэтому для проведения реформ необходимы социальное мужество и социальная ответственность…

Свобода или опричнина

Однако не все то, что делается по переустройству общества, можно квалифицировать как реформы. Реформой, видимо, следует считать такие действия, которые заключаются в решении вопросов, стоящих перед обществом, на путях расширения зоны свободы прежде всего индивидуальной, – и, соответственно, личной ответственности. При таком подходе деяния Петра Великого, к примеру, не подпадают под эту характеристику. Все те громадные новации, которые внес в русскую жизнь этот человек, имели своим главным результатом дальнейшее закабаление населения России. И даже если признать за Петром – а мы признаем – заслугу в деле русского просвещения, то и это не отменяет главного результата его действий. Более того, трагическое несоответствие просвещения и крепостничества и стало основным взрывным элементом русской революции и Гражданской войны. Причем социальная опасность одновременности просвещения и закрепощения не была преодолена даже Великими реформами.

Реформа – это всегда конфликт; повторим: настоящая реформа не уничтожает его. Но создает легитимные и эффективные процедуры протекания. Реформа – это политика осознанного принятия социальной конфликтности как фундамента для нормального, здорового развития общества. Реформа – это отказ от единственной и тотальной идеологии; отказ от принципа «кто не с нами – тот против нас»; отказ от понимания другого / иного как врага. Реформа – это то, что сегодня американский политолог Джозеф Най называет «soft power». В своей последней книге «Власть в XXI в.» Най говорит, что смысл soft power в том, что в ходе ее применения увеличивается количество друзей и уменьшается количество врагов. «Hard power» действует наоборот. Реформы – это также то, что Най квалифицирует как «smart power». Смысл этого последнего заключается в том, что настоящий реформатор всегда принимает во внимание позиции в обществе различных социально ответственных сил, включая и противостоящие ему, способствует их усилению.

Одним из заблуждений русского сознания является уверенность в том, что реформы может проводить власть и только власть. Нет, опыт последних 100 лет показывает: реформирование практически всегда есть дело рук и власти, и общества. Там, где общества нет – в том смысле, что оно еще не готово взять на себя часть бремени социальной ответственности, – реформы, даже блестяще задуманные и продуманные, не удаются. Пример: Михаил Сперанский. Его гениальный проект преобразований оказался не по плечу тогдаш-

ней России. И Александр I мгновенно и безболезненно свернул робкие начинания и громкие обещания. Оказалось, что Сперанский предложил России план «на вырост». А когда русское общество подросло, тогда оно в тесном союзе с властью и одновременно в жестком противостоянии с ней реализовало план Михаила Михайловича.

Говоря сегодня о реформах как об эмансипации, мы не можем не затронуть вопроса о том, что является прямой противоположностью реформы, но в массовом сознании именно это противоположное нередко полагается высшим достижением русской цивилизации. Мы хотим сказать о трех персонажах, несомненно, любимых, нередко даже и бессознательно, многими русскими людьми. Это Иван Грозный, Петр Великий и Иосиф Сталин. Их обычно противопоставляют «гнилым и неудачливым» либералам-интеллигентам. Так вот, в нашем обществе усиливается убеждение, что высшие русские успехи – это всегда жесткая, не щадящая никого, «варварская» модернизация. Причем варварство оправдывается одними потому, что «так было всегда и у всех», другими потому, что «с русскими по-иному нельзя». Главное – в том, что одержаны великие победы, создана великая страна.

Мы не будем полемизировать с ними. И для нас неважно даже то, что сразу после физического исчезновения этих людей все их великое почему-то рушилось. Нам эти люди и их действия важны, повторим, тем, что они суть не реформаторы и реформы, а нечто им противоположное, и что в результате этих действий трижды в нашей истории возникала по существу одинаковая и по существу тупиковая ситуация. При всем естественном различии исторических эпох, в которые действовали эти персонажи, они приходили к одной и той же социальной конфигурации. Мы бы ее назвали так: опричнина-земство.

Отказавшись от экспериментов Избранной Рады, поскольку они не обеспечивали усиления собственной власти, а напротив, «демократизировали» социальный порядок (мы понимаем всю условность используемой терминологии), Иван IV придумал следующий механизм. Бóльшая – в количественном отношении – часть страны живет, вроде бы, как и жила: в рамках привычных, традиционных форм. А рядом создается новое общество, которое освобождено от этих форм и которому «все позволено». Таким образом, перед нами феномен расколотого социума, где одним велено изображать жизнь в старых ее формах, а другим дозволено делать с этой земщиной все, что захочется и что прикажут. По-своему такая расстановка сил выгодна, как это ни парадоксально, обеим сторонам. Она, на самом деле, воспроизводит властно-социальную диспозицию, к которой Русь привыкла, адаптировалась за два примерно с половиной столетия монгольского ига. То есть это ордынский порядок, где в роли опричнины Орда, а земщины – Русь. И когда мы сказали, что и земщине выгоден такой порядок, мы имели в виду то, что иной был и непредставим, и неизвестен.

Почему же он провалился? Иван Грозный не сделал главного шага – того, который удался его наследнику Петру. Он не придал этому сконструированному им расколу культурно-мировоззренческого антагонизма, который, кстати, предполагала классическая ордынская модель. С одной стороны, кочевая, языческая, затем мусульманская, по преимуществу тюркская Орда, с другой – земледельческая, христианская, славянская Русь. К концу же XVII столетия у Петра Алексеевича на руках уже были все козыри, полный инструментарий для конструирования этого самого культурно-мировоззренческого антагонизма. Причем, как и в случае с Иваном Грозным, новой ордынизации России предшествовал период «демократических» экспериментов другой Избранной Рады – «правительств» Фёдора–Софьи–Голицына. И потому этому будущему мореплавателю, академику и плотнику уже не надо было проводить самому «демократические» опыты, которые, ясное дело, вели всю систему к бóльшей социальной плюрализации и расширению зоны свободы.

Два десятилетия Петр создавал новую опричнину, говорящую по-немецки, и новую земщину, которая, вроде бы, живет по-старому – ведь никто не отменял Соборного Уложения его папы. Повторим: Петр учел историческую недоработку Ивана Грозного. Он ведь хорошо помнил, как земщина разгулялась в начале XVII в. и, несмотря на усилия прадеда, деда и отца, в общем, для русских условий довольно вольготно гуляла до конца столетия. Петровская европеизированная опричнина хорошо знала и эффективно делала свое дело. Это было связано еще и с тем, что и здесь Петр пошел дальше своего великого предшественника (Ивана IV). Иван Васильевич, расколов правящий слой, не довел до логического конца начатое. То есть не истребил поголовно не принятых в опричнину крупных, мелких и средних «феодалов», которые, как мы знаем, и учинили на развалинах грозненского орднунга «лихие нулевые». А Петр сделал все правильно. Сначала, в качестве социального предупреждения, он порубил головы «оппозиционерам», и, тем самым запугав и усмирив свое правящее сословие, превратил его скопом в новых опричников. То есть заставил отречься от своего феодальства и от своей земской русскости (заставил их считать себя немцами).

Дело Петра простояло дольше, но в целом недолго. Не случайно русская история после смерти Петра называется постпетровской. Но для нас эта неслучайность другая, нежели общепринятая. Сразу после его смерти начался, по сути, хотя это и не было так заметно, другой период. Оказалось, что и петровская опричнина не столь крепка и, как ему хотелось, эффективна. Внутри нее мгновенно вспыхнула свара, она раскололась на враждебные группировки и имела дерзость менять людей на троне. В конечном счете доигралась до того, что получила свободу. И это было мщением Петру…

Схожим образом действовал Иосиф Виссарионович. Его опричниной, как мы понимаем, была верхушка советского общества, составленная из партий-

ных, чекистских, хозяйственных номенклатурщиков. Им тоже было все позволено по отношению к той части общества, которая в нее не вошла. Никаких ограничений не существовало. Советской же земщине дали все, чтобы она считала себя самой счастливой: и лучшую в мире конституцию, и лучшее образование, и самую справедливую систему социальной защиты, и бесплатное жилье, и поразительно комфортное оптимистическое мироощущение. Разумеется, поскольку в этот раз земщина была так щедро облагодетельствована, сталинская опричнина – орда – для того, чтобы ей самой существовать и дальше (заметим, в русской истории земщина всегда могла существовать без опричнины, а наоборот – никогда), – была вынуждена ввести некоторые ограничения / изъяны. Так, табуизировалось любое кроме утвержденного на сегодня мировоззрение (здесь очень важно «на сегодня»: верность тому, что было «на вчера», квалифицировалась как смертное преступление). Временно, до момента окончательной победы коммунизма, отменялись все права человека. И даже те, которыми ему разрешали пользоваться, он мог пользоваться только по разрешению. Навсегда отменялись выборы. Но здесь иного и быть не могло: ведь в социалистическом обществе не было антагонистических противоречий – значит, не было и конфликта интересов. Впрочем, мы не будем дальше перечислять те ограничения, которые, повторим, была вынуждена ввести сталинская орда-опричнина. Удивляет лишь одно: что этот творец нового, небывалого так много восстановил в русской жизни старого, привычного. В первую очередь, конечно, крепостное право для крестьян. А во вторую, для горожан.

Новизной сталинского орднунга было то, что он, подобно Петру, который учел недостатки эксперимента Грозного, учел недостатки эксперимента Петра. А у Петра они были существенными. Он ведь в лице своих опричников ввел Россию в Европу, а опричники – они тоже ведь люди – подверглись тлетворному влиянию Запада, что привело к тому, что они стали как-то остывать к своему основному предназначению и все больше увлекаться идейками, стишками, – в общем, всей этой разлагающей русского опричника «материей». Сталин, хотя и говорят, что у него одна рука была повреждена, быстро и властно самолично опустил железный занавес. И, надо признать, сталинские и даже большинство послесталинских опричников оказались вне сферы тлетворного влияния Запада.

Далее. Сталин понимал, что настоящим, подлинно боевым и соответствующим эпохе модернити опричником нельзя быть в нескольких поколениях. Сомнителен уже сын опричника – тем более, внук. Почему-то инерционно не удерживается главное предназначение опричника – бороться с врагами России (сталинского СССР). А вот Петр этого не знал и однажды, создав касту опричников, дал ей социально-физиологическое право плодить опричников во многих поколениях. Конечно, этот петровский недосмотр не мог не при-

вести к вырождению опричного начала. Но Сталин понимал, что даже один человек в течение всей своей жизни не мог быть всегда опричником – несколько лет мог, а потом нет. И он ввел практику постоянного уничтожения опричных кадров с целью обновления и усиления опричного потенциала. Знаменитое кагановичевское: «Мы снимаем людей слоями». И надо сказать, этот новаторский для мировой истории прием принес небывалые плоды. Режим сталинской опричнины доказал свою полнейшую эффективность в решении тех задач, которые ему ставились, прежде всего в отношении земщины.

Но Сталин пошел еще дальше. Он многократно сообщал земщине и следовал этому сообщению, что кадры будущей опричнины рекрутируются из земщины, а не из рядов нынешних опричников. Тем самым он сделал свою опричнину общенародной. Теперь каждый советский человек в принципе мог стать опричником. К сожалению, он не учел двух обстоятельств (но в оправдание скажем, что их и невозможно было учесть). Первым обстоятельством стала война, в условиях которой непрекращающийся и прогрессивный по своей исторической сущности процесс обновления опричничества стал невозможен. Сталин, как трезвый государственный стратег (это А.И. Солженицын о нем; не верите? да вот сноска[1]), отказался на время войны, в отличие от Гитлера, вести войну на два фронта – с фашизмом и своим народом. Он сосредоточил все силы на борьбе с фашизмом и в этой войне победил. И начал проигрывать в борьбе со своей же опричниной, а поскольку каждый советский человек являлся потенциальным опричником, – то и со всем советским народом.

Второе обстоятельство – это его смерть, которая до конца обнажила антагонистическое противоречие сталинской конструкции опричнины. Соотношение «Сталин–опричник» было таковым: вечный Сталин и опричник на краткий исторический миг. Но оно было заморожено, пока он жил. Когда он умер, началась оттепель. Опричники решили тоже стать вечными. И всё – сталинская система была обречена.

Подведем итоги. Все три опричные системы обязательно гибнут после смерти своих демиургов. Но какой-то исторический период они существуют в более мягких, размытых формах. Выход из этих исторических тупиков бывает различным: через Смуту и искания XVII в. – к возвращению вновь к опрично-земской модели; через Великие реформы и трагедию революции – к новой опрично-земской модели; и вот ныне – то, что перед нашими глазами, процессы, соучастниками которых мы являемся. Чем это закончится, неизвестно.

1. Солженицын А.И. Россия в обвале. – М.: Русский путь, 1998. – С. 137.

Есть еще три вещи, о которых необходимо сказать. Опрично-земская система в России не случайность, но историческая традиция. Опрично-земская система недолговечна и заканчивается либо крахом, либо попыткой перейти к какой-то иной модели. Возвращение к опрично-земской системе в условиях современного мира представляется маловероятным. Если же попытки будут предприняты, то, по всей видимости, они закончатся небывалым историческим поражением, поскольку принципы этой системы полностью несовместимы с вектором мирового социального развития. Кроме того, эти попытки столкнутся с фундаментальным сопротивлением в самом русском обществе, которое, как представляется, переросло это конструкцию и вполне готово к социальному творчеству и реформам.

А теперь немного истории…

Несколько слов о генезисе русского опрично-земского орднунга

Как же происходило его формирование? – Об этом весьма убедительно пишет современный отечественный историк Н.С. Борисов. «Со времен Ивана Калиты московский князь играл роль общерусского “сельского старосты”. Орда возложила на Даниловичей обязанности по сбору дани, поддержанию повседневного порядка и организации разного рода “общественных работ”, главным образом, военного характера»[2]. Вообще-то должность общерусского сельского старосты была многотрудной, но в то же время исторически благодарной. Поскольку был приобретен бесценный опыт. «Великий князь Владимирский отвечал перед ханом за все, что происходило в “русском улусе”. Он имел множество недоброжелателей, завистников и клеветников. Остерегаясь козней врагов, он должен был быть всегда начеку, иметь надежную охрану и не жалеть средств на разведку. (Представляю, с **каким пониманием** прочли бы эти строки позднейшие русские правители. – *Ю.П.*) Однако всякий труд предполагает вознаграждение. Даниловичи уже в силу своего первенствующего положения получили ряд преимуществ перед другими князьями. Через их столицу шли “финансовые потоки” – дань в Орду со всей Северо-Восточной Руси. Они имели исключительное право на аудиенцию у хана и, пользуясь этим, могли устранять своих соперников руками татар. Эти две привилегии великие князья охраняли как зеницу ока»[3]. – Автор подчеркивает: «В роли “общерусского старосты”, назначенного Ордой, московские князья… накопили большой организаторский опыт, научились добиваться неуклонного исполнения своих требований, наладили обширные личные и

2. Борисов Н.С. Возвышение Москвы. – М.: Русскій Міръ, 2011. – С. 8.

3. Там же. – С. 9.

династические связи. Весь этот сложный механизм до поры до времени работал в интересах и на благо Орды»[4].

Но вот пришли иные времена. «Ослабление Орды, начавшееся после кончины хана Джанибека (1357), поставило московских князей перед нелегким выбором. “Приказчик” вдруг остался без “барина”. Собирать дань уже было незачем. Москве приходилось выходить из ордынской тени и начинать свою собственную игру»[5]. И далее: «Московские князья могли либо смиренно “отказаться от должности” и вернуться на положение рядовых членов княжеского сообщества, либо использовать находившийся в их руках отлаженный татарами механизм великокняжеской власти для собственных целей»[6]. – Как мы знаем, был избран второй путь. Приказчик сам стал барином. Ханская ставка была перенесена в Кремль (Г.В. Федотов). С этого момента (рубеж XV–XVI вв.) отлаженный татарами механизм великокняжеской власти заработал на нового хозяина, т.е. на самое себя. Соответственно, потребовалось и создание новой орды, уже русской, православной. Вопрос теперь стоял только в формах реализации барина-орды. Как только очередной вариант ослабевал, начинался кризис (смута). В результате разрешения которого **всегда** являлось на свет новое издание орды (барина).

О «главном вопросе для современного человечества»

А теперь коротко о природе советского. Без адекватного понимания этого вперед нам не двинуться. И самое главное – как стал возможен советский коммунизм? Неужели это результат (или следствие) русской истории? Ничего похожего в прошлом не было. Смута начала XVII в.? Ну, какие-то черты одинаковости просматриваются. Однако не более того. Так может это реакция на вхождение России в современный мир? Если это так, почему же в такой страшной форме?

Предреволюционная Россия была вполне успешной. Росло благосостояние народа, эффективно развивалась экономика, преодолевался аграрный кризис, демократизировалась политическая система, культура и наука переживали расцвет. Война? На фронте ничего выходящего за рамки войны не произошло. И дело шло к победе, и количество жертв было сопоставимо с жертвами главных участников всемирной бойни. Разумеется, имелась масса проблем, все они требовали решения. Но ничего, ничего фатального, предопределенного не было и в помине. Однако грохнуло.

4. Борисов Н.С. Возвышение Москвы. – М.: Русскій Міръ, 2011. – С. 8.

5. Там же. – С. 10.

6. Там же.

Через 74 года также внезапно коммунизм-советизм развалился. «Мое основное наблюдение сводилось к тому, что Советский Союз был отменен из-за отсутствия интереса к его существованию. И никто не хотел выступить в его защиту», – говорил Джеймс Коллинз (в 1991 г. – первый зам. посла США Джека Мэтлока, в 1997–2001 гг. посол США в России)[7].

«Таинственное» появление, «таинственное» исчезновение. Между ними – нигде никогда небывалый строй. Который оценивается в диапазоне: суицид русского народа – величайший в истории подъем России.

В начале 80-х годов Эдгар Морен писал: «СССР – САМЫЙ БОЛЬШОЙ ЭКСПЕРИМЕНТ (так у автора. – *Ю.П.*) и главный вопрос для современного Человечества»[8]. Наверное, в этих словах содержится определенное преувеличение, но то, что СССР один из самых больших экспериментов и вопросов – точно. Во всяком случае, для русской науки нет вопроса важнее. Скажу больше: настоящее и будущее (обозримое) России зависит от того, как мы ответим на все эти вопрошания.

Но неужели ответы еще не найдены? Ведь советскому коммунизму посвящены тома и тома работ. Скоро уж столетие Октября, а это означает, что ровно столько же этот феномен анализируется. Что же нам неизвестно? – Да все. И только с этой позиции исследователь должен начинать. Конечно, изучить тонны ранее написанных трудов. И после этого – с чистого листа.

Вот, скажем, тема: революция. То, с чего все началось. Казалось бы, Великая французская задала норму. Отныне и навсегда все революции меряются по ее стандарту. А этого решительно делать нельзя. Там революция поднялась ради частной собственности для всех, а у нас ради отмены частной собственности для всех. Там революция вдохновлялась идеями мыслителей Просвещения, «мейнстримом» интеллектуальной культуры, у нас – большевистско-марксистским «дайджестом», который никогда не входил в русский mainstream, был периферийным продуктом. Между Наполеоном и Сталиным тоже ничего общего… Там революция позволила утвердиться новому порядку, формировавшемуся в недрах старого. У нас революция раздавила этот новый порядок и ревитализировала многое из того, что, вроде бы, уже уходило.

Маркс назвал революции локомотивами истории. Для Европы это, может быть, и верно. Они тащили это самое новое в настоящее и будущее. А вот для нас и нашей революции звучит двусмысленно. Ведь если и она локомотив истории, то, побивая современное, новое, она влетала в прошлое, традицию и беспощадно давила их своими колесами. Этот «локомотив» лишал нас не только настоящего, но и прошлого. Лишь наивные простаки полагали, что он

7. «Совершено секретно». 2011, август, № 8/267. (Интервью).

8. Морен Э. О природе СССР: Тоталитарный комплекс и новая империя. – М.: РГГУ, 1995. – С. 11.

мчит нас в будущее. – Мы-то оказывались у разбитого корыта… И эта футуристическая мания («будущее!», «все для будущего!», в «будущем будем жить счастливо!») была, конечно, – платой за разбитые прошлое и настоящее. Большевики как будто убегали от ими же устроенных развалин. Поэтому они и кричали: «догнать», «перегнать». Гонщики!..

И вдруг гонка оборвалась. Исчез СССР, как и родился, тоже совершенно по-своему. Поэтому наряду с «революцией» тема нашей науки – «почему погиб советский режим?» Попробуем сказать об этом. Итак…

Неожиданный закат СССР

Почему погиб советский режим? – Он не мог нормально существовать в условиях спокойствия. Советская система была создана (сконструирована) для функционирования в чрезвычайных условиях: для того, чтобы обрушивать террор, вести тотальные войны, постоянно взнуздывать население (через беспощадные мобилизации). Но никакой социальный порядок в истории человечества долго этого выдержать не может. Устает.

Металлические конструкции нередко рушатся внезапно, без, казалось бы, видимых на то причин. Специалисты говорят: усталость металла. Ее, насколько мне известно, практически невозможно вовремя диагностировать. Это же произошло с советской системой. В. Маяковский мечтал: гвозди бы делать из этих людей. – Сделали. Но гвозди устали. Сломались.

Советская система представляется мне прямой противоположностью городу Венеции. Венеция стоит на лиственничных сваях, которые со временем не гниют, а, наоборот, приобретают устойчивость, сравнимую с камнем. Здесь же металл устал, – постройка рухнула. Но режим был далеко не так «глуп», как полагали многие, в том числе и автор этой работы. Даже в период расслабления, когда, вроде бы, его руководство отбросило курс на безжалостное достижение непонятного и неведомого коммунизма и погрузилось в банно-охотничью dolce vita, он вдруг пускался на совершенно авантюрные, безумные действия. Но это лишь казалось, что они таковы. Ярчайший пример – афганская война. Или сверхзатратная поддержка уголовного режима братьев Кастро. Или африканские затеи. И т.д.

На самом деле система пыталась взбодрить себя, вновь окунуться в атмосферу «и вечный бой, покой нам только снится». Это как ушедший на «пенсию» спортсмен пытается вернуть себе былую форму. С одной стороны, мы знаем, что спортсмен, прекративший тренировки, снизивший нагрузки на организм, особенно уязвим для всякого рода болезней. С другой – если он переусердствует, исход может быть гибельным.

Видимо, что-то подобное происходило и с нашим режимом. Это доказывает: социальные порядки подобного типа не реформируемы – они против природы человека.

Между прочим, и предшественники советской системы (опричнина грозненская и петровско-крепостническая) проделали тот же путь. Правда, грозненская рухнула сразу же после кончины ее творца. И в России началась война всех против всех. Она стала возможной не только как естественная реакция различных общественных групп на ужас опричного строя, но еще и потому, что сами эти группы были недостаточно закрепощены, не «научились» еще безмолвствовать.

А вот после смерти Петра смута не началась. Все уже было под замком (это Герцен говорил, что предшественники Петра, особенно папа его, заковывали народ в кандалы. А замкнул их замком немецкой работы Петр Алексеевич). Бунтовала только гвардия (а не все дворянство, – оно тоже бóльшей частью своей было превращено в рабское сословие). То есть право на бунт оставили у совершенно незначительной части населения. И это было единственным из прав человека в тогдашней России.

С советской системой оказалось сложнее. Сами ее начальники начали постепенный демонтаж. Главным (основным) проявлением этой политики стало относительное раскрепощение населения. Тем самым они отсрочили обвальное падение системы и одновременно заложили мину в ее фундамент. Смута все-таки пришла. Но уставшие за 70 лет люди в основном занялись не взаимным убийством, а приватизацией.

Кстати, **эта** приватизация была **подлинной**, т.е. не той, которую связывают с министром Чубайсом. **Эта** приватизация стала всеобщей: в ней участвовало все население. То есть она имела характер общенародный – и не случайно. Идеологи советской системы настаивали на общенародном характере своей системы. И в этом смысле народ имел полное право, когда она рухнула, взять себе все. В таком контексте приватизация, по Чубайсу, выглядит как контрприватизация, как узурпация общенародного кучкой проходимцев. В этом главное содержание смуты конца XX – начала XXI в. И хотя по видимости победили чубайсы, на самом деле и народная приватизация достигла громадных успехов.

Обратим внимание: мы ничего не сказали о событиях революции, Гражданской войны и первых лет становления системы. А ведь по видимости они схожи с постгрозненской и постсоветской смутами. Но именно по видимости, а не по сути. Октябрь и последовавший за ним исторический период – это не реакция на гибель, разложение насильнической системы. Напротив, это реакция на появление в России открытого общества. Это отказ от замаячившей свободы. Солидарный протест тех социальных групп и тех модальных типов личности, для которых свобода – что-то типа морской болезни. И они пред-

почитают сжечь корабли, чтобы не искушать судьбу. К сожалению, тогда такие группы и личности составляли большинство.

Конечно, советская система намного сложнее, чем грозненская и петровская. Поэтому и история ее тоже богаче. Материальной метафорой этой системы являются тракторные заводы. Эти заводы хоть и строились как тракторные, но подлинной целью было создание танков. Объявлялось: в сельском хозяйстве переход к социализму будет осуществлен (помимо прочего) посредством его (сельского хозяйства) коренной технической модернизации. В реальности же готовились к войне. Поэтому и для настоящих нужд сельского хозяйства создавались тракторы, так сказать, с танковой основой. То есть неэффективные, малопригодные для сельского хозяйства. С помощью этих танков-тракторов режим вел постоянную битву за урожай. Благодаря такой политике система, хоть и с трудом, выиграла войну, но проиграла битву за урожай.

Особенность советской системы также и в следующем: в 1956 г. ее руководство решилось на самоубийственный шаг. Оно провело свой Нюрнбергский процесс. Я настаиваю на том, что XX съезд был СОВЕТСКИМ Нюрнбергом. И потому никакого другого Нюрнберга в России уже не будет. При всей внешней (с нынешней точки зрения) скромности и робости саморазоблачения это было именно саморазоблачение. Замечу в скобках, что это одно из самых морально достойных событий в русской истории за все ее тысячелетие. Даже, вероятно, при том, что оно стало возможным в результате острой внутрипартийной борьбы. То есть такая цель – саморазоблачение – не ставилась. После этого Нюрнберга система была обречена. Начался процесс эмансипации.

И потому в Смуте конца XX – начала XXI в. наряду с прогрессивной общенародной приватизацией началось контрэмансипационное реакционное движение. Парадокс истории заключался в том, что его вождем стал человек, добивший советскую систему, – Б. Ельцин. Кому русские поставили памятник как человеку, прекратившему смуту начала XVII в.? – Козьме Минину. Кого сегодняшняя власть начинает облекать в памятники? – Бориса Ельцина. Козьма Минин спас русскую систему в момент ее становления. Борис Ельцин – в годину ее, казалось бы, умирания. Это он отдал то, что принадлежало всему народу, на разграбление кучке бандитов. При этом нанес удар и по традиционалистско-советским силам, которые в своей наивности и невежестве надеялись на реставрацию советизма. Он освободил историческую сцену России от массовки, претендовавшей на свою долю в переделе. И от непрогнозируемых экстремистов старого и нового образца. И совершенно не случайно, он передал власть единственной пока еще в русской истории не разлагавшейся (не в моральном, а в социально-организационном смысле) корпорации спецслужбистов.

Парадоксальным образом Б. Ельцин является одновременно и героем русской свободы, и героем русской несвободы.

Русская патримония

Поговорим о других «эссенциях» нашего исторического пути и современного состояния. Поговорим о том, что всегда считалось ключевым для понимания социальных порядков – власти и собственности.

В книге «Россия при старом режиме» Ричард Пайпс пишет: «В своем анализе я делаю особый упор на взаимосвязи между собственностью и политической властью. Акцентирование этой взаимосвязи может показаться несколько странным для читателей, воспитанных на западной истории и привыкших рассматривать собственность и политическую власть как две совершенно различные вещи (исключение составляют, разумеется, экономические детерминисты, для которых, однако, эта взаимосвязь везде подчиняется жесткой и предопределенной схеме развития). Каждый, кто изучает политические системы незападных обществ, скоро обнаружит, что в них разграничительная линия между суверенитетом и собственностью либо вообще не существует, либо столь расплывчата, что теряет всякий смысл, и что отсутствие такого разграничения составляет главное отличие правления западного типа от незападного. Можно сказать, что наличие частной собственности как сферы, над которой государственная власть, как правило, не имеет юрисдикции, есть фактор, отличающий западный политический опыт от всех прочих. В условиях первобытного общества власть над людьми сочетается с властью над вещами, и понадобилась чрезвычайно сложная эволюция права и институтов (начавшаяся в древнем Риме), чтобы она раздвоилась на власть, отправляемую как суверенитет, и власть, отправляемую как собственность.

Мой центральный тезис состоит в том, что в России такое разделение случилось с большим запозданием и приняло весьма несовершенную форму. Россия принадлежит par excellence к той категории государств, которые политическая и социологическая литература обычно определяет как “вотчинные” (patrimonial). В таких государствах политическая власть мыслится и отправляется как продолжение права собственности, и властитель является одновременно и сувереном государства и его собственником. Трудности, с которыми сопряжено поддержание режима такого типа перед лицом постоянно множащихся контактов и соперничества с Западом, имеющим иную систему правления, породили в России состояние перманентного внутреннего напряжения, которое не удалось преодолеть и по сей день»[9].

9. Пайпс Р. Россия при старом режиме. – М.: Независимая газета, 1993. – С. 9–10.

Действительно, в античном мире (в Греции как тенденция, в Риме как факт) произошло разделение единого до этого феномена на власть и собственность. То есть стала возможна экономическая собственность вне системы властных отношений. Это было зафиксировано в римском праве (появились публичная и частная сферы); философское обоснование имеется в индивидуалистической интенции греческой философии. Христианское мировоззрение, основывающееся на личном начале, по сути дела, тоже работало на эту тенденцию. Протестантизм, Возрождение, капитализм все это закрепили. Хотя надо признать, что и в западном мире тема контроля власти над собственностью не была закрыта. В XX в. это вылилось в политику сменяющих друг друга национализаций–приватизаций.

В России же – здесь Р. Пайпс абсолютно прав (впрочем, об этом писали и до него и после) – патримония (властесобственность) сохраняется. Причем в весьма разнящихся вариантах. Но при всех различиях главное при изучении этой темы: во-первых, «ограничена»[10] ли субстанциальность власти «внутри» властесобственности, во-вторых, если ограничена, то чем, какими средствами.

Россия в ходе своей эволюции пережила три формы властесобственности (третью переживает).

1. Первую форму условно назовем **самодержавной**. Правда, в тот период, который нас интересует, – предреволюционная Россия (конец XIX – начало XX в.) – ни самого самодержавия в прямом смысле этого слова, ни самодержавной властесобственности в том же смысле, казалось, уже не было. А если и существовали, вроде бы в весьма ослабленном и уходящем виде. – Главным ограничителем субстанциальности власти в рамках властесобственности было общество – довольно развитое, дифференцированное, со множеством действующих лиц (субъектов), существующее не только по указке властесобственности, но и в силу своего собственного развития (саморазвития).

Далее, она была ограничена религиозными и культурными традициями. Правящая бюрократия (ядро власти) независимо от того, были ли ее представители лично верующими или нет, все-таки была вынуждена сообразовывать свои хищнические амбиции и эгоизм с официально господствующими в обществе религиозными ограничителями (типа «креста на тебе нет»). Значительными были и культурные ограничители. Поколения и поколения мастеров властного дела воспитывались на традициях высокой гуманистической культуры. И, безусловно, был сформирован тип властителя как человека культурно-гуманистического общества.

10. Я пишу это слово в кавычках, потому что, строго говоря, субстанция не предполагает никаких ограничений. Однако такова теория, реальная жизнь полна самых непредставимых в мышлении явлений.

К системе ограничений принадлежала также и весьма качественная профессиональная подготовка этих людей. Профессионал, как правило, рационален и умеет просчитывать будущее, он склонен к компромиссам и договоренностям.

Все это, вместе взятое, ставило под угрозу дальнейшее существование феномена властесобственности. И в тот момент, когда он приблизился к точке своего перерождения в нечто иное – не будем сейчас гадать, во что, но точно это был уход от классической властесобственности, – раздался мощный взрыв революции. Попутно заметим (нам это потом понадобится) – разложение самодержавной властесобственности в целом происходило под знаменами либеральной идеологии.

Прежде всего, новый режим уничтожил противоречие самодержавной властесобственности – то самое, которое подтачивало и подточило его устои. Это противоречие заключается в следующем. Сам по себе феномен властесобственности, как мы хорошо знаем, отрицает собственность, отдельную от власти. Но хозяева царской России – кто на практике, кто в любой момент, если бы захотел, – были частными собственниками.

В этом контексте реформа 1861 г. видится совершенно в ином свете. Это не только освобождение крестьян от крепостной зависимости, но и уничтожение самодержавно-крепостнической частной собственности помещиков. То есть парадоксальным образом это пролог будущей коммунистической революции, что гениально почувствовал Ленин и выразил в словах: реформа породила революцию, 61-й год – 1905-й. Этого провидчески боялся Николай I, утверждая, что крепостное право помещиков над крестьянами есть русская форма частной собственности, а бороться с ней нельзя, поскольку частная собственность – это прогресс человечества[11].

Александр II и его окружение не только пустили Россию по дороге рыночной экономики и демократизации-либерализации, но и резко усилили общинное владение землей как **народную форму властесобственности**. Макс Вебер назовет это в 1905 г. патриархальным аграрным коммунизмом.

Взамен государство, используя эту ситуацию, стало создавать под водительством С.Ю. Витте государственный капитализм, который был в известном смысле не только прорывом России вперед, но и реваншем традиционной (самодержавной) властесобственности. Потеряли в одном – найдем в другом. Не случайно Ленин всегда испытывал нежные чувства ко всем формам госкапитализма и даже считал НЭП одной из таких форм.

11. У А.И. Герцена есть замечательная статья – «Крещенная собственность». Она о том, что первой русской частной собственностью стала собственность помещиков на крепостных.

2. Итак, в стране утверждается **коммунистическая властесобственность**. Большевики, повторим, исправили фундаментальное противоречие предшествующей формы и создали правящее сословие бессобственников, т.е. казалось бы, непротиворечивую форму властесобственности. В связке «властесобственность» собственность уменьшалась до ничтожной величины. Взамен правители получили иные возможности, но это другая тема (к примеру, ничем не ограниченную ситуативную власть человека над человеком). При этом ограничили власть суровой, агрессивной, жесткой коммунистической идеологией. Лозунгом этого ограничения были известные слова: «У тебя что, два партбилета?».

В конечном счете большевики пришли к такой формуле властесобственности – «общенародная собственность». То есть все принадлежит народу. Конечно, на самом деле все принадлежало номенклатуре. Но это «все» было в высшей степени ограничено. По наследству не передашь, пользоваться можно тайно. В целом – не твое. Или: твое – временно, твое – неофициально…

В 1936 г., практически достигнув автаркии (лишь 1% ВВП не производился в пределах СССР)[12], идеальная замкнутая властесобственническая система была построена. И эта «идиллия» существовала бы поныне, если бы СССР действительно сумел реализовать мировую революцию (в масштабе земного шара). Однако не получилось. Мир же в XX столетии пережил серию не только социальных катаклизмов, но и научно-технических, экономических и прочих революций. Чтобы выживать в действительно враждебном окружении, СССР должен был развивать науку, очень сложную экономику, мощный ВПК и др.

Так в 50–80-е годы был создан многочисленный советский «средний класс» – достаточно культурный, неплохо образованный, худо-бедно осведомленный в мировых делах. И этот «класс» стал претендовать на бóльшую долю в социальном пироге, на бóльший доступ к информации, на бóльшее участие в принятии решений и т.д. Да и сама номенклатура подустала от высоких этических идеалов типа «как закалялась сталь». Ей тоже захотелось, что вполне понятно, сладкой жизни.

Вообще, должен заметить, большевики недооценили гедонистическое начало в человеке. Они, как теперь ясно, ошибочно полагали, что человек может удовлетвориться сладкими сказками о сладком будущем его внуков и возможностью периодически поедать другого. Людям же сегодня хотелось,

12. Между прочим, забывают, что за 20 лет до этого, в 1916 г., Россия тоже стала практически автаркическим государством. Два отличия: без варварской эксплуатации собственного народа и без отказа самому этому народу в основных сущностно необходимых «источниках» поддержания жизни.

по словам Виктора Астафьева, каши и колбасы. Этот гедонистический правозащитный (всем же хотелось прав) массовый подъем русского общества, который вновь, как в начале XX в., имел либеральный по свой сути характер, смел коммунистическую властесобственность.

3. Так родилась третья в XX в. Россия (или третья Россия XX в.). Несмотря на кажущуюся уверенность в том, что с властесобственностью будет покончено, и страна пойдет к рыночной экономике и разделению власти и собственности, этого не произошло. Более того, феномен властесобственности на этот раз возродился в самой чистой, еще более чистой, чем та, о которой мечтали первокоммунисты, форме – безо всяких ограничителей. Сегодня мы не обнаружим ни агрессивно жесткого мировоззрения, обуздывающего властесобственность, ни тех или иных религиозно-культурно-профессиональных «запретов». Подобное наблюдается впервые, поэтому не вполне ясно, куда все это пойдет.

Хотя отдельные определенности просматриваются уже сегодня. Во-первых, налицо гедонистически-потребительская ориентация нынешних властителей – естественное продолжение советской эпохи. При этом оно многократно усилено и тем, что «всё позволено», и хорошим знакомством с западными стандартами потребления. Во-вторых, властители сами стали собственниками в особо крупных размерах. Но не частными собственниками в классическом смысле. Поскольку, если они начинают выпадать из Власти или, упаси Боже, конкурировать с нею, их гонят вон. Или сажают, или еще что-то из этой оперы. Все это, конечно, вызывает вопросы: что же будет с властесобственностью? Вместе с тем указывает на органическую необходимость системы ограничителей. В-третьих, впервые этот феномен смог замкнуться, так сказать, на себе. Он абсолютно не нуждается в подавляющем большинстве населения.

Можно сформулировать иначе. Властесобственники часто говорят о том, что, к сожалению, в России плохой инвестиционный климат. Подразумевается совершенно понятное нежелание западного капитала идти в русскую экономику. На самом деле это утверждение имеет прямое отношение к самой русской ситуации. Для властесобственности именно Россия и русский народ – «плохой инвестиционный климат», и она не хочет сюда идти. Это, кстати, тоже ставит под вопрос ее дальнейшее существование.

Что же исторически оказалось? Высшей формой развития властесобственности является властесобственность без ограничителей – т.е. сегодняшняя. Но в этом и ее смертельная опасность. Видимо, «внутри» властесобственности существуют некоторые органические пропорции, которые должны соблюдаться, границы, которые нельзя переходить, социальные обязательства, которые должны выполняться. Даже в такой форме: нет еды – разрешаю, пойди, съешь другого. Или: потерпи – завтра коммунизм. Или: шаг в сторону –

побег, стреляю. Чистая властесобственность в своем гедонистическом экстриме об этом даже не «задумывается».

Современная властесобственность может развалиться, когда власть сожрет всю собственность, когда все эти властесобственники (частные собственники от властесобственности) потеряют последний интерес к эксплуатации России, когда вдруг «опомнятся» и устроят какой-нибудь русский национал-социализм или когда толпы «пролов» зальют кровью Кремль и т.д.

Одно понятно: современная «чистая» и без всяких ограничителей властесобственность не сможет долго существовать. Ей все равно придется как-то меняться. На мой взгляд, вряд ли в сторону полного исчезновения. Скорее, она «придумает» себе какой-нибудь доселе неизвестный самоограничитель.

Вдогонку подчеркну: современная социальная наука считает абсолютно необходимой для любой социальной системы ту или иную форму самоограничения, самообязывания. На Западе это прежде всего право. Современный исламский мир настаивает на религии. У России те же проблемы, что и у всех.

…Да, мы забыли дать название властесобственности третьей России. Но ей-Богу ничего на ум не приходит. Помогите!

А теперь вновь поговорим о «просто» власти. Подобно властесобственности, она тоже прошла несколько фаз (этапов) эволюции.

Власть–моносубъект довольно подробно описана в «Русской Системе». Но, оставаясь моносубъектной, в разные эпохи она далеко не одна и та же. Попутно заметим: Россия знала времена, когда власть стремительно теряла свою моносубъектность и страна вставала на путь, ведущий к полиархическому порядку. Однако этот путь пока не стал магистральным…

Ключевыми вопросами для власти являются следующие: **чем** она ограничена (и ограничена ли вообще) и **как** она формируется. Русская история знала различные варианты сочетания этих **чем** и **как**.

1. До семнадцатого года. С Андрея Боголюбского до Ивана Грозного (XII–XVI вв.) складывается, с большими перерывами существованием иных властных моделей, уникальный феномен моносубъектности. Суть этого явления в том, что власть – единственная социальная субстанция, все остальное – функции. Исторически это называется самодержавием. Здесь источник власти в ее носителе. Поэтому она не только самодержавная, но и самозванная. До Павла I все русские цари – самозванцы. То есть в определенную эпоху самодержавие предполагает самозванничество. Следует обратить внимание на то, что наряду с моносубъектностью русская власть принимает наиболее эффективный, как считают специалисты, способ трансляции – примогенитуру («от отца к старшему сыну»). Точнее, преемство, наследование развились от

лествичного принципа («старший брат – младший брат») до примогенитуры. Важнейшим ограничителем власти была религия (Бог). Наряду с Ним в различные периоды существовали и иные ограничители. Так, с середины XVI в. по конец XVII ими были Земские соборы.

Своей экстремы власть–моносубъект достигла в двух ее персонификаторах – Иване IV и Петре I. Последний нанес страшный удар по ограничителям. Он секуляризировал власть и отменил обычай примогенитуры. Как хорошо известно, наследника престола, согласно Указу императора от 1721 г., назначал сам венценосец. Иными словами, источником формирования власти был ее носитель на данный момент. Однако живая жизнь подправила Медного всадника. В дело «назначения» царей вмешалась русская гвардия – вооруженный авангард аристократии. Они-то и были весьма реальным ограничителем власти в XVIII в.

Автором важнейшей реформации власти–моносубъекта стал Павел I. Его «Учреждение об императорской фамилии» 1797 г. превратило примогенитуру из отброшенного обычая в господствующий институт и закон трансляции власти. Собственно говоря, это было первое правовое обрамление русского кратоса. Вследствие этого самодержавие избавилось от самозванничества. Конституция 1906 г. включила этот документ Павла в свой состав – первой, главной, статьей. Сама же она создала политико-правовую конструкцию, в которой власть начинала терять свой моносубъектный, субстанциальный характер. Во всяком случае, была существенно ограничена, возникали узлы новой власти (властей).

Вдогонку напомним: власть последние три столетия принадлежала династии Романовых. Это было их внутреннее дело. Власть была отграничена от всех остальных институций и людей, т.е. этим и ограничена. Вместе с тем общество уже свыклось с идеей разделения властей. Смысл которой не только в идее разделения, но и в том, что никакой Власти-Субстанции вообще быть не может.

2. Советский период. Коммунистическая идеология выступает здесь и в качестве легитимизирующей силы, и в качестве силы, формирующей власть, и, одновременно, как бы это ни было парадоксально, ее ограничивающей. Ведь ни один из всесильных вождей-генсеков (включая Сталина) не мог выйти за границы этой идеологии. То есть, конечно, выходили, поскольку она никаких границ не признает и готова включать в себя то, что ей выгодно. Но это по существу. Внешне же, формально это было исключено. Как ни странно, эта внешность, формальность оказывалась важнее всех сущностей. И держала советских деспотов в рамках, ограничивала их всевластие. Действительно, нельзя себе даже представить у них хоть какой-нибудь «ревизионизм». Они были обязаны «ходить» под ее императивами.

Порядок трансляции власти коммунисты толком не продумали. Ведь они были убеждены в неизбежности отмирания государства[13]. – В связи с этим смерть любого вождя открывала маленькую войну за власть. Победа в ней венчалась Пленумом ЦК, который ее «утверждал».

Важно и то, что вождь-генсек не имел никакого юридически-релевантного статуса. Это, с одной стороны, вроде бы и давало ему беспредельную широту маневра и абсолютное могущество, с другой – ограничивало его амбиции. Ведь никакой правовой бастион не защищал его позиций. Пока успех сопутствует тебе, народ и привластные группы покорно и с восторгом бегут за твоей колесницей, но если он отвернется от тебя, неровен час придут за твоей головой. Никакого же внятного иммунитета у тебя нет. Кто ты такой?!

Вообще-то подобная власть недолговечна. Даже удивительно, что она продержалась семь десятилетий.

3. Современная Россия. Пожалуй, здесь вновь складывается уникально-парадоксальная ситуация. По-своему не менее своеобычная, чем дореволюционная и советская. Власть формирует действующий президент. Ельцин – Путина. Путин – Медведева. Затем возникает тандем (Владимир Владимирович не захотел далеко уходить от власти). Правительствующий тандем, он же – электорат. Выборы следующего президента сведены к формуле: «сядем и договоримся»[14]. Нам, обывателям, отводится роль одобряющих это «договоримся». То есть, по известному выражению, нас там не стояло. Конечно, ситуация тандемности в 2012 г. может закончиться. Тем не менее обычай преемничества уже сложился.

На первый взгляд, все это похоже на XVIII в., от Петра I до Павла I. Однако только на первый. Мы живем в массовом современном обществе, в котором главным регулятором функционирования социума является право (другие – историко-культурные традиции и обычаи, социопсихологические

13. Это, кстати, свидетельствует об ограничительной силе марксистско-ленинской идеологии. Маркс, в своих жалких высокомерии и самоуверенности, был убежден: государств в будущем не станет (об их исчезновении заявляют и теоретики глобализации; на nation-state поставлен крест, теперь другие actors заказывают музыку; всю эту дребедень невозможно слушать, они просто дети нашего «Владимира Лукича», который в своей эсдекской бескультурности как-то ляпнул нечто схожее про материю, помните?; все дело в том, что государства суть имманентные формы – сущности современной социальной эволюции; они, безусловно, меняются сами, но, подобно языку, семье, праву, религии, принадлежат к «вечным ценностям», подверженным изменениям, но не исчезновению; их действительное исчезновение приведет к исчезновению человека).

14. И договорились. В конце сентября Медведев выдвинул Путина. Точнее, Путин устами Медведева выдвинул себя. Высший пилотаж!

стереотипы и т.п.). Основная норма права – конституция. Она во всех смыслах – основной закон общества. И именно конституция отброшена. Вместо равного, тайного, прямого и т.д. – «договоримся». Мне, впрочем, могут возразить: выборы никто не отменял, будут и другие кандидаты, «выбор» же внутри тандема – есть внутреннее дело этих двух. В том-то все и дело, что это не так. Система выстроена под простое преемничество («я тебя назначаю»), но может выдержать и тандемность.

При этом отброшена, растоптана не только конституция. Весь уклад современной жизни, который – хочешь не хочешь – построен по принципу выбора. Мы в нашей жизни выбираем все: профессию, жен–мужей, еду, одежду, досуг, круг чтения, телепрограммы и т.д. Это и есть Modernity или, тоже на выбор, Postmodernity. И лишь в вопросе о власти мы лишены этой возможности. И это во властецентричной культуре, которая остается таковой несмотря ни на что! А времена-то, повторим, совсем иные, чем в XVIII в.

Наконец об ограничителях. По сути их нет. Впервые в русской истории. Ни религии, ни идеологии. Право? – См. выше. Оно отброшено. Более того, даже единственный **временной** ограничитель де-факто похерен. Ведь возможность президентствовать двенадцать лет подряд – совершенно невероятный подарок в сегодняшнем кипящем мире.

Что же нас ждет впереди? – Думаю, есть (в целом, конечно) два варианта дальнейшего исторического бытования России. Продолжать идти по дороге нулевых годов или, установив сотрудничество власти и общества, отважиться на серьезные социальные (конституционные, политические) реформы. Цель этих реформ – преодолеть систему самодержавного президентства. От моносубъектной конфигурации власти сдвинуться к полиархической. Шансы на это имеются.

Ю.И. Игрицкий

МНОГОПАРТИЙНАЯ БЕСПАРТИЙНАЯ РОССИЯ

Игрицкий Юрий Иванович – кандидат исторических наук, заведующий Отделом Восточной Европы ИНИОН РАН, главный редактор журнала «Россия и современный мир».

1. Партийная система: Есть или нет?

Отправной точкой анализа современной партийной системы в России может быть умозаключение, что в стране, где:

– в течение предыдущих семи десятков лет монопольно правила одна-единственная партия, по существу сраставшаяся с государством;

– не сформировалось полноценное демократическое общество с традициями политического плюрализма;

– в общественном сознании сохранился код упования на сильную персональную власть;

– государство и бизнес, исполнительная, законодательная и судебная ветви власти слабо отделены друг от друга;

– крайне маловероятно сколько-нибудь быстрое, измеряющееся не десятилетиями, а годами, образование мощных соперничающих политических партий с устойчивой социальной базой и существенно различающимися идеологиями.

Этот умозрительный постулат настолько точно подтверждается 20-летней постсоветской историей России, что практически все независимые исследователи в современной России либо раз за разом излагают, либо придерживаются его.

Тем не менее свыше двух десятилетий в стране существует формальная многопартийность, которая в разные годы исчислялась в амплитуде от нескольких десятков до десятка организаций, называющих себя политическими партиями, и этот феномен внимательнейшим образом изучался как отечественным, так и зарубежным экспертными сообществами. Историю формальной российской многопартийности конца XX – начала XXI в. можно условно

рассматривать под углом зрения эволюционной теории. Подобно биологическим видам партии рождались, множились, крепли, отмирали, соперничали, завоевывали или утрачивали территории и анклавы. Наиболее сильные выжили и функционируют сейчас. Каждая из них имеет своих партийных статистиков и историков, хотя их данные далеко не всегда предаются огласке.

Другое дело – партийная система. Здесь теорию эволюции следует подвергнуть сомнению. После «Большого взрыва» (если вспомнить другую теорию) на этапе поздней «перестройки» общество разродилось десятками политических организаций, но это еще никак нельзя было назвать системой. Затем же последовали метаморфозы, которые невозможно объяснить однозначно ни закономерностями поступательного роста, ни революционными скачками, вызванными накоплением частных изменений. Главным источником этих метаморфоз стало традиционное устремление российской власти поставить себя над обществом, включая образующиеся в обществе партии. Не партии в постсоветской России влияли на функции и персонификацию власти, а власть (институциональная и персонифицированная) взялась определять функции партий.

Представляется, что к настоящему моменту развитие партийной системы (именно *системы*) в России прошло три фазы: зарождение – клиническая смерть – проявление новых признаков жизни. С формальной точки зрения вторую (а следовательно, и третью) фазы можно оспорить: какая смерть? какие признаки жизни? Но в том-то и дело, что в политической жизни России последних двух десятилетий формальное (оформленное в документах, включая Конституцию) и фактическое сплошь и рядом не совпадало. Это касалось и федерализма, отношений «центр–регионы», и объема полномочий исполнительной власти, и роли политических партий. Общепризнано, что первые некоммунистические партии в перестроечном Советском Союзе только формально были партиями, представляя фактически слабо организованные объединения стихийно вовлеченных в политику людей без устоявшейся социальной базы. Соответственно многопартийность в начале 1990-х годов носила эмбриональный характер, в ней не было цементирующих ее доминантных сил. Еще висела над страной бледнеющая тень КПРФ – партии, которая сама по сути была слабой тенью КПСС: она сохранила за собой часть ее кадров и разветвленную сетевую структуру, однако уже и эта структура функционировала со сбоями, и весь коммунистический «бренд» после августовского путча 1991 г. в течение короткого времени померк в глазах подавляющего большинства россиян, ожидавших благоприятных перемен от новой власти.

В отличие от некоторых стран Восточной Европы (Венгрии, Чехии, затем Молдавии) в России из правящей коммунистической партии не вылупилось ничего социал-демократического – ни движения (говорить о «движении» по-

зволяет многомиллионный численный состав КПСС), ни партии, ни даже фракции. Многие исследователи полагают, что случись такое, политический процесс в России принял бы иные черты. Очень может быть. Как могло быть, например, и то, что весь политический процесс XX в. приобрел бы другой характер, если бы осенью 1917 г. большевики пошли на соглашение с меньшевиками и эсерами в ходе Демократического совещания. Но что было, то было; что есть, то есть. Кристаллизация политических организаций из социального питательного бульона в начале 1990-х пошла размельчено и хаотически. Эксперты предлагают разные варианты периодизации развития многопартийности. К примеру, политик и одновременно представитель науки В.Н. Лысенко (один из основателей Республиканской партии Российской Федерации в 1990 г.) разделил становление многопартийности в России в конце XX в. на три этапа: 1990 – август 1991 г.; 1991 – декабрь 1993 г.; период после 1993 г. [15, с. 119–120]. Легко видеть, что в основе такой периодизации лежит непосредственная борьба за власть не партий, а ведущих политических фигур с разными представлениями о развитии страны и роли главной фигуры – президента. Профессор Кентского университета (Великобритания) Р. Саква выделяет фазы поляризации политических сил и партий (август 1991 – октябрь 1993 г.), демократической адаптации (конец 1993 – 1995 г.) и политической дифференциации (после 1995 г.) [29, с. 79–91]. Немецкий исследователь Э. Шнайдер так структурирует процесс возникновения партий в позднесоветский и постсоветский периоды: образование протопартий (1988–1989); формирование партий соответственно антиномии «демократы–коммунисты» (1990–1991); партийное строительство в треугольнике «демократы–центристы–оппозиционеры» (1991–1993); развитие многопартийности в период попыток создания «партии власти» (1993–1996); возникновение новых политических сил вплоть до начала XXI в. [28, с. 179–180].

Эти и другие похожие варианты периодизации сфокусированы на роли политических организаций в процессе размежевания политических сил, где партии играют роль определенных индикаторов. С точки зрения развития партийной системы за деревьями, однако, можно не увидеть леса. Представляется, что *все* 90-е годы прошлого века были временем зарождения посткоммунистической и постсоветской партийной системы в России. Родилась ли она? Ответ на этот вопрос зависит от того, какими критериями руководствоваться. Половодье политических организаций – еще не система. Это просто многопартийность. Наличие партийной системы мыслимо в трех различных ситуациях: 1) в обществе существуют крупные партии с кардинально (порой полярно) различающимися идеологиями и политическими программами (условно: леворадикальными и праворадикальными – как в Латинской Америке; левоцентристскими и правоцентристскими – как в Европе); 2) между крупными партиями не существует кардинальных отличий, раскалываю-

щих общество, они сменяют друг друга во власти в зависимости от практических достижений власти (как в США); 3) партия власти, независимо от ее названия и идеологических нюансировок программы, доминирует в политической жизни, пользуясь поддержкой большинства населения и сотрудничая с другими, более мелкими партиями (как в разное, но длительное время в Японии и ряде других стран).

Все эти ситуации объединяет то, что речь идет о партиях устоявшихся, более того, о партиях, без которых трудно представить политическое развитие соответствующих стран. Если, как подчеркивает М. Дюверже, процесс вызревания «подлинных партий» в Европе и Америке длился «всего сто лет» [11, с. 21], то нынешние российские партии столь же молоды, сколь молода и сама нынешняя Россия. С чего им быть зрелыми, и о какой системе, следовательно, может идти речь? Только о столь же незрелой системе, идущей к зрелости.

Отрицать, что российская многопартийность стремилась к зрелости, к *системности*, так же непродуктивно, как считать современную партийную систему сложившейся. Но поскольку система в зрелом виде не сложилась, то оснований считать, что ее по существу нет, столько же, сколько оснований считать, что она формально есть.

Если в посткоммунистических государствах Восточной Европы довольно быстро образовались социал-демократические партии, причем в Болгарии, Венгрии, Литве, Румынии, Словакии, Словении и Чехии они оказывали и оказывают сильное влияние на политическую жизнь [см.: Гуселетов, с. 63–64], то Социал-демократическая партия России (СДПР), созданная в мае 1990 г., с самого начала была малочисленной и раздиралась внутренними противоречиями, приведшими к ее расколу, в частности к образованию осенью 1992 г. Российского социал-демократического центра, а в 1994 г. – Российской социал-демократической народной партии[1]. Все они не играли сколько-нибудь заметной самостоятельной роли и лишь участие в блоке «Яблоко» (пока тот проходил в парламент) дало СДПР два депутатских мандата на выборах в Государственную думу 1993 г. и пять мандатов на выборах 1995 г. На этом парламентский этап деятельности российской социал-демократии завершился, а вскоре и сама партия перестала существовать. М.С. Горбачёв предпринял в 2002 г. попытку реанимировать ее с помощью собственного авторитета и в 2003 г. даже добился принятия ее в Социнтерн на правах ассоциированного члена, но в 2007 г. Верховный суд РФ принял решение о ее ликвидации из-за несоответствия требованиям Закона «О поли-

1. Возникшие в 1991-1992 гг. Социалистическая партия и Социалистическая партия трудящихся имели программы идеологически еще менее четкие и близкие социал-демократическим требованиям.

тических партиях» (партия не имела в более чем половине регионов страны отделений численностью более 500 человек). Таким образом, социал-демократические идеалы, программы и организации не укоренились на российской социальной и политической почве, и это мощное в Европе направление политики, которое могло бы стать одним из опорных столбов партийной системы в стране, миновало Россию.

Равным образом не укоренились в России партии правой либерально-демократической ориентации (читатели понимают, что ЛДПР – не в счет). После захватнической приватизации и резкого социального расслоения, обнажившего в 1990-х годах бедность и нищету основной массы населения, либерализм стал еще бóльшим жупелом для россиян, чем диктат старой КПСС. В России не могли образоваться и прижиться партии не только откровенно либерального толка (наподобие североамериканских), но даже умеренно либерального (наподобие ХДС и ХСС в Германии).

Поистине драматическое положение дел: народ не принимал либералов и не понимал социалистов!

Это означало, что шансов на формирование классической двухпартийной системы в России было крайне мало или не было совсем. В многопартийном спектре находили свои ниши женщины, пенсионеры, «зеленые», регионалисты – но это были небольшие ниши, неспособные стать постоянными структурными элементами системы.

Поскольку логика складывания такой ситуации выявилась довольно быстро, столь же быстро обозначилась возможность власти вмешаться в процесс. Необходимо совершенно ясно понимать, что власть (президент, правительство, представительные органы, чиновничество) после распада СССР и крушения советской системы не была *партийной*, как в исторически сложившихся однопартийных и многопартийных государствах. Она была некоммунистической и антикоммунистической, но не имела собственной партийной принадлежности. Следовательно, власть сама могла обрести *партийность*, создав организацию, которая шла бы на выборы под ее знаменами ради ее же сохранения и упрочения – **партию власти**.

2. Власть партии и партия власти

Государственная власть и партии были не раз обручены в истории – поразному. Принято считать, что в тоталитарных режимах функции и поля деятельности власти и партии во многом совпадали и это в наибольшей мере относилось к советскому государству и КПСС. Данное представление подлежит уточнению, поскольку апогеем тоталитарного правления в СССР был период сталинизма, когда правили сам диктатор, репрессивные органы и уж в третью очередь КПСС; апогей же партийного правления – послесталинский период,

когда уже не было диктатора, масштаб репрессий резко снизился, а административные функции КПСС необычайно расширились. Но отнесение КПСС (как и NSDAP в гитлеровской Германии) к категории *тоталитарных партий* прижилось в исторической и политологической литературе. СССР и нацистская Германия были однопартийными государствами, в них почти полностью совпадали форма и методы правления.

Роль и функции *гегемонистских партий* существенно отличались. Сам этот термин был введен польским социологом Е. Вятром применительно к ПОРП в коммунистической Польше. «Гегемонистская партия не допускает ни формального, ни фактического соревнования за власть», – разъяснял классик партологии Дж. Сартори, воспринявший термин [30, с. 230]. Он же ввел и другой – «*доминантные партии*» [там же, с. 192], охватывающий такие разные организации как Индийский конгресс, партии французских радикалов и скандинавских социал-демократов, а также Институционно-революционная партия Мексики, правившая страной с 1920-х по 1990-е годы (которую он одновременно причисляет и к гегемонистским партиям).

Во всех случаях политические курсы государства и политические программы партий были либо тождественны, либо тесно взаимосвязаны. В контексте текущего анализа важно, однако, не это, а то, что гегемонистские и доминантные партии могут формировать (и де-факто формируют) государство в соответствии со своими программными целями; партия же власти сама формируется государством (более конкретно – верховным правителем и его окружением) как инструмент политического действия. И поскольку в новой России власть институционально и идеологически вышла не из партийных программ, а непосредственно из борьбы политиков и политических сил, рано или поздно задача создания клиентелистской организации, связанной уставом, программой и правилами членства, должна была встать в повестку дня. Если, по М. Веберу, в Англии XIX в. партии возникли как «свита аристократии» [3, с. 672], то в России конца XX в. в такой «свите» стали нуждаться те, кто заняли высшие государственные посты после краха советской системы и 70-летнего господства КПСС (конечно, в «свите», соответствующей эпохе «восстания масс», господства СМИ и технологического совершенства).

Мысли о необходимости приобретения или создания своей партии, вероятно, стали посещать власть предержащих еще в период начала либеральных реформ и противостояния президента Ельцина и Верховного Совета РФ. В неустойчивой социальной и политической ситуации тех лет новая исполнительная власть нуждалась в организационной консолидации своих сторонников. «Гражданский союз», возникший летом 1992 г., и «Выбор России», созданный в конце 1993 г., были размытыми прообразами партии власти, не став, однако, таковой уже в силу того, что представляли собой не партии, а блоки, объединявшие разномастные течения во главе с несогласными между

собой, а то и соперничающими лицами [см., напр.: 12в, с. 37–40; 22, с. 139–144, 168–174].

Когда же противостояние президента и парламента закончилось победными президентскими залпами по Белому дому и последующим принятием пропрезидентской Конституции Российской Федерации 1993 г., власть могла в более спокойной (несмотря на войну в Чечне) социальной обстановке поразмыслить о том, какая партийная система наилучшим образом способствовала бы ее стабильности. Мировая история подсказывала, что системы с двумя крупными соперничающими партиями в окружении мелких более устойчивы, чем системы с бóльшим числом крупных партий – об этом свидетельствовал опыт (устойчивости) Великобритании, США, с одной стороны, и опыт (неустойчивости) Веймарской Германии и республиканской Испании – с другой. Не исключается, что первоначально российская элита склонялась именно к этому варианту: исполнительная власть опирается на две партии, из которых одна уж точно победила бы на выборах, а другая – составила бы костяк неантагонистической оппозиции. Место таких партий должно было бы находиться в центре политического спектра, а вместо идеологических коннотаций в названии обязательно должно было фигурировать слово «Россия». Тем самым такие партии заявляли неотзываемые претензии на государственничество и всероссийскость.

Но таких партий не было (не возникли, не вызрели, не получились – выбирайте любое слово), и на вершине политической пирамиды пришлось опять-таки довольствоваться блоками. В парламентских выборах 1993 г. приняла, правда, участие Партия российского единства и согласия (ПРЕС), но она представляла региональные власти в большей мере, чем центральную («вертикаль» власти еще не была выстроена, да Ельцин и не прилагал к этому особых усилий, скорее заигрывая с регионами, чем опираясь на них). К тому же эта партия получила на выборах всего 6,7% голосов. «Выбор России» получил значительно больше (15,5%), но проиграл ЛДПР Жириновского (22,9%). Разве на это рассчитывали президент и правительство?

В апреле 1995 г., в преддверии выборов в Государственную думу второго созыва, Б.Н. Ельцин призвал к созданию двух центристских блоков – правоцентристского (который возглавил премьер-министр В. Черномырдин) и левоцентристского (руководить которым взялся председатель ГД И. Рыбкин) [12, с. 93]. Это был замысел опоры президента не на согласие центра и периферии (федеральный консенсус), как в 1993 г., а на поддержку условно либерально и социально ориентированных политических сил (социальный консенсус). В этот момент идея двух опорных колонн власти, по-видимому, достигла своего апогея. Однако она оглушительно провалилась на практике. Правоцентристский блок «Наш дом – Россия», хоть он и был представлен, помимо Черномырдина, такими известными людьми как Н. Травкин,

А. Шохин, Н. Михалков, собрал всего 10,1% голосов (у КПРФ было 22,3%, а у ЛДПР – 11,2%). Второй блок и вовсе распался еще до выборов.

Призрак двухпартийной системы еще раз замаячил на горизонте во время подготовки и проведения выборов 1999 г. Но на этот раз речь шла уже не о намерениях власти держаться на двух относительно солидарно шагающих «ногах», а о полной рассогласованности, соперничестве «ног». И перемены за минувшие четыре года были настолько велики, что соперничество за места в парламенте шло не между «Нашим домом» (потерявшим авторитет после ухода из правительства Черномырдина) и левыми силами, а между новым блоком «Отечество – вся Россия» (ОВР), руководимым мэром Москвы Ю. Лужковым и бывшим премьер-министром (с сентября 1998 по май 1999 г.) Е. Примаковым, и избирательным движением «Единство», именовавшимся также блоком «Медведь», которым формально руководил С. Шойгу, фактически – Ельцин и его премьер-министр и будущий президент В. Путин.

Лужков был негласным претендентом на президентство, вылезшим не из шинели предыдущего президента и посему неприемлемым для Ельцина. Провал блока «Отечество – вся Россия» на выборах 1999 г. (13,3% голосов) в сравнении с вертикальным взлетом «Медведя» (23,3%; лишь у КПРФ было больше – 24,3%) означал и бессмысленность названных негласных притязаний Лужкова, и фатальную слабость его блока.

Одновременно эти выборы поставили крест на перспективах формирования двухпартийной системы в России. А можно сказать – на возможности развития эффективной партийной системы вообще. Осталась та же разномастная многопартийность, какая была в начале постсоветской эпохи. И она все более настойчиво подталкивала высшие эшелоны политической элиты к созданию одной-единственной, но надежной партии власти.

Что это возможно показала расстановка сил в Думе в начале нового века, где бывшие соперники «Единство» и ОВР создали большинство центристского толка с участием депутатов других групп. Это образование было четко пропрезидентским. Оно обеспечило утверждение в парламенте вносимых Путиным законов, в том числе ключевого Закона «О политических партиях», принятого в июле 2001 г. Закон максимально сузил возможности прохождения в Думу небольших партий: теперь, чтобы представить свой избирательный список, партия должна была насчитывать не менее 10 тыс. членов[2] и региональные отделения не менее чем в половине субъектов РФ численностью не менее 100 человек (в 2004 г. минимальная численность была установлена уже в 50 тыс., а в 2008 г. снижена до 40 тыс. человек). Были запрещены пар-

2. В 2004 г. минимальная численность была установлена в 50 тыс. человек; в 2008 г. снижена до 40 тыс.; сейчас принято предложение Д. Медведева о 500 членах.

тии, представляющие отдельные регионы или группы регионов – так закладывался фундамент вертикали власти, создание которой было одной из главных программных целей Путина.

Закон «О политических партиях», как и избирательные законы в первые годы президентства В.В. Путина, максимально способствовали действенному функционированию партии власти, буде она вылеплена. А вылепить ее теперь оказалось не столь уж трудным делом – ведь уже существовал блок «Медведь» / «Единство». Новая одноименная партия на почве поддержки молодого президента в течение 2001 г. сумела найти общий язык с «Отечеством» и «Всей Россией», и 1 декабря того же года на свет появилась «Единая Россия», вобравшая их всех в себя.

Внешние обстоятельства, сопутствовавшие рождению ЕР, были для нее весьма благоприятными. Ушла в прошлое эра Ельцина, который из антикоммунистического героя-освободителя превратился к концу своего президентства в больного и антипатичного народу старика. Уходил в прошлое финансовый кризис 1998 г., подорвавший благосостояние миллионов россиян. Само начало нового века словно открывало бредущей в тумане стране новые дороги и новые горизонты. Это настолько окрыляло и одновременно одурманивало идеологов «Единой России», что в проекте партийного манифеста 2002 г. они договорились до обещаний: каждому жителю России, что он в 2004 г. будет платить за тепло и электроэнергию вдвое меньше; каждому гражданину, что с 2005 г. он будет получать свою долю от использования природных богатств страны; каждой семье, что она к 2008 г. будет иметь собственное благоустроенное жилье[3]. А дальше в жанре уж совсем ненаучной фантастики: Чечня станет туристической «Меккой» России; страну разрежут транспортные магистрали Санкт-Петербург – Анадырь и Брест – Токио. «Скажете, что это не может быть? – вызывающе вопрошали авторы проекта. – Это будет! Мы – партия “Единая Россия” – сделаем это!.. Все ждут Русского Чуда? Мы его создадим»[4].

Этот проект принят не был, но на парламентские выборы 2003 г. партия шла с уверенностью в победе и победила. В ее избирательном списке на первых местах шли С. Шойгу, Ю. Лужков, Б. Грызлов, М. Шаймиев, за которыми следовали 27 руководителей российских регионов. Такая компания не могла проиграть. ЕР завоевала поддержку 37,5% избирателей, оставив далеко позади КПРФ (12,6%) и ЛДПР (11,5%). В Думе партии достались 223 мандата, чуть меньше половины от 450 мест. Эта цифра складывается из 120 ман-

3. Независимая газета. – М., 2002. – 23 декабря.

4. Там же.

датов, полученных ЕР по пропорциональной системе и 103 мандатов, полученных ею по мажоритарной системе в одномандатных округах.

Дальнейший процесс монополизации власти внутри Думы целесообразно изложить словами А.В. Иванченко и А.И. Любарева, авторов весьма информативного труда «Российские выборы: От перестройки до суверенной демократии»: «В первых трех созывах Думы сложилась практика, когда не все депутаты, избранные от какой-либо партии по одномандатным округам, входили во фракцию, образованную этой партией. Обычно часть таких одномандатников образовывала отдельную депутатскую группу вместе с частью депутатов, баллотировавшихся как “независимые” или от не прошедших в Думу партий… Однако в Думе четвертого созыва произошел обратный процесс. Фракция “Единая Россия” стала резко пополняться за счет одномандатников. Для обеспечения этого процесса на первом же пленарном заседании в Регламент Думы было внесено изменение, увеличивавшее численность депутатской группы с 35 до 55 человек. В результате депутатам не удалось сформировать ни одну группу. Было также принято решение о том, что все комитеты Государственной думы должны возглавляться членами фракции “Единая Россия”. Видимо, были задействованы и иные методы привлечения депутатов в эту фракцию. В результате численность данной фракции превысила 300 депутатов, т.е. “Единая Россия” получила в Думе так называемое конституционное большинство, позволяющее ей без учета мнения других фракций принимать федеральные конституционные законы и даже поправки к Конституции РФ.

Таким образом, партия, получившая менее 38% голосов избирателей, взяла полностью под свой контроль нижнюю палату парламента» [12, с. 174–175]. Этот контроль сохраняется поныне, несмотря на то что под давлением необходимости соблюдать хоть какие-то демократические приличия, партия-монополист согласилась с передачей постов председателей ряда думских комитетов другим партиям (так, в Думе шестого созыва, т.е. в нынешней, 15 комитетов возглавляют депутаты от ЕР, шесть – от КПРФ, по четыре – от «Справедливой России» и ЛДПР).

Укрепление позиций партии власти в стране и Думе представляло двуединый процесс. Ему способствовала реформа избирательного законодательства 2005 г., в соответствии с которой на федеральном уровне устанавливалась чисто пропорциональная система без одномандатных округов. «Характерным следствием этой реформы, – отмечает Б.И. Макаренко, – стало широкое распространение практики “паровозов”. Во главе региональных списков “Единой России” ставятся либо губернаторы… либо популярные неполитические фигуры (например, известные спортсмены или деятели культуры…)» [16, с. 12]. После прохождения партий в Думу «паровозы» можно было отцепить. Никто из губернаторов и министров не стал депутатом, удобнее

во всех отношениях было работать в Совете Федерации и правительстве. Да и дело было сделано. В пользу ЕР были также приняты решения о повышении избирательного ценза для партий с 5 до 7% и ужесточении правил регистрации для не представленных в парламенте партий (в частности, значительно увеличился вносимый ими избирательный залог). Все это настолько благоприятствовало усилению политического веса партии власти, что А. Исаев, первый заместитель секретаря Президиума генсовета ЕР, на ее официальном сайте с умилением провозгласил 6 мая 2010 г.: «Партийная система в России стала идеальной».

Б.И. Макаренко приходит к совершенно другому выводу: к парламентским выборам 2007 г. «партийная система приобрела максимально "зарежимленный" характер» [16, с. 14].

Отмена прямых губернаторских выборов и фактическое назначение глав регионов президентом еще более усилили роль «фактора паровозов» в думских выборах. «Нужно было создать такую систему, – пишет Г. Голосов, – при которой губернатор, с одной стороны, не мог бы оставаться вне партийной политики, а с другой – был бы вынужден поддерживать только одну партию, "Единую Россию"» [7, с. 30].

С точки зрения автора этих строк, данный режим наибольшего благоприятствования для партии власти подорвал основу формирования нормальной, сбалансированной и дееспособной партийной системы в России как формата свободной и равноправной конкуренции политических организаций, с различающимися группами поддержки, идеологиями и программными приоритетами. И без того малая дееспособность партий снизилась еще больше, их социальная база еще более перемешалась, конкурентоспособность в соревновании с «Единой России» стала резко ограниченной. С утверждением монопольного положения ЕР в партийно-политической жизни страны термин «партийная система» приобрел исключительно формальный смысл. Как не согласиться с М.С. Горбачёвым, когда он, еще в начале 1989 г., защищая монополию якобы преображающейся КПСС на идейно-политическое лидерство в стране, размышлял: «Что такое, к примеру, дискуссии о многопартийности? Они беспочвенны. Ведь можно и при трех-четырех партиях такой диктат держать, что никто и не пикнет, не вздохнет свободно»[5]. Диктат не диктат, а три думские партии – КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия» – никакой конкуренции партии власти уж точно не составили и не могли составить.

Исследователи с полным правом припечатали ЕР как «функцию от исполнительной власти» [17, с. 41], «придаток исполнительной власти» [5, с. 58], «объединение чиновников» [21, с. 2] и «клуб по интересам», члены ко-

5. Правда. – М., 1989. – 18 февраля.

торого заинтересованы в максимально эффективном использовании в своих целях государственной собственности [13, с. 125].

Если количество VIP-членов «Единой России» зависело и зависит от близости и лояльности чиновников высшего ранга руководству «клуба», то рост числа рядовых членов партии – во многом от лояльности чиновников вышестоящему начальству и их способности рекрутирования зависимых граждан. Перед выборами 2003 г. партия насчитывала, согласно ее собственной статистике, 400 тыс. членов, после победы на этих выборах – уже 680 тыс., а в конце 2010 г. – свыше 2 млн. Среди них – 26% пенсионеров, студентов и вообще не работающих, 21,2 – занятых в системе образования, 20,9 – занятых в промышленности; 13,25 – государственных служащих, 4% предпринимателей[6].

На 1 января 2011 г., по данным Министерства юстиции, в ЕР состояли 2 073 772 человек. На тот момент пять единороссов заседали в правительстве и более 70 – в Совете Федерации. Сейчас партия располагает 238 местами из 450 в Государственной думе и 2838 местами из 3787 в региональных парламентах. Если бы ЕР ко всему этому обладала такой *полнотой* власти, как приснопамятная КПСС, вполне можно было бы вести речь об однопартийном государстве в России. Но будучи «функцией» и «клубом», она сама зависела и зависит от тех, кто определяет функции и руководит клубом. Б.И. Макаренко приводит откровенное высказывание одного из партийцев ЕР с многолетним стажем: «“Единая Россия” создавалась для того, чтобы стать проводником государственной политики команды Владимира Путина… Партия не призвана стать “руководящей и направляющей силой” государства, а лишь проводником воли политической. А это разные задачи, требующие совершенно разных инструментов. Такая структура, лишенная субъектности, никак не может стать мощной идеологической и политической машиной» [16, с. 55].

«Единой России» вполне комфортно быть океанским лайнером, вместе с которым одним курсом, определяемым руководством «клуба», следуют пароходики, яхты и даже шлюпки.

Оппозиция придворная и притворная

Многие исследователи сходятся в том, что оппозиционные партии в России представляют системную оппозицию (системную в смысле включенности не в некую партийную, а в политическую, еще точнее в режимную систему; критикуя режим, они прекрасно сосуществуют с ним, понимая, что к

6. Закатнов А. Клик – и в партии: Единороссы себя посчитали // Российская газета. – М., 2010. – 19 мая. – С. 3.

верховной власти им не подобраться). Применительно к монархическому строю такую оппозицию можно было бы еще с полным правом назвать придворной. Но ведь существует восприятие и существующего режима как «Дворца» – метафору «дворцового государства», введенную Ключевским, использует применительно к современной российской действительности И.И. Глебова [6]; стало быть в таком государстве не только партия власти «дворцовая» («клубная»), но и оппозиция придворная.

Вместе с тем субъективные интересы и объективная роль оппозиционных партий в современной России неодинаковы. Идеология и ценности КПРФ кардинально отличаются от идеологии и ценностей «Единой России», как и нынешней власти в целом. Это системная партия, вполне удовлетворяющаяся ролью вечного оппозиционера, который попал бы в труднейшее положение, получи он реальную власть. И тем не менее – она «Другая» в системе, смирившаяся с системой, но не подлаживающаяся под нее, она придворная, но не притворная. Ее социальный радикализм выношен. Это не крайне левый революционный радикализм, а просто левый парламентский, действительно оппозиционный, не мнимый.

Другие партии скорее играют в оппозицию, чем воплощают ее. По большому социальному счету оппозиционность многих из них не просто придворная, но и притворная. Социальная сущность режима осталась бы прежней, приди они к власти. Главное же, что ввиду отсутствия реальных шансов они серьезно о власти и не помышляют. Главное для них – сохранить свою электоральную нишу и остаться на плаву политической жизни. Впрочем, об этом – позже, кое-что на российской политической сцене все же изменилось в самое последнее время.

КПРФ насчитывает 154 тыс. членов[7]. Если судить по результатам ее участия в выборах, она достигла пика своей популярности в массах в середине и конце 1990-х годов. В 1995 г. за нее проголосовали 22,3% избирателей; в 1999 г. – 24,29%. Эти цифры, однако, не должны наводить на мысль о складывании тенденции: второй, наивысший за все время показатель, свидетельствует о росте протестных настроений в народе после серьезного экономического кризиса 1998 г. Дальнейшая история избирательных кампаний партии грустна: 12,61% голосов в поддержку в 2003 г., 11,57 – в 2007, 19,19% – в 2011 г. Мы видим прямую связь между ростом / падением влияния коммунистов и экономической ситуацией в стране, а также ростом / падением авторитета президента России и партии власти. Это проявление естественной закономерности электоральных процессов во всем мире, но никак не следствие

7. Коммунистическая партия Российской Федерации // Википедия. – Режим доступа: http://ru/wikipedia.org/wiki (дата обращения 26.01.2012).

появления новых харизматических лидеров в руководстве КПРФ и новых мобилизующих идей в ее программе.

Примечательно, что на всех выборах президента России кандидат от КПРФ занимал вторые места. В 1991 г. Н. Рыжков уступил Б. Ельцину, победившему с огромным отрывом; в 1996 г. Г. Зюганов уступил Ельцину; в 2000 г. он же проиграл В. Путину; в 2004 г. Н. Харитонов и в 2008 г. снова Зюганов оказались далеко позади соответственно В. Путина и Д. Медведева. Здесь невозможно обнаружить каких-либо аналогий с опытом крупнейших зарубежных стран; эта ситуация просто-напросто арифметически отражала соотношение между числом сторонников движения российского общества вперед, в будущее (пусть даже не слишком ясное будущее) и сторонников движения назад, в прошлое (пусть даже скорректированное прошлое).

При этом чем дальше страна шла в будущее, тем определеннее высвечивались идеологемы прошлого в программе КПРФ. Когда-то лидеры партии (15 депутатов Верховного Совета РСФСР от коммунистической фракции и еще шесть от фракции «Отчизна», в которую входили радикальные коммунисты) проголосовали за ратификацию Беловежских соглашений, ознаменовавших конец Советского Союза. В 1996 г. Зюганов поздравил Ельцина с победой на президентских выборах скорее как коллегу по политическому цеху, чем идейного противника. Прошел страх перед репрессиями со стороны государства, возглавлявшегося могильщиком коммунизма Ельциным. Страна, ведомая последним по пути либеральных реформ, действительно оказалась ввергнута в тяжелейшую социально-экономическую ситуацию. На измучивший всех вопрос «что делать?» партия Зюганова все чаще показывала направление назад.

Посмотрим, с чем КПРФ выходила на парламентские выборы 4 декабря 2011 г. Было бы большой ошибкой считать все ее программные заявления пустыми и идеологически неприемлемыми. Напротив, определенная их часть отвечает интересам всего населения России и может быть реализуема. Оставим в стороне самые общие благие пожелания типа «утвердить справедливые международные отношения» или «создать новый союз братских народов», откровенно декларативные и потому неосуществимые в программе любой партии. Но вот ряд требований и справедливых, и выполнимых:

– обеспечить бесплатным жильем семьи с низкими доходами и облегчить условия покупки жилья в кредит, а плату за жилье ограничить 10% дохода семьи;

– обеспечить массовый отдых детей в здравницах и лагерях отдыха за счет государства;

– удвоить бюджетные расходы на культуру и науку в течение трех лет, причем законодательно установить минимальный уровень расходов на науку в размере 4% от ВВП;

– ввести прогрессивный подоходный налог;

– ужесточить наказания за коррупционные преступления и обеспечить широкий общественный контроль за материальным положением должностных лиц всех уровней.

Можем ли мы не согласиться с этими (и рядом других) требованиями?

Но одновременно (точнее перед всем этим) КПРФ обещает обществу народовластие и социализм, новую индустриализацию страны при национализации ключевых отраслей промышленности, распределение доходов от природной ренты между всеми гражданами. Каким образом партия рассчитывает это сделать, не раскрывается ни в ее программе, ни в заявлениях ее лидеров. Но история хранит память о том, как подобные лозунги реализовывались коммунистами-ленинцами и коммунистами-сталинцами. И коммунисты-зюгановцы подбрасывают поленья в топку этой памяти лозунгами «Социализму – быть!», «Вставайте, люди русские!», плакатами с изображениями Зюганова и Сталина, Сталина и Зюганова[8].

Националистические лозунги начинают занимать все более заметное место в программе КПРФ; это одновременно сближает ее с ЛДПР и вызывает растущее раздражение последней – ведь именно ЛДПР первой заняла националистическую нишу во внутрироссийской идеологической конкуренции.

Партия Жириновского постоянно набирает меньше голосов на парламентских выборах, чем коммунисты; поэтому следует с осторожностью отнестись к данным ее собственных статистиков о наличии у нее более 200 тыс. членов[9]. Она является старейшей из неправящих партий России, наследовав Либерально-демократической партии Советского Союза (ЛДПСС), созданной в декабре 1989 г. В. Жириновским и В. Богачевым. Давно разгаданной загадкой стала поддержка ее немалой частью избирателей при абсолютном несоответствии программ и лозунгов либеральным и демократическим идеалам. Если бы эту партию возглавлял любой другой политик, кроме Жириновского (вообще любой, не только элдэпээровец), она давно ушла бы с политической сцены, а многие из националистически настроенных русских мужиков, которые традиционно составляют 65–70% ее электората [16, с. 25], голосовали бы за КПРФ. Жириновский и националистическая риторика словно созданы друг для друга. Невозможно представить, чтобы Путин, Медведев, Зюганов, Явлинский, Прохоров, Миронов, Касьянов (далее «по списку») могли достичь сравнительного уровня эпатажа, как невозможно представить, что кто-нибудь сумел бы в подобном агрессивно-невротическом стиле проповедовать приличествующие либерально-демократической партии идеалы свободного рынка,

8. Правда Москвы. – 2011, октябрь. – С. 1, 8; там же. – 2011, ноябрь. – С. 1–2.

9. См. информацию на сайте партии. – Режим доступа: http://www.ldpr.ru/#party (дата обращения 30.01.2012).

демократии, прав человека. В качестве начальника партии обличения и протеста Жириновский уловил, чего не хотят очень-очень многие русские: а) возврата к прежней коммунистической системе; б) окончательного торжества квазикапитализма и диктата олигархического режима; в) унижения страны в мире и собственного унижения в стране. ЛДПР – классическая партия так называемого переходного периода, независимо от степени ясности, к чему совершается переход[10]; как только «переход» вперед ли, назад ли совершается, надобность в ней исчезает. Именно в ситуации социально-политической недоустроенности легче всего преувеличить степень национального унижения, сделать преодоление этого унижения главной задачей политики.

Априорный козырь ЛДПР в гласной и негласной полемике с партией власти – как раз в том, что последняя, представляя как бы всю Единую Россию, не может позволить себе отождествления с партикулярными этническими интересами, даже интересами главенствующего этноса. Но это преимущество не может восполнить уязвимость партии из-за откровенной декларативности, неосуществимости и противоречивости ее социально-экономической и внешнеполитической программ. Парадоксальным образом «союзниками» ЛДПР являются те силы, против которых она выступает наиболее ожесточенно – США, НАТО и радикалы-исламисты в России; не будь их популистский пафос Жириновского оказался бы урезанным вполовину.

С точки зрения практической политики и развития политической системы все эти идеологические нюансы не имеют никакого значения. Жириновский и жириновцы оппонируют правящей партии и первым лицам государства по существу только во время выборов. Как отмечает А.В. Макаркин, «после 1993 г. Жириновский успешно сотрудничает с Кремлем, проявляя почти безграничную способность договариваться» [19].

История КПРФ и ЛДПР свидетельствует: не выигрывать (это нереально), но просто составить конкуренцию партии власти могут только сколько-нибудь радикальные организации. Не экстремистские, но и не строго центристские. Масштаб социальной базы позволяет зюгановцам и жириновцам пройти в парламент, не больше.

При более низком чем 5% проходном цензе в Думе могли бы оказаться (как было когда-то) партии правой, действительно либерально-демократической направленности. Но даже в этом случае они, наподобие пресловутого «офисного планктона», представили бы собой не более чем парламентский планктон. У правых нет ни оригинальной привлекательной для масс идеологии, ни (в силу этого) сколько-нибудь широкой и прочной социальной базы,

10. М.А. Афанасьев не без оснований предложил назвать российскую ситуацию не переходной, а «межеумочной» [1, с. 216], и это объяснило бы популярность партии Жириновского в 1990-е годы.

ни ярких лидеров (Михаил Прохоров только проходит телепробы в этом амплуа). Последним претендентом, хоть и не очень сильным, на роль харизматического вождя мог бы стать Г. Явлинский, политик более близкий по своим воззрениям к европейской социал-демократии, чем к либералам, и потому «зависший» в политическом пространстве. Если Жириновский и ярый национализм искали друг друга и нашли, то Явлинский и социал-демократия, похоже, и не искали друг друга. Когда социал-демократическое знамя России подхватил Горбачёв, Явлинскому было уже поздно вклиниваться в эту нишу – да и как бы он порвал со своим детищем «Яблоком»?

Как говорилось выше, Кремль допускал возможность опоры на две взаимоподдерживающие и взаимозаменяющие партии власти – право- и левоцентристскую. Эта модель двухпартийной системы по образу и подобию США, либо Западной Европы какое-то время сидела в умах кремлевских идеологов и политтехнологов. Плодотворной, однако, ее с самого начала нельзя было назвать по крайней мере по двум причинам. Во-первых, она дезориентировала бюрократию – главный административно-управленческий опорный столб Кремля. Во-вторых, традиции и опыта двух опор власти у России не было никогда и это раскалывало электорат партии власти, раскалывало отнюдь не в идеальной и потому нереальной половинной пропорции, при которой другим партиям не оставалось социальных ниш, а в неравной пропорции, при которой в борьбу вмешивались другие партии.

Допустимо и такое объяснение, почему, создав под себя две партии, режим стал ощутимо поддерживать лишь одну, ЕР: одновременная поддержка левоцентристской и правоцентристской организаций в российских условиях резкого социального раскола неизбежно привела бы к необходимости выбора между ориентацией на средние и низшие социальные слои, либо на крупный бизнес вместе с чиновничеством.

Выбор стал очевиден уже тогда, когда была создана «Справедливая Россия». Выяснилось, что, вмешавшись в электоральную борьбу, она не столько отбирает голоса у неправительственных партий, сколько разжижает властный электорат на федеральных и региональных выборах. 37,5% голосов, полученных ЕР на выборах в Госдуму в 2003 г., были сочтены недостаточными для партии власти. Перед следующими выборами в 2007 г. на чашу весов, определяющих силу ЕР, была брошена решающая гиря – лидером партии официально стал Путин, возглавивший ее список. Однако социальная ориентация «Справедливой России» способствовала тому, что ее численность, сильно уступая «Единой России», была выше, чем у других партий – 414 558 членов в мае 2011 г. по данным сайта Министерства юстиции РФ.

Стремясь оправдать свое название, С. Миронов и другие руководители «Справедливой России» ставили акцент в своих программных документах на необходимости сильной социальной политики, учитывающей интересы пен-

сионеров и малоимущих слоев населения в целом. Не став в полной мере выразителем интересов этих слоев, СР тем не менее вместе с КПРФ способствовала тому, что социальная проблематика оставалась в центре политических дискуссий. В законотворческой парламентской деятельности, однако, эсеры практически всегда поддерживали предложения «Единой России», снискав себе репутацию ее верной приспешницы. Пожалуй, ближе к истине мнение, что главной идейно-политической нишей СР стал «умеренный протест», а именно «ориентация на избирателя, который в целом лоялен власти, но хочет "наказать" ее за недостаточное внимание к социальным вопросам или слишком навязчивую избирательную кампанию» [16, с. 63]. Реагируя на финансовый кризис, эсеры предлагали снижение налогов на малые предприятия и установление налоговых льгот для реального сектора экономики.

Поиск «оптимальной, золотой середины между критикой и лояльностью власти» [там же, с. 64] стоил «Справедливой России» недоверия избирателей и холодного отношения власти. Такое «подвешенное» положение не устраивало и самих эсеров; понимая, что потеря самостоятельности может в конце концов обернуться для них политической смертью, они предпочли усилить критику президентского курса и ЕР. Отчуждение между Кремлем и СР нарастало и из вербальной сферы перешло в сферу действий. По инициативе ЕР в мае 2011 г. С. Миронов был отозван с поста председателя Совета Федерации. Оправдывая этот акт, эсеровский ренегат, вице-спикер Госдумы А. Байбаков, вышедший из партии 21 июля 2011 г. и вступивший в детище Путина и ЕР «Общероссийский народный фронт», заявил, что не желает состоять в партии «борющейся за место под солнцем» и выбравшей «курс на войну с "Единой Россией"»[11].

Соответствует ли это действительности? Ведь если одна из двух проправительственных партий объявляет «войну» другой, это значит, что в монолитности режима появилась трещина, пусть и небольшая, и надежда на реальную многопартийность возрождается.

Парламентские выборы 2011 г.: Третья фаза?

Миронов не стал опровергать обвинение Байбакова, он выразил радость по поводу его расставания с партией, а на уход из «Справедливой России» другого депутата Думы отреагировал так: «Будешь ты в "Единой России" петь под чужую дудку; никуда тебе от этого не деться, потому что предательство есть предательство»[12]. Еще в 2006 г. он заявил, что его партия никогда

11. Справедливая Россия // Википедия. – Режим доступа: http:// ru.wikipedia.org/ wiki/%D1%EF%FO%EO%E2%E5%E… (дата обращения 31.01.2012).

12. Там же.

не будет «партией власти два», а ЕР, позиционировав себя как партию власти, совершила «стратегическую ошибку»[13].

К этому стоит присовокупить пикировку лидера эсеров с «Единой Россией» и правительством, длящуюся уже два года. Миронов критиковал предложенные правительством Путина бюджет на 2010 г. и антикризисные меры, особенно за недостаточное внимание социальной сфере, а «Единую Россию» обвинял в использовании административного ресурса и провозглашении идеологии «российского консерватизма», которую он назвал «сомнительной»[14].

Многие считают разногласия между лидером СР и Путиным чистой инсценировкой – равно как и разногласия между Путиным и Медведевым в период президентства последнего. Такие суждения представляются слишком прямолинейными. При всем обилии постановочных сцен в практике государственной власти в России вполне допустимо, что в обоих случаях сработал эффект младшего брата, привыкшего к опеке со стороны старшего, но по мере взросления ощущающего растущую тягу к самостоятельности. Кроме того, подобно многим российским гражданам, и Медведев на посту президента, и Миронов на посту спикера Совета Федерации в какой-то момент могли почувствовать, что импульс к обновленчеству, к социально-политической стабилизации во имя дальнейшего демократического и социально справедливого развития все больше уступает в стратегии Путина ставке на просто стабилизацию ради сохранения завоеванных властным режимом позиций. Вопреки изначальным договоренностям возник встречный импульс корректировки проводимой политики, сопровождаемый надеждой и / или расчетом на обретение собственных властных полномочий большего объема.

В силу сказанного политические расхождения между Медведевым и Путиным, между «Справедливой Россией» и «Единой Россией» были более болезненными для Путина и ЕР, чем их расхождения с другими партиями и лидерами, давно критикующими проводимый режимом курс. Эсеры стали вылезать из того прокрустова ложа системной оппозиции, которое было отмерено им вначале. Этому нет прощения, и Миронов поплатился своим рангом третьего лица в государстве.

Выигрышем же для «Справедливой России» от ее демаршей в сторону ЕР и Путина стал рост электората: если на выборах 2007 г. ее поддержали 7,74%

13. Сергей Миронов заявил, что его новая партия не будет «партией власти два». – Режим доступа: http://www.ntwsru.com/arch/russia/05nov2006/suy.html (дата обращения 08.11.2006).

14. См., напр.: Кеннет К. Критика Путина Мироновым должна стать предостережением для элиты // Corporate Business World / Бизнес мир России. – М., 2010. – Март, № 2. – С. 8.

избирателей, то в 2011 г. – 13,24%, что принесло 64 депутатских мандата против 38 в Думе прежнего созыва. Эсеры обошли ЛДПР, за которую отдали свои голоса 11,67% россиян и которая получила 56 парламентских мест. Потеря третьего места в персональном ранжире высшей государственной иерархии обернулась для «Справедливой России» приобретением третьего места в парламентской фракционной иерархии. Единороссы же в 2011 г. набрали менее 50% голосов, потеряв 77 мест по сравнению с 2007 г. и конституционное большинство в ГД.

Эти количественные и отнюдь не грандиозные сдвиги в партийно-политической жизни России, приведшие к тому, что правящая партия лишилась конституционного большинства в 2/3 голосов в Думе, можно расценивать как появление признаков жизни партийной системы в стране. В политической жизни тем больше политики, чем меньше доминирования и монополизма. В системе тем больше системности, чем меньше неустойчивых, несамостоятельных элементов. Каждый шажок партий к обретению самостоятельности и зрелости, противостоянию доминированию и монополизму – шажок в направлении становления реальной, а не формальной партийной системы.

Картина движения в этом направлении в 2011 г. могла бы быть более определенной, если бы не привходящий фактор – использование административного ресурса в ходе выборов и манипуляции при подсчете голосов. У «Единой России» уже имелся опыт фабрикации нужного электорального результата. Так, в декабре 2007 г. на некоторых избирательных участках в Мордовии за ЕР проголосовали 104% и даже 109% избирателей! [Травин, с. 40]. Срывы, которые случались в применении административного нажима, по существу подтверждают наличие нажима. В ходе тех же выборов в Кабардино-Балкарии по всей республике единороссов поддержали порядка (плюс-минус) 70% населения, а в Карачаево-Черкесии, расположенной по соседству, наблюдался разброс от 45 до 86%. «Было бы опрометчиво искать причины колебаний в популярности у населения тех или иных партийных программ, – писали тогда Д. Орешкин и В. Козлов. – Просто местные группировки, которым не досталось места под флагом “Единой России”, пытаются лоббировать свои интересы под другими знаменами – все равно какими»[15]. Конкретно дело было в том, что новый президент Карачаево-Черкесии не сумел договориться о поддержке ЕР с местными баронами, ввиду чего данный разброс оказался совершенно нетипичным для северокавказской зоны «управляемого голосования».

В 2011 г. Северный Кавказ подтвердил свою репутацию социально и конфессионально сейсмической, но политически контролируемой (через ме-

15. Орешкин Д., Козлов В. Партия в городки // Новая газета. – М., 2009. – 1 апреля. – С. 9.

стное руководство) территории. Чечня проявила наикрепчайшую, непревзойденную любовь к правящей партии в виде поддержки ее 99,48% граждан, ненамного отстали Ингушетия (91) и Карачаево-Черкесия (89,8%).

Любопытно сравнить результаты прошлогодних парламентских выборов в приволжских республиках. Если в Удмуртии и Чувашии за ЕР проголосовали соответственно 45,1 и 43,4% избирателей, то в Мордовии, бессменно с 1995 г. руководимой членом Высшего совета партии «Единая Россия» Н.И. Меркушкиным – 91,6%.

Курьезные вещи происходили в обеих столицах. В Москве на избирательном участке по одну сторону улицы правящей партии отдали свои голоса 26% пришедших на выборы, а на участке по другую сторону той же улицы – 94%. В Питере, утверждает О. Дмитриева, заместитель главы партийной фракции «Справедливой России», у эсеров были «украдены» и «переписаны» на счет ЕР 38 тыс. голосов; к примеру, в одной школе, где проходило голосование, единороссам насчитали 90% голосов на трех участках; в соседней школе – только 20%[16].

Политический сериал «Выборы-2011» имел продолжение в виде демонстраций и митингов с требованиями пересчета голосов по всей стране и проведения «честных выборов». Понятное дело, в этих митингах не участвовали сторонники «Единой России». Но то, что выборы прошли с нарушениями, не отрицал никто, даже президент и правительство. К удивлению многих, А. Кудрин, бывший министр финансов в правительстве Путина, отправленный в отставку Медведевым, всегдашний молчаливый исполнитель «высшей воли», приехав на митинг на проспекте Сахарова, заявил: «Я тоже за честные выборы», за «досрочные выборы в Думу уже на новых условиях» и с новым Центризбиркомом[17]. Вопрос в общенациональном дискурсе заключался лишь в том, каков реальный масштаб нарушений. Единороссы, отводя глаза, утверждали, что оппозиционные партии также проводили переписывание и вбросы бюллетеней, следовательно, игру можно считать ничейной и переигровку не проводить. Юридически решение о новых выборах можно было бы принять только в случае признания Центризбиркомом массовой фальсификации и отказа утвердить итоги. Мог вмешаться и президент, поставив вопрос о непризнании итогов выборов в Думу. Ничего этого не произошло, а если бы и произошло то, по здравому размышлению, максимальным достижением оппозиции на новых выборах было бы лишение «Единой России» не только конституционного, но и простого большинства в парламенте, когда она получила бы не 238 мест из 450, а меньше половины. Ни один политический

16. «Мы можем доказать!» // Новая газета. – М., 2011. – 19 декабря. – С. 2.

17. Что привело вас на митинг? // Собеседник. – М., 2011. – 28 декабря. – С. 2.

обозреватель, насколько известно, не рискнул предположить, что какая-либо другая партия (а речь могла идти прежде всего о коммунистах, которым достались 92 мандата) отвоевала бы у ЕР первое место.

Уже в 2012 г. новая волна митингов в поддержку разных кандидатов на пост президента России показала, что сериал отнюдь не закончен. Снова «Единая Россия» использовала административный ресурс, которым изо всех партий распоряжалась только она. Материальные стимулы и договоры о поддержке могли использоваться другими партиями, а вот заставить народ под угрозой административного наказания топтаться на январском морозе и семи ветрах Поклонной горы в поддержку своего кандидата могла лишь ЕР[18].

Мы не знаем и, возможно, никогда не узнаем точных ответов на многие вопросы, так сказать, количественного характера. Сколько фальшивых бюллетеней были приняты ЦИК в качестве истинных? Сколько голосов было отнято у оппозиционных партий – у всех в сумме и у каждой в отдельности? Если бы масштаб нарушений был меньшим, как бы это повлияло на расстановку сил в Думе? На каких уровнях власти принимались решения о переписывании и вбросе бюллетеней? Какие в точности и кем давались указания о «нужном голосовании» руководителям регионов, какие им были обещаны поблажки и как они реагировали на это? До нас доходят отельные факты через Интернет, гораздо реже через печать, но общей картины нет.

А так ли уж важна в данном случае количественная сторона дела? Именно в данном случае? Вот если бы правящую партию и идущих следом коммунистов разделяли не 30% (по официальным данным), а 5–10%, тогда фальсификация приобретала бы судьбоносный смысл, и режим ждал бы суровый суд истории.

Оставим поэтому вопрос о количественных аспектах политической борьбы в стороне. Президентские выборы 4 марта 2012 г. яснейшим образом показали, что будущее России по-прежнему будет строиться «сверху» в соответствии с волей первого лица и его окружения, которая транслируется и через чиновничество, и через партию власти, и через СМИ, будучи принятой большинством населения страны. Будущее России оказывается заложником этой воли: если она направлена прежде всего на свободу мнений и оценок, учет позиций несогласных и критикующих, на достижение большей социальной справедливости, на реальную борьбу с коррупцией, монополизмом и нелегальными доходами – тогда это хорошо для России. Если воля «Дворца» («клуба») направлена на приоритеты самоконсервации, ограничение и подавление оппозиции, дозированный патернализм по отношению к населению –

18. «Я не отправила людей на Поклонную. Меня уволили» – это то, что случилось с директором одного из учебных заведений Зеленограда еще до самого митинга (Новая газета. – М., 2012. – 8 февраля. – С. 3).

тогда это плохо. Современным державникам и традиционалистам не худо было бы вспомнить наставления выдающегося русского государствоведа Б.Н. Чичерина о необходимости взаимного ограничения государства и общества: «Власть должна стеснять себя в пользу свободы, предоставляя последней надлежащий простор и даже влияние на общие дела» [25, с. 318].

Пока ситуация такова, что позволяет одной из сторонниц В.В. Путина, весьма популярной в шоу-бизнесе, заявить: «Владимир Путин и его отношения с Россией напоминают мне двух супругов… Для брака, которому десять лет и больше, развод уже крайность»[19]. Читателю предстоит поразмышлять, во-первых, кто в этом браке муж, а кто жена; во-вторых, если после десяти лет развод – крайность, то что же можно будет сказать после 20–22 лет?

Становление монолитного авторитарного порядка сталкивается со сложностями, порожденными требованиями его собственного развития в разных областях, которые приходят в противоречие друг с другом. Так, назначение губернаторов Кремлем вместо выбора их в самих регионах способствовало укреплению вертикали власти и консолидации правящей элиты, но затруднило работу правящей партии в массах. Выборным губернаторам, пользовавшимся авторитетом в своих доменах, было легче мобилизовывать население в поддержку «Единой России». Назначенным губернаторам, не успевшим или не сумевшим завоевать сравнимый авторитет, а тем более настроившим против себя население, делать это труднее. Появление их имен под первыми номерами в региональных избирательных списках ЕР порой вызывало раздражение. Проблема усугублялась масштабом смены местных властей; так, в 2010 г. в 18 регионах появились новые, удобные Федеральному центру, губернаторы[20].

Вне зависимости от партийных идеалов modus operandi партийных структур, прежде всего верхушечных, помечен теми же признаками злоупотребления властью, что и административная вертикаль. Покинувшая ряды Союза правых сил (СПС) еще в 2002 г. депутат Мосгордумы И.М. Рукина сетовала, что «не могла смириться с тем, что в демократической партии существуют авторитарные порядки»[21]. Руководитель Брянского регионального отделения «Справедливой России» Л. Колмогорцева, выйдя из партии в сентябре 2011 г., мотивировала свое решение тем, что С. Миронов волевым по-

19. Собчак К. Хотела бы сделать ребрендинг Путина // Собеседник. – М., 2011. – № 50. – 26 декабря. – С. 9.

20. Полунин А. Выборы – 2011: Путин заменяет губернаторов-аллергенов. – Режим доступа: http://svpressa.ru/politic/article/45817/ (дата обращения 31.01.2012).

21. Новости столицы: Информационный выпуск для жителей САО. – М., 2005. – Июнь. – С. 1.

рядком включил в брянский избирательный список московского миллионера В. Рудникова, пообещавшего руководству эсеров 120 млн. руб.[22]

Каким может быть будущее российских партий в нынешней партийной квазисистеме? «Единая Россия» и Путин действительно не могут развестись, хотя ценность ЕР в глазах Путина будет падать: в управленческой практике толку от нее мало (это не КПСС с сетью райкомов), сильных идеологов в ней нет, а непопулярность ее из-за махинаций и коррупционных связей растет. Путин один весомее всей ЕР. Но распустить ее он не может. Дилемма: либо попытаться создать сеть райкомов, подобных советским (но для этого нужно вернуться к советской системе государственного управления); либо предоставить партию самой себе, посматривая, однако, за тем, чтобы она не бросала тень на имидж самого президента.

Примерно та же ситуация в ЛДПР. Эта партия существует, пока существует Жириновский. Но вождь стареет, выдыхается, теряет шансы… Партию будут ощипывать. Кто-то уйдет к эсерам, кто-то к коммунистам. Карьеристы – к единороссам.

«Справедливая Россия», настойчиво именуя себя социал-демократической партией, берет на себя трудную задачу заполнить нишу общемирового значения, в России до сих пор по-настоящему невостребованную. Мировой опыт и исторический смысл социал-демократической политики, увы, не служат источниками вдохновения для целых социальных слоев в России – крестьян, пенсионеров, женщин, молодежи, даже рабочих, многие из которых поддерживают традиционный эсдековский лозунг социальной справедливости и напрочь не понимают лозунг социального партнерства. Какое партнерство, когда профсоюзы в стране маломощны и несамостоятельны? Им нечего предложить предпринимателям; последние, говоря о партнерстве, просто, если хотят, предлагают как дар улучшенные условия труда, за которые именно их, предпринимателей, следует благодарить. Кроме того, история свидетельствует, что социал-демократические партии добивались успеха тогда, когда они были ведомы яркими личностями. Этого никак не скажешь о «Справедливой России», тем более с учетом провального участия С. Миронова в президентских выборах. Тем не менее у эсеров есть шансы понемногу набирать очки и пополняться за счет ЕР и ЛДПР. Коммунисты к ним не пойдут.

Будущее КПРФ зависит от возраста собственных членов и экономической ситуации. Проще сказать – от цен на нефть. В благополучной и стабильной России им власти не видать. Кризис за них, стабильность против них. Правда, кто в состоянии гарантировать благополучие и стабильность в Рос-

22. Справедливая Россия // Википедия. См.: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D1%EF%FO%EO%E2%E5%E… (дата обращения 31.01.2912).

сии? С другой стороны, коммунисты постепенно теряют радикальный пыл работы на улице, в массах. Они раз за разом не признают легитимными результаты парламентских и президентских выборов – но, заметьте, не верят, что массы их в этом поддержат. «Народ не выйдет на улицы, – пессимистически изрек Г. Зюганов в интервью газете "Советская Россия" в 2004 г. – Даже в 93-м году, когда в Москве был такой мощный импульс восстания, который должен был сдетонировать сопротивление на местах, народ остался в своих домах, способный лишь на моральное сочувствие»[23]. Не по-ленински рассуждаете, товарищ Зюганов! Нет веры в успех – нет веры в партию.

Наконец, праволиберальная партия может начать пробуждаться к жизни лишь в случае, если ее строительством займется М. Прохоров. Это взаимовыгодное предприятие: партия нужна ему для продолжения политической карьеры не меньше, чем он ей. Какого-либо успеха она сможет добиться, сменив имидж яхт-клуба богатеньких на имидж молодых и энергичных авангардистов от среднего класса. Сам взлет миллиардера из сибирской кладовой никеля и золота привлекателен для части российской молодежи.

Всем оппозиционным партиям катастрофически не хватает в своих рядах ярких личностей, искренних и убежденных адептов.

Каким же образом в этой ситуации побудить правителя и правящую элиту прислушаться к голосам инакомыслящих, критиков и оппозиционеров? Еще на рубеже XIX–XX вв. М.Я. Острогорский высказал следующую мысль, парадоксальную в условиях зрелых и устоявшихся политических режимов, но актуальную на разного рода переходных, трансформационных стадиях, чреватых революционными потрясениями: «Нужно, чтобы правящее меньшинство всегда было под угрозой. Функция масс в демократии заключается не в том, чтобы управлять, а в том, чтобы запугивать управителей» [20, с. 685]. Память подсказывает, что президентская власть действительно была напугана во время противостояния с парламентом в октябре 1993 г.; в ходе массовых шахтерских волнений того же периода; в президентской гонке 1996 г. Боялась ли она потом? Затруднительно дать точный ответ, во всяком случае, после начала «путинской стабилизации» она себя, напротив, с каждый годом чувствовала все увереннее. Так было до декабря 2011 г. А в эти декабрьские недели Болотная площадь и Проспект Сахарова стали в ее глазах символом ощутимой угрозы.

Берусь утверждать, что 4 марта 2012 г. синдром чрезмерных опасений был снят. Не совсем, конечно, поскольку треть голосов не в поддержку В.В. Путина – это немало. Кроме того, в абсолютном выражении Путина

23. Четыре вопроса Геннадию Зюганову главных редакторов газеты «Завтра» А. Проханова и газеты «Советская Россия» В. Чикина // Советская Россия. – М., 2004. – 26 июня. – С. 1.

поддержали 45 млн. человек, а были и есть еще порядка сотни миллионов, среди которых и оппозиционеры, и те, кто проигнорировал выборы, и мальчики-девочки, которые будут расти и взрослеть в течение последующих 12 лет. За кем они пойдут, в каких условиях будут мужать? Для будущего России это ключевой вопрос.

Возвращаясь к правящей партии, следует заметить, что главный ее враг – она сама. Аналитики давно отмечали несамостоятельный характер партии, управляемой директивами Кремля, отсутствие у нее содержательной идеологии и реальной ответственности за свои действия, умения рекрутировать достойную смену [17, с. 50; 5, с. 58]. С этой точки зрения в практике ЕР мало что изменилось и сейчас. Уместны вопросы, какой захочет видеть ее В.В. Путин в свой третий, длинный президентский срок; с кем ей придется блокироваться в Думе, чтобы добиться принятия решения конституционным большинством. Но рассчитывать, что ее главенствующая позиция будет поколеблена, в ближайшие годы не приходится. «Единая Россия» воспринимается как партия порядка, а порядок – основная ценность большинства россиян. На вопрос «Левада-Центра» в 2010 г. «Что сейчас важнее для России: порядок или демократия?» 56% опрошенных заявили «порядок», 23% – «демократия». Почему они выбрали порядок, становится ясно по ответам на вопрос о том, куда движется страна. 38% респондентов имели на сей счет смутное представление, 30% – никакого [10, с. 19, 21]. Ощущая себя участниками бесконечного марша неизвестно куда, россияне более всего хотят порядка, предсказуемости, стабильности.

Ключевой вопрос с точки зрения и роли партий в общественном развитии, и разделения властей, и эффективности всей политической системы в целом: какой может (должна) быть основа этой стабильности? Расширение парламентских полномочий при ограничении полномочий президента? Прекрасная теоретическая модель, оправдавшая себя в целом ряде развитых демократий, где в парламентах конструктивно взаимодействуют центристские партии социал-демократической и либеральной направленности. Такова ли наша Дума, таковы ли наши партии? В февральской статье в «Независимой газете» С. Бабурин и З. Станкевич приводят весьма разумные соображения относительно природы кризисных явлений в текущей российской политике и уповают в качестве главного средства преодоления кризиса на созыв Конституционного собрания, которое заменит Государственную думу и Совет Федерации «эффективно работающими высшими органами народного представительства» [2, с. 5]. Этот завуалированный призыв вернуться к системе советских народных депутатов просто наивен, если учесть, что нет ни малейшей уверенности в том, что качество новых «высших органов народного представительства» будет выше, чем качество ГД и СФ. К тому же архиважно уже то, как будет формироваться Конституционное собрание. Не выбора-

ми, а по «особой процедуре», говорят авторы. Кто ее разработает, докажет ее легитимность и введет – совершенно неясно.

Неограниченные президентские полномочия? Для правой и левой оппозиции это наиболее неприемлемый вариант, как, впрочем, и для всех здравомыслящих россиян. Это путь к диктатуре. Л. Шевцова называет «борьбу с единовластием» главной стратегической задачей пробуждающегося российского общества [26, с. 9].

Россию ждет непростой опыт жизни без общенациональных выборов в течение пяти лет (Дума) и шести лет (президент). Текущий год должен показать, как эти два головных политических института России, эти две ветви верховной власти осмыслили уроки выборов 4 ноября 2011 и 4 марта 2012 гг. Оппозиция выразила свое неприятие существующего режима тверже и настойчивее, чем ранее. Ход за властью.

Представляется важным, чтобы «новый» президент России понял: сомнения в легитимности результата президентских выборов и требования «честных выборов» направлены против него лично в той и только той степени, в какой он лично способствовал созданию политического режима, при котором вся политика от «а» до «я» намечается и проводится из одной точки власти, отводя сторонникам альтернативных политических стратегий и решений в лучшем случае роль статистов, в худшем – врагов и интриганов. Это неправильно по отношению к самим оппозиционерам и критикам, и еще более неправильно по отношению к той части электората, которая, вовсе не выбирая себе кумиров в лице Зюганова, Прохорова, Жириновского, Миронова (более того, понимая отсутствие у них всякой харизмы, необходимой в России первому лицу в государстве), просто глубочайшим образом разочарована тем, что ей в очередной раз показали старый, давно отрепетированный спектакль. Да, зрителями были все россияне, и многие из них хлопали в ладоши. Но это очередной аванс власти, демонстрация той самой жажды стабильности по принципу «лишь бы хуже не было». Пуще огня боится страна перемен к худшему. На таком ли фундаменте строить ей свое величие?

Литература

1. Афанасьев М. Общественно-политические условия «русского чуда» // Отечественные записки. – М., 2007. – Т. 39, № 6. – С. 213–222.

2. Бабурин С., Станкевич З. Вернуть страну народу // Независимая газета. – М., 2012. – 2 февраля. – С. 5.

3. Вебер М. Избранные произведения. – М., 1990. – 805 с.

4. Гельман В.Я. Политические партии в России: От конкуренции – к иерархии // Полис. – М., 2008. – № 5.

5. Гельман В.Я. Тупик авторитарной модернизации // Pro et contra. – М., 2009. – № 5–6. – С. 51–60.

6. Глебова И.И. Особенности эволюции государства в России: «Дворец» // Россия и современный мир. – М., 2011. – № 1. – С. 84–112.

7. Голосов Г. Электоральный авторитаризм в России // Pro et contra. – М., 2008. – Январь-февраль. – С. 22–35.

8. Гуселетов Б. Становление социал-демократических и социалистических партий стран Центральной и Восточной Европы и СНГ. – М., 2011. – 162 с.

9. Денисов С.А. Административное общество. – Екатеринбург, 2011. – 606 с.

10. Дубин Б. Символы возврата вместо символов перемен // Pro et contra. – М., 2010. – № 5. – Сентябрь. – С. 6–22.

11. Дюверже М. Политические партии. – М., 2002. – 427 с.

12. Иванченко А.В., Любарев А.Е. Российские выборы: От перестройки до суверенной демократии. – М., 2007. – 232 с.

13. Иноземцев В. Демократическая перспектива для России не просматривается: Интервью с Владиславом Иноземцевым // Неприкосновенный запас. – М., 2008. – № 1. – С. 123–128.

14. Ковалёв В.А. Политические альтернативы в современной России. – Сыктывкар, 2010. – 202 с.

15. Лысенко В. Три этапа развития многопартийности // Парламентаризм и многопартийность в современной России. – М., 2000. – С. 116–123.

16. Макаренко Б.И. Партийная система в России в 2008–2009 гг. – М.: ИНИОН РАН, 2009. – 80 с.

17. Макаренко Б. Сценарии эволюции партийной системы // Pro et contra. – М., 2010. – Июль–октябрь. – С. 39–52.

18. Макаркин А. Выборы в рамках контракта // Pro et contra. – М., 2008. – № 1. – С. 36–45.

19. Макаркин А. Партийная система современной России и начало кризиса. – Режим доступа: http://www/intelros.ru/readroom/nz/-63/3564-partijjnaja-sistema (дата обращения: 12.01.2012).

20. Острогорский М.Я. Демократия и политический процесс // Политические институты, избирательное право и процесс в трудах российских мыслителей XIX–XX вв. – М., 2009. – С. 675–687.

21. Петров Н. Политический дизайн современной России // НГ-Политика: Приложение к Независимой газете. – 24.05.2007. – С. 2.

22. Согрин В. Политическая история современной России. – М., 1994. – 192 с.

23. Травин Д. Авторитарная личность на российских выборах // Неприкосновенный запас. – М., 2008. – № 1. – С. 40–50.

24. Хейл Г. Партийная система в России: Четыре мифа // Ведомости. – 18.07.2011. (Электронный ресурс: http://www.vedomosti.ru/ntwspaper/article/264058/chetyre).

25. Чичерин Б.Н. О народном представительстве // Политические институты, избирательное право и процесс в трудах российских мыслителей XIX–XX вв. – М., 2009. – С. 276–339.

26. Шевцова Л. Перехват лозунгов // Новая газета. – М., 2011. – 19 декабря. – С. 9.

27. Шимов Я. Эпоха Владимира Путина и трансформация российской государственности // Неприкосновенный запас. – М., 2008. – С. 26–39.

28. Шнайдер Э. Политическая система Российской Федерации. – М., 2002. – 262 с.

29. Sakwa R. Russian politics and society. 2nd ed. – L., 1996, XVII, 501 p.

30. Sartori G. Parties and party systems: A framework for analysis. – Vol. 1. – Cambridge, 1976. – 370 p.

В.М. Капицын

ИДЕЙНО-СИМВОЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ

Капицын Владимир Михайлович – доктор политических наук, профессор кафедры социологии и политологии ИППК МГУ им. М.В. Ломоносова.

В статье ставится задача показать, как определенные идеи и знаки получают символические смыслы, включаются в политическую и правовую системы, становятся элементами идейно-символьной политики, артикулирующей осознанные национальные интересы.

Проблема связи идейно-символьной политики и национальных интересов возникает в позднее Средневековье и начинает разрешаться в Новое время. Тогда вместе с проблемой государственного суверенитета были поставлены вопросы реформирования монархических символов в соответствии с требованиями народного (национального) суверенитета и определения места того или иного народа в международных отношениях. В Голландии, США, Франции реализовывалась идея нации-государства, что требовало осознания национальных интересов суверенных государств и выражения их в идейно-символьной политике. Это затрагивало отношения науки, мифа, теологии. Ренессанс и Реформация подрывали регулятивную роль теологии, а Просвещение устанавливало господство научного знания со связанными с ним оптимистическими техницистскими надеждами. Но наука не смогла вытеснить из сферы политики и права миф и теологию. Последние оказались востребованы в идеологическом обосновании национализма и национальных интересов, конструировании национально-государственной идентичности и идейно-символьной политики.

Проблема национальных интересов была поднята на концептуальный уровень во время переговоров по заключению Вестфальского мира. Европейская цивилизация столкнулась с многообразием территориально-политических образований, у которых вызревали претензии на государственную

субъектность. Уже Реформация в Европе показала, что народы и территориальные элиты обращаются к поиску национально-государственной идентичности, включающей обоснование комплекса территориальных, этноантропологических, конфессионально-культурных, экономических притязаний. Революции в Нидерландах и британских колониях Северной Америки, Великая Французская революция, войны Наполеона усилили тенденции формирования национальных государств. Утверждались идеология и политика обоснования своеобразия и исторической преемственности народов путем отстаивания и легитимации современных государственных границ (национальной территории), статистики и демографии (естественной антропологии, численности населения), самобытной истории, культуры, веры.

Данный процесс сопровождался обращением к ценностным основаниям в формировании национальных интересов. Это было нелегко обеспечить. С одной стороны, государства продвигались, как отмечал М.В. Ильин, в направлении национализации (регионализация) сакральной вертикали [6, с. 85] – религиозных ценностей (англиканская церковь в Англии, лютеранство в Германии и Скандинавии, кальвинизм в Швейцарии и части Франции, самостоятельный национальный кардинал в католической Франции, господство католичества в Южной и Восточной Европе, православия – в России и на Балканах). Происходила политическая рационализация и национальная сакрализация ценностей. Н. Макиавелли склонен был оправдывать порочные методы в политике правителя, который сможет объединить разрозненные части Италии в единое государство, т.е. действовать в национальных интересах. Вместе с тем христианские ценности, правовую систему, основанную в значительной степени на римском праве, трудно было четко соотнести с территорией. К тому же легитимация национальных государств с помощью международного права не могла основываться на ценностном обосновании.

С этой проблемой столкнулись участники переговоров по заключению Вестфальского мира 1648 г. Как писал французский исследователь Ж.-М. Гуенно, «Создатели Вестфальского мира хорошо понимали, что формируемый ими миропорядок не может строиться на ценностных ориентирах, в частности на религии. Ценности не подлежат обсуждению и по ним трудно делать уступки. Поэтому в основу государственно-центристской модели мира были положены национальные интересы, по которым возможен поиск компромиссных решений» [цит. по: 11, с. 75].

Такой реляционистский подход, определяемый правоотношениями между формирующимися суверенными субъектностями, сочетался и сочетается с субстанционалистским и идейно-символьным (идентификационным) подходами. В международной политике процессуальность переговоров (с их ритуалами) тогда осложняется господством прагматизма и трудно смиряемого эгоизма. Тем не менее в поисках идейных и символических формул нацио-

нальных и имперских государств нельзя обойтись без ценностей, обращенных на идейное обоснование империй и национального суверенитета; невозможно было творить государства как «воображаемые сообщества».

Если исследовать национальные интересы, то реляционистский подход (в несколько смягченных вариантах, в сочетании с идентификационным, конструктивистским, социально-антропологическим) продолжал и в конце XX в. оказывать сильное влияние. Но значение ценностей в обосновании национальных интересов не снижалось. В СССР в условиях роста национального самосознания населяющих его народов национальные интересы опирались на социально значимые явления в жизни нации в конкретных исторических условиях и определялись (в обобщенном виде) в качестве «отношения той или иной национальности как целостного социального субъекта к каждому элементу и всей совокупности условий своего существования» [4, с. 106].

В современной России обществоведы рассматривают национальные интересы, чаще всего исходя из наличия вызовов и угроз со стороны окружающего мира, темпов развития, международной конкуренции, глобальных проблем (истощение ресурсов и стремление к переделу мира, экология, неконтролируемая миграция и т.д.). При этом наряду с угрозами распада страны или отторжения от нее территорий, депопуляции (вымирания населения), потери полноценной международной и внутренней суверенности отмечается и такая угроза как «моральный кризис». Т.Я. Хабриева определяет национальные интересы как жизненные интересы народа России, отражающие стремление граждан к обеспечению стабильного и устойчивого развития общества и минимизации (ликвидации) этих угроз [22, с. 8]. Моральный кризис в условиях глобализации и стимулируемых ею процессов современной модернизации – серьезная угроза ценностям, на основании которых обосновываются национальные интересы.

Как выделяются такие ценности? Ответ на этот вопрос помог бы не только определить некие топосы происхождения символов и номосы их закрепления, но и судить о содержании и структуре символов, ориентированных на национальные интересы. Выделение ценностей нации и их символизация подчиняется некой универсальной классификации, привязанной к основным сферам жизнедеятельности людей: пространственной (территории), естественно-антропологической (жизни населения и соответствующим предметам и артефактам), духовно-культурной (мифам, религии, истории), агентно-профессиональной (изделиям традиционного ремесла, достижениям хозяйства). В совокупности такие ценности и символы формируют комплекс образов, чувств, моральных установок, усиливающих позитивное восприятие национальных интересов в контексте повседневной жизни.

Б. Андерсон, выделял *карту, перепись, музей, газету* в качестве институтов, способных влиять на формирование и сохранение обществ и государств,

сплачивать нации [1]. Свойства таких институтов объясняются тем, что они, образовавшись на основе систем жизненных ценностей и знаков, сами могут концентрировать вокруг себя знаки и упорядочивать ценности жизненных сфер. Они также помогают соединять знаки жизненных сфер с политической и правовой системами общества.

Географическая карта первоначально помогала находить определенные места на территории, организовывать локальные пространства, но затем стала серьезно влиять на сознание соотечественников, осознание ими общих интересов в территориальном (пространственном) аспекте. Она закрепляет в сознании жителей знаки, характеризующие своеобразие природы (климат, ландшафт) разных мест, образ «малой родины». Серии марок, например, изображают животных, памятники природы (горы, реки, равнины) регионов той или иной страны. В то же время карта концентрирует знаки (символы) таким образом, что помогает формировать образ всей территории государства, стимулировать патриотизм. Ряд государств ревностно (Китай и Япония особенно) воспринимают картографические неточности, оперируют даже термином «картографическая агрессия».

В качестве институтов, концентрирующих знаки естественно-антропологической жизненной сферы, выступает не только перепись населения. Кроме нее важную роль играют *семья, местное сообщество, записи актов гражданского состояния, регистрация места жительства и пребывания*. Все эти институты, наряду с переписью населения, определяют некоторые количественные демографические и этнические пропорции, концентрируют знаки, характеризующие этноантропологические черты (национальная одежда, элементы быта, кухни, особенности языка или диалекта). В то же время, несмотря на локализацию, в своей совокупности концентрация таких знаков помогает включать населенные пункты в общий образ национального государства.

В духовно-культурном аспекте речь идет об активном оживлении с помощью знаков (символов) событий истории, мифов в литературе, искусстве, политике. У каждой местности, каждого народа есть свой нарратив (рассказ, история), поддерживающий историческую идентичность, оттеняющий особенности данного места и народа. Важнейшую роль в поддержании такого местного нарратива играют краеведческие музеи. В то же время Б. Андерсон справедливо отмечает роль института музеев в форсировании «воображаемых сообществ», обосновании политических целей и мероприятий, легитимации и артикуляции национальных интересов государства, противопоставлении их интересам другого государства. Музеи, особенно историко-гражданского профиля, поддерживают мифы данного народа и образы целостного государства [15, с. 217–221], наиболее последовательно хранят духовно-

культурные символы[1]. В этом направлении работают также и другие институты духовной и когнитивной концентрации символов – культы местных святых, исторические памятники, газеты, школы, книги, театр, кино, СМИ, которые поддерживают местные, национальные, государственные мифы, формируют локальный и общенациональный нарративы.

Примеры воздействия мифов на формирование национально-государственной идентичности общеизвестны. Мифология территории и государственности использовала для этого эпосы, эпических героев, перенося их в современную литературу, музыкальное, изобразительное искусство. Искусство располагало издавна наиболее богатыми, особенно визуальными, возможностями концентрации и воспроизводства символов и знаков на разнообразных носителях (скульптура, архитектура, гравюра, в том числе на монетах, медалях, орденах, изображения на купюрах, марках, открытках, футболках, бланках, сувенирах, стенах зданий, транспортных средствах и т.д.). СМИ расширили возможности воспроизводства и трансляции знаков и символов.

В агентно-профессиональном плане для концентрации и трансляции знаков, характеризующих локалитеты (место), и для идейно-символьной политики в целом важны достижения народного хозяйства в широком смысле: в ремесле, промышленности, науке и технике, управлении, спорте, медицине и т.д. В качестве институтов здесь выступают *выставки достижений, профессиональные праздники, награды, чествования передовиков*. Так, для ряда городов различные профессиональные праздники в силу доминирования отдельных отраслевых производств приобретают явный местный колорит (дни железнодорожника, строителя, металлурга, химика и т.д.). Особенно это заметно в монопрофильных городах и поселках (моногородах), как, например, День металлурга в Магнитогорске, Златоусте, Череповце, Норильске; День авиации – в Жуковском, Монино; День ВМФ – в Петропавловске-Камчатском, Владивостоке, Севастополе, Кронштадте. В тоже время эти достижения концентрируют и транслируют связь местных достижений с государственными. Так, для советской государственности достижения в космосе порождали символы, поддерживавшие гордость за страну (скульптуры, монументы, другие изображения Ю. Гагарина, кораблей «Восток» и «Восход», станции «Мир», бывший павильон «Космос» на ВДНХ и т.д.). В спорте символами СССР и России были в числе прочих Л. Яшин, В. Брумель, И. Роднина, В. Харламов; на эстраде СССР и России к таким символам относят

1. Среди прочих на постсоветском пространстве возникли музеи, акцентирующие тему советской оккупации в Грузии, на Украине, в странах Балтии, пропагандирующие идеи независимости и самодостаточности новых государств, укрепление национального самосознания и исторической идентичности, в том числе за счет фальсификации фактов.

Л. Зыкину, Л. Русланову, Г. Отса, И. Кобзона, Р. Паулса, Т. Гвердцители, Л. Лещенко, А. Пугачёву, С. Ротару и др.

Идейно-символьная политика на местах и в центре призвана поддерживать такие институты. По своему составу символ – сложная система знаковых элементов, куда входят: а) сам знак (визуальный, аудиальный, печатный, мистифицированный, шифрованный); б) идея или миф о смыслах как духовная основа превращения знака в символ; в) носитель знака (обычно материальный); г) идейный контекст. Соединение этих элементов в символе предполагает конструирование социальной легитимности знака (отложения его в памяти и / или современном массовом восприятии), а по необходимости и правовой легальности с помощью соответствующих юридических норм. Национальный символ – своеобразный социальный конструкт, способствующий ориентации человека в идеологии, мотивации общественных действий, включению идей и символов в национально-государственный дискурс.

Чтобы идеи, знаки, институты получали и транслировали символьно-государственные смыслы, они должны испытать влияние некоей идеи-универсалии, выражающей смысл и траекторию позитивного развития, где нижние уровни символьной пирамиды конкретизируют более высокие. Если идея-универсалия артикулируется элитой (харизматиками, партиями), поддержана идеологически, концептуально и институционально, представлена как имеющая «корни» в истории, отражает непрерывность последней, если ее смысл адекватно доведен до населения и подкреплен жизнесферными знаками, то она становится *национальной идеей*. В таком состоянии она обладает духовно-политической и социально-психологической силой, укрепляет национально-государственную идентификацию граждан, выражает ценностный код нации.

Вершину идейно-символьной системы занимает конституция государства, в которой ценности и символы закрепляются через декларации и нормы. Другими словами, в системе в виде своеобразной «пирамиды» соединяются партикулярные знаки и символы, начиная от пространственных и природных знаков отдельных мест (территорий), изображений природы (гор, рек и т.д.), животных и растений, обычаев народов, памятников истории и культуры, достижений отечественного народного хозяйства, статусных знаков и праздников профессий. И так они поднимаются до конституции государства и других государственных символов (герба, гимна, флага, столицы).

Образы и знаки размещаются на множестве носителей, оформленных с учетом науки геральдики, соответствующих законов восприятия и визуализации. Все это учитывается в идейно-символьной политике. Последняя помогает поддерживать правила поведения для производства первичных (самоочевидных) благ повседневной жизни и воспринимать их как ценности, значимые в социальных отношениях, в политике и управлении, возвышает до

символьно-государственных форм, вплоть до конституции. Национальная идея способствует связи статусных символов отдельных территорий, местностей, социальных групп, граждан в определенной иерархии, поддерживающей консолидацию общества в отношении общенациональных интересов.

К.С. Гаджиев, исследуя политические символы, отмечает, что со времени возникновения национальных государств политические лидеры разрабатывали и использовали различные национальные символы – флаги, гимны, конституции, праздники, денежные знаки, политические ритуалы, наличие столицы государства с целью привлечь внимание граждан, объединить их вокруг какой-то масштабной идеи и соответственно подвигнуть их на те или иные действия [2, с. 227–229].

Это означает, что общепризнанная идея-универсалия удерживается в национальном сознании, связывает и выстраивает иерархически другие знаки, как наполненные национально ориентированными смыслами. К идеям-универсалиям и объединяющим национальным символам государства относились, например, император в Японии[2], королева в Великобритании, конституция (основной закон), президент, парламент, верховный или конституционный суд; где-то такими символами стали священные книги (Библия, Коран). В национальном сознании поддерживается связь между ними и символами более приземленного уровня, которые выражают особенности смысловых наполнений жизненных сфер (повседневной жизни) в данном обществе. Император Японии обязан продолжать национальную традицию, высаживая перед дворцом рис и собственноручно ухаживая за маленьким рисовым полем. Рис, а точнее система ритуалов вокруг выращивания риса, возникшая в естественно-антропологической жизненной сфере, является также национальным символом, олицетворяющим трудолюбие и терпение японцев. В символьной системе Китая панда является символом, органично включенным в систему национальной идеологии и психологии[3]. Если общество и идейно-символьная политика развиваются нормально, то знаки и символы разных уровней связываются в символьной системе государства, и, образуя определенную иерархию, восходят к национальной идее как национальному символу.

2. Ст. 1 Конституции Японии сохраняет этот символ: «Император является символом государства и единства народа» [10, с. 270].

3. В 2010 г. в японском зоопарке умерла большая панда Коу-коу, которой пытались провести искусственное оплодотворение; это совпало с разгоревшимся конфликтом вокруг ареста китайского судна, ведущего промысел вокруг спорных островов Сэнкаку. Смерть панды была «вплетена» как повод в настроения общего массового негодования граждан КНР [17, с. 24–25].

Обычно артикуляция национальной идеи выражена в конституции государства, особенно в ее преамбуле, а также нормах, формализующих смыслы фундаментальных ценностей. Правда, не всегда достаточно полно. Выраженность (невыраженность) национальной идеи в конституции зависит от ряда обстоятельств. Во-первых, подготовка и принятие конституции не всегда проходит в условиях консолидации общества. Во-вторых, содержание преамбулы и основной части конституции может существенно расходиться. В-третьих, юридическая конституция (официальный текст) не соответствует полностью политической конституции – «живой» конституции, отражающей соотношение основных политических сил. Это расхождение бывает всегда, но государственная политика стремится по возможности свести его к минимуму.

В СССР периода перестройки, а затем в новой России были разрушены советские символические образцы, что привело в хаотичное движение партикулярные статусные символы различных территорий, социальных групп и граждан России. Граждане бывшего СССР индивидуально и группами выстраивали свои статусные символы при отсутствии разделяемых большинством граждан российских идей-универсалий и символов.

Шла также подстройка под вестернизированные мировые идеи-универсалии и общечеловеческие символы, в качестве которых выступали демократия, права человека, толерантность, правовое государство, свобода передвижения, глобальное гражданское общество и т.д., что отразилось в Конституции РФ. Такие символы как Статуя Свободы, звездно-полосатый государственный флаг США и доллар выступали не просто как американские, а скорее как универсальные (космополитические) и были очень популярны в России 1990-х годов. Тем более что тогда еще отсутствовали законодательно утвержденные государственные символы России, устойчивая новая российская валюта, идейно-символьная политика в целом. Как отмечали социологи и политологи, «Претензия прав человека на универсализм и абсолютность предполагает, что они беспредпосылочны, не нуждаются в дальнейшем обосновании и образуют самую систему ценностей западного человека и западной политики – неразменность, несменяемость, оставаемость на верху иерархии ценностей независимо от смены ситуаций» [7, с. 351].

С этим были согласны далеко не все. Две конференции в Юго-Восточной Азии и Латинской Америке вынесли резолюции против универсалистской трактовки прав человека. Однако Всемирная конференция по правам человека в Вене в 1996 г. подтвердила идею универсальности прав человека. Эта идея включена в политический и дипломатический дискурсы и выступает как доминирующая ценность на политическом рынке.

Конституция, законодательство и идейно-символьная политика России в целом призваны концентрировать как общечеловеческие, так и российские

символы, основанные на исторической памяти, принимаемые большинством граждан[4]. Выработка новой системы символических образцов тесно связана с внутренним идентификационным процессом. По мере утверждения новых статусных символов разных российских страт появилась потребность в социально-политической стабильности, а вместе с этим в общероссийских символах-ориентирах.

Но обнаружился вакуум в их формировании. В конце 1990-х годов не были еще утверждены даже основные государственные символы (флаг, герб, гимн). В то же время появились символы, разрушающие идентификационную целостность России (помимо упоминаемых вестернизированных универсалий это элементы гербов, нормы конституций отдельных субъектов РФ). А. Торкунов замечает, что при ускоренном внедрении возникают противоречия, способные «против воли его участников прибрести форму антагонизма между демократией и религией, демократией и местной традицией, демократией и естественным стремлением огромной части незападных ареалов мира жить, согласно привычному укладу, продуманно и плавно изменяя его, но не позволяя ему полностью разрушиться» [18].

Невнимание к таким доводам в условиях культурной глобализации чревато дисбалансом и неравновесностью, ведущими к размыванию национальных интересов. Для ряда государств проблемой становится поддержание баланса изменчивости и преемственности в идейно-символьной политике. А.Н. Уайтхед в свое время писал: «Те сообщества, которые не могут сочетать почтение к своим символам со свободой их изменений, должны, в конце концов, распасться или под действием анархии, или от медленного истощения жизни, задушенной бесплодными призраками» [20, с. 9]. Распад советского государства вместе с падением институтов, национальных идей-универсалий и символов проходил на глазах советских граждан, он описан в многочисленной литературе. В России задача выстраивания идейно-символьного обеспечения государства постоянно осложняется реанимацией последствий идеологического «разрыва» общественного сознания как в 1917 г., так и в 1991 г. Это обусловило появление вакуума, заполняемого как западными идеями-универсалиями, так и индивидуальными, групповыми, этническими идентичностями, что способствовало формированию символических образцов, подрывающих цивилизационную идентичность России.

В начале 2000-х годов политическая воля лидера, прямо не связанного с неудачными реформами 1990-х годов, помогла избежать угрожающего дисбаланса космополитических универсалий и национальных символов, внушая

4. Правда, были и другие концепции. В частности, некоторые депутаты во главе с В.И. Новодворской предлагали не разрабатывать свою конституцию, а просто перевод Конституции США утвердить в качестве Конституции России [5, с. 279].

обществу веру в восстановление социального порядка и лучшее будущее. В обращении к Федеральному Собранию (2000) В.В. Путин вернул в официальный политический лексикон понятие «социальная справедливость». Во второй срок его президентства начал выстраиваться ряд ценностей консолидирующего характера, которые были отмечены Президентом России в качестве такого же важного фактора развития государства, как политическая и экономическая стабильность [14]. Дискурс о фундаментальных ценностях приобрел устойчивость и концептуальность. В целом удачно реализовалась идея комбинаторики символических знаков, когда в идейно-символьном комплекте соединились имперские, советские и постсоветские символы, отражающие преемственность историко-культурных традиций россиян [19, с. 3].

Законодательство регулирует геральдические особенности государственных символов, что обычно описывается в конституционных законах и соответствующих приложениях к ним; в описаниях передается также смысл символов. Федеральные конституционные законы регулируют и порядок закрепления символов (вариантов их исполнения) за органами государственной власти и местного самоуправления, размещения их на зданиях, бланках. Государственный флаг России поднят постоянно на зданиях Администрации Президента РФ, Совета Федерации, Государственной думы, Правительства РФ, Конституционного, Верховного, Высшего Арбитражного судов РФ, Генеральной прокуратуры РФ, Следственного комитета РФ, Центробанка РФ, Счетной палаты РФ, резиденции Уполномоченного по правам человека РФ, ЦИК РФ, на зданиях федеральных органов исполнительной власти, резиденциях полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления. Над резиденцией Президента РФ в столице России – городе Москве – поднимается дубликат штандарта (флага) Президента РФ [21].

Иерархия субъектности органов государственной власти отражается и в размещении Государственного герба РФ. Государственный герб России предстает в нескольких вариантах, подчеркивающих уровень государственно-властной субъектности (многоцветный, одноцветный, с геральдическим щитом и без оного, с атрибутами монархической власти – короной, булавой и скипетром – и без этих атрибутов). В многоцветном исполнении он помещается на бланках указов и распоряжений Президента РФ, постановлений Совета Федерации и Государственной думы, постановлений и распоряжений Правительства РФ, решений Конституционного, Верховного и Высшего Арбитражного судов РФ. А в одноцветном варианте – на бланках Администрации Президента РФ, полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах, федеральных органах исполнительной власти, Генеральной

прокуратуры РФ, Следственного комитета РФ, Уполномоченного по правам человека РФ, ЦИК РФ, Счетной палаты РФ, Центробанка РФ.

В одноцветном варианте (без геральдического щита) Государственный герб РФ помещается на бланках Межведомственной комиссии по защите государственной тайны, органов, организаций, учреждений и учреждений при Президенте РФ, органов, организаций, учреждений и учреждений при Правительстве РФ, федеральных судов, органов прокуратуры РФ, следственных органов и учреждений Следственного комитета РФ, дипломатических представительств, консульских учреждений и иных официальных представительств РФ за пределами России [21].

Разработка и реализация федеральной программы мероприятий по популяризации государственных символов России до 2010 г. [16] подчеркивает их значение в формировании общей системы нравственных ориентиров, идеологии и духовного единства народов России, самобытных культурных ценностей. В 2000 г. в России была принята «Национальная доктрина образования» [12], согласно которой государство брало на себя обязанность воспитывать молодое поколение в духе высокой нравственности, патриотизма, гражданской ответственности, правового самосознания и духовности.

Значимым направлением совершенствования системы патриотического воспитания стала разработка государственных программ, рассчитанных на пять лет (на 2001–2005 гг., 2006–2010 гг. и далее), а также Концепции патриотического воспитания граждан России [3, с. 1]. В программах отмечалась важность использования государственной символики в патриотическом воспитании, издания соответствующих пособий и рекомендаций, расширения выпуска полиграфической продукции с изображением государственных символов России, организации изучения в образовательных учреждениях государственной символики России.

В мире регулярно возникают определенные идейно-политические заказы на новые символы и свержение старых. Режиссеры современных политических изменений учитывают, что символы роз, тюльпанов, апельсинов, жасминов романтизировали в сознании людей радикальные перемены (в том числе государственные перевороты), сдвигая по времени осознание возможных последствий. Такие смены государственных символов могут свидетельствовать о недостаточной «состоятельности государства» в условиях социально-политического транзита обществ, невыстроенности идейно-символьной политики. Как справедливо отмечает О.А. Кармадонов, в этой ситуации встают вопросы относительно «символической вооруженности», «символического оснащения» и «развитости символических систем» или отсутствия всего этого [9, с. 29–30]. Добавим: идейно-символьная политика требует преодоления раскола российского общества на слои с противоположными интересами; необходима интегративная идеология, способная

объединить разные политические силы, слои населения на основе фундаментально значимых ценностей [8]. России предстоит достроить и укрепить подсистему объединяющих общество символов под эгидой национальной идеи, смыслы которой должны выражать, прежде всего, сбережение народа, его культуры, без чего невозможно успешное научно-техническое, социальное и гуманитарное развитие России в условиях глобализации. Для решения таких задач необходимо, чтобы «собственные символические комплексы были хорошо структурированы, в полной мере институционализированы и были, в известном смысле, достаточно агрессивны» [9, с. 30]. Символические комплексы и национальная идея должны поддерживать величие России как державы, способной обеспечить благосостояние народа, процветание великой культуры, безопасность граждан и территориальную целостность.

Литература

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. – М., 2001. – 286 с.

2. Гаджиев К.С. Политическая культура // Введение в политологию. – М., 1993. – 256 с.

3. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006–2010 годы». Утверждена Постановлением Правительства РФ от 11.07.2005. № 422.

4. Джунусов М.С. Национализм в различных измерениях. – Алма-Ата, 1990. – 197 с.

5. Из истории создания Конституции Российской Федерации. Стенограммы. Материалы. Документы (1990–1993). В 6 т. Т. 1. 1990 год / Под общ. ред. О.Г. Румянцева. – М., 2007. – 935 с.

6. Ильин М.В. Умножение идеологий, или Проблема переводимости политического сознания // Полис. – М., 1997. – № 4. – С. 79–87.

7. Ионин Л.Г. Социология культуры: Путь в новое тысячелетие. – М., 2000. – 431 с.

8. Каковы идеологические условия общественного согласия в России? // Полис. – 1997. – № 3. – С. 16–52.

9. Кармадонов О.А. Эффект отсутствия: Культурно-цивилизационная специфика // Вопросы философии. – 2008. – № 2. – С. 29–41.

10. Конституции Японии // Современные зарубежные конституции. – М., 1992. – 286 с.

11. Лебедева М.М. Новые акторы и изменение политической системы мира в эпоху глобализации // Социология. – 2004. – № 1. – С. 74–78.

12. Национальная доктрина образования // Официальные документы в образовании. – М., 2001. – № 9.

13. О деятельности музеев образовательных учреждений. Письмо Министерства образования Российской Федерации от 12 марта 2003 г. № 28-51-181/16.

14. Послание Президента РФ Федеральному Собранию Российской Федерации // Российская газета. – 2007. – 27 апреля.

15. Пуликова И.В. Отраслевые корпоративные музеи России // Россия и современный мир. – 2010. – № 3. – С. 217–221.

16. Собрание законодательства Российской Федерации. – М., 2004. – № 50.

17. Терентьев А. Борьба двух самолюбий. Япония и Китай не могут преодолеть исторические противоречия // Однако. Еженедельный журнал. – М., 2010. – № 36 (52). – С. 24–25.

18. Торкунов А. Российская модель демократии и современное глобальное управление // Международные процессы. Электронный журнал. – Т. 7. № 1 (19). Январь–апрель 2009. – http://www.intertrends.ru/tenth /002.htm (дата обращения 18.05.2009).

19. Туник Г.А. Современная российская геральдика как фактор отражения специфики российского государства: Историко-политологический анализ. Автореф. дис. …доктора политических наук. – М., 2008. – 48 с.

20. Уайтхед А.Н. Символизм, его смысл и воздействие. – Томск, 1999. – 64 с.

21. Федеральный конституционный закон «О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия» от 28 декабря 2010 г. № 8-ФКЗ // Российская газета. – 2010. – 30 декабря.

22. Хабриева Т.Я. Национальные интересы и законодательные приоритеты России // Правовое обеспечение национальных интересов: Материалы Международной научно-практической конференции. Москва, 25–26 октября 2005 г. / Под общ. ред. Т.Я. Хабриевой. – М., 2005. – С. 96–100.

РОССИЯ И МИР В XXI ВЕКЕ

Л.З. Зевин

ОСОБЕННОСТИ КОНСОЛИДАЦИОННЫХ И ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ЕВРАЗИИ*

Зевин Леон Залманович – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник ИЭ РАН.

Проблемам обустройства евразийского пространства посвящены многочисленные работы как в отечественной, так и в зарубежной литературе. Возникновение Таможенного союза (ТС) России, Белоруссии и Казахстана, Единого экономического пространства (ЕЭП), намерение создать Евразийский союз вновь оживили интерес к начавшей было затухать дискуссии о судьбе экономического пространства СНГ. Можно выделить три группы проблем, от решения которых, по нашему мнению, зависит судьба консолидации региона, возможность перевода интеграции с «ручного управления» на самоподдерживающийся процесс с активным участием не только государства, но и «низов» – хозяйствующих субъектов.

Первая группа. Постсоветское пространство (ПП) в мировом хозяйстве. Консолидационные и интеграционные движения, внутренние и внешние импульсы их развития, противодействующие тренды и внешние влияния. Теоретическое обоснование роста роли региональной консолидации и интеграции в глобальной эпохе.

Вторая группа. Первостепенная необходимость восстановления Евразией утраченного индустриального потенциала, модернизации национальных экономик, опережающего роста внутрирегионального сотрудничества и торговли, повышения международной конкурентоспособности региона.

Третья группа. Формирование в Евразии структуры (центра экономической силы), способной консолидировать регион путем создания в нем устой-

** В данной работе термин «Евразия» означает территорию, близкую к границам Российской империи, Советского Союза, постсоветского пространства и СНГ.*

чиво работающего внутрирегионального рынка емкостью более 200 млн. потребителей и растущей взаимозависимости национальных экономик.

На протяжении столетий Российская империя, а затем и Советский Союз, в силу своих размеров, развития и цивилизационной ориентации оставались инициаторами и гарантами объединения территорий Евразии. Применительно к современной ситуации в пользу упорядочения евразийского экономического пространства действуют такие новые факторы, как глобализация, появление на нем новых игроков глобального уровня, демографическая ситуация в России, неспособность полутора десятков новых государств противостоять в одиночку внешним шокам, необходимость преодоления периферийного положения региона.

Представляется, что баланс дезинтеграционных и консолидирующих факторов позволяет сделать вывод о возможности формирования на евразийской территории центра экономической силы, который в более отдаленной перспективе, при правильной политике и стратегии страны-лидера, может превратить ПП в эффективный международный регион, способный обеспечить устойчивое развитие преимущественно на основе собственных ресурсов в сочетании с активным участием в системе международных экономических отношений.

Трансформация экономического пространства Евразии после распада Советского Союза

Начавшееся ослабление вектора центробежных и усиление центростремительных трендов в начале XXI в. – первая важнейшая особенность алгоритма консолидационных и интеграционных процессов на пространстве СНГ.

Вторая особенность заключается в уходе от двух крайних позиций – неолибералов и государственников. Оценка внутренних проблем ПП и поиск путей их решения ведется, опираясь не на какую-либо одну теорию или концепцию, а исходя из анализа внутренних проблем региона, его современной идентичности, опыта других международных регионов и глобальных трендов. Подобный же подход следует применять при рассмотрении вопроса о способах интеграции региона в мировое хозяйство: нельзя признать обоснованными претензии как глобалистов, так и сторонников регионализации на принятие их курса в качестве доминирующего. Вряд ли оправданно руководствоваться и современными концепциями «открытого (нового) регионализма». Очевидно, особенность глобальной эпохи состоит в том, что правильные ответы при решении судеб крупного международного региона неизбежно приходится искать в каком-либо сочетании этих трех подходов, исходя из региональной специфики, истории, цивилизационной ориентации и степени вовлечения в глобальные процессы.

Третьей отличительной чертой подхода к проблемам ПП стала попытка выяснить возможность использования евразийских и неоевразийских концепций в качестве одной из идейных и политических основ сплочения региона СНГ. Ряд их положений может служить основанием целесообразности и необходимости консолидации Евразии, но действенность евразийских «скрепок» существенно ослаблена распадом Советского Союза, последующей деиндустриализацией и общим экономическим спадом, глобальными процессами и приходом в ранее закрытый регион нескольких игроков глобального уровня. В то же время нельзя допустить использования евразийских идей для призыва к возврату в прошлое, противопоставления евроатлантизму и изоляции от глобальных процессов. Новое прочтение евразийской идеи будет содействовать лучшему пониманию специфики региона, нахождению путей решения сложных проблем взаимодействия народов, проживающих на евразийском пространстве[1].

Четвертая особенность состоит в новом подходе к оценке интеграционного процесса. По принятой традиции его развитие ведется в институциональном измерении – зона свободной торговли, таможенный союз и т.д. Иногда производятся расчеты ожидаемого эффекта каждой из стадий, составляются прогнозы по продвижению отдельных сегментов интеграции. В данной работе предпринята попытка ввести некоторые понятия и количественные показатели, которые отражают состояние интеграционного процесса за пределами институциональных характеристик и одновременно дают возможность регуляторам ставить конкретные экономические задачи по развитию интеграционной группировки.

Предлагается использовать показатель интеграционного продвижения на пути к достижению «интеграционного порога» (соотношение внутрирегиональная торговля / торговля с другими регионами). Его экономическое содержание состоит в том, что создать интеграционное объединение можно даже до достижения порога, но перевести процесс с «ручного управления» в самоподдерживаемое движение практически нереально. Пока при определении величины «интеграционного порога» приходится опираться на уровень развития группировки и емкость внутреннего рынка, а также на мировой опыт. Использование «интеграционного порога» позволяет ставить количественные задачи по его достижению, совпадающие с задачами развития внутрирегиональной торговли (инвестиций, транспорта и т.п.). Проведен расчет некоторых ориентировочных показателей «интеграционного порога» для СНГ и ЕврАзЭС. По нашей оценке, для СНГ он составляет величину порядка 0,4 (у АСЕАН – 0,35). Сейчас данный показатель составляет для СНГ при-

1. См. подробнее: [3, с. 256].

мерно 0,23 и ЕврАзЭС – 0,21. Для выхода СНГ на уровень 0,4 надо довести соотношение внутренняя торговля / торговля с другими регионами примерно до 28–27/72–73% (в 2009 г. – 19/81). Достижение этой цели потребует увеличения объема внутрирегиональной торговли примерно в 1,4 раза по сравнению с докризисным 2007 г. [4, с. 29–36].

Предстояло также выяснить, отвечает ли глобальным и региональным трендам стремление создать в Евразии центр экономической силы, способный нейтрализовать центробежные движения и придать импульсы интеграционному процессу, а также имеются ли в регионе для этого достаточные ресурсы.

Тяжелые последствия системного кризиса 2008–2009 гг. показали бессмысленность продолжения затянувшихся дискуссий на тему «глобализм или регионализм». Нормальное функционирование мирового хозяйства, социальное благополучие населения и сохранение окружающей среды требуют взаимодействия всех звеньев экономической системы, баланса интересов и наличия механизмов урегулирования споров[2]. Бурное наступление глобализма показало неспособность большинства государств противостоять в одиночку практически неуправляемым процессам мирового хозяйства, экспансии развитых центров на периферию.

Возрождение регионализма принимает многообразные формы. Прежде всего, меняется его содержание, расширяется повестка дня за счет включения вопросов безопасности (последнее время и борьбы с международным терроризмом и наркоторговлей), экологии и образования, внимания к сохранению региональной идентичности. Заметно меняется и институциональная структура: если раньше регионализм был представлен преимущественно суб- и региональными группировками, то теперь появились (пусть даже часто «на бумаге») мегарегиональные структуры (например, Африканское экономическое сообщество, начавшее функционировать с 1994 г.; в Латинской Америке – Латиноамериканская зона свободной торговли преобразовалась в Ассоциацию латиноамериканской интеграции (ALADI), возник проект Союза южноамериканских наций (UNASUR), целью которого является формирование совместными усилиями общего открытого пространства для интеграции на основе согласия в культурной, социальной и экономической сферах. Особый интерес представляет Азия: ее огромные размеры, высокая доля внутрирегиональной торговли и других экономических связей, значительные различия по уровню развития, цивилизационной и религиозной ориентации привели к

2. Глобализация порождает новую форму регионализма, обратившегося и к проблемам, остававшимся ранее за его пределами [8]. Подобный подход к затянувшемуся спору глобалистов и регионалистов, на наш взгляд, отражает наиболее широко распространенную точку зрения исследователей данной проблемы.

возникновению тесно переплетенной группы взаимосвязанных региональных образований с различными целями и с несовпадающими условиями функционирования. Тем не менее широкое использование как формальных, так и альтернативных форм регионального сотрудничества привело к формированию в Азии нескольких страновых и групповых центров развития – Китай, Япония, Индия, ШОС, АСЕАН, проект АСЕАН+3 (Китай, Япония и Южная Корея), СААРК, ЕврАзЭС и др.

Это общая тенденция для всех периферийных регионов дает основание полагать, что начавшаяся смена траектории движения с дезинтеграции к консолидации отдельных частей евразийского экономического пространства идет в русле общих глобальных и региональных трендов.

Мировой опыт подтверждает возможность поддержания экономического роста и интеграции в мировую экономику отдельно взятой полупериферийной страны. В глобальную эпоху данное положение сохраняет силу при наличии двух условий. Во-первых, это должна быть большая по численности населения и емкости рынка страна с достаточно высоким уровнем человеческого капитала и научно-технического потенциала. Во-вторых, принявшие подобную стратегию страны должны в каком-либо формате организовать свое непосредственное региональное окружение, так как без этого их шансы на устойчивое развитие существенно снижаются.

На евразийском пространстве кроме России только Украина имела какие-то шансы на самостоятельную интеграцию в мировое хозяйство. В обоих случаях предпринятые попытки нельзя признать успешными: удалось некоторое время поддерживать экономический рост, но первый же серьезный глобальный вызов привел к глубокому обвалу по рейтингу международной конкурентоспособности как России, так и Украины.

Глобализация радикально изменила конфигурацию мирового хозяйства. Если раньше основные торговые и инвестиционные потоки осуществлялись в режиме двусторонних отношений, то в настоящее время несущей конструкцией мирового экономического пространства является система взаимоотношений разноформатных торговых альянсов, региональных интеграционных структур, а также наиболее развитых и крупных национальных экономик.

Одной из важнейших особенностей глобализации является четко выраженная тенденция опережающего роста международной торговли по сравнению с мировым производством. Причем тенденция опережающего роста торговли по сравнению с региональным валовым продуктом была типичной и для большинства международных регионов.

Наиболее динамичной составляющей глобализационного процесса выступает финансовая сфера, рост трансграничных потоков капитала и денежных средств, объемов мировых финансовых рынков. Это создает дополнительные возможности для укрепления национальных экономик и в то же

время требует встраивания инструментов защиты от неподконтрольных страновым регуляторам внешних влияний и шоков. Легкая доступность к иностранным финансовым ресурсам сделала крайне актуальной проблему внешней задолженности, которая в начале второго десятилетия XXI в. превращается в финансовую пандемию. Совместные действия группы соседних стран, субрегиона и региона в целом могут ослаблять тяжкие последствия подобных вызовов.

Регион СНГ обладает достаточными, пока большей частью потенциальными, ресурсами для организации своего экономического пространства и интеграции в мировое хозяйство, не только адаптируясь к глобальным процессам, но и взаимодействуя с ним в качестве активного хозяйствующего субъекта (рис. 1) [3, с. 95].

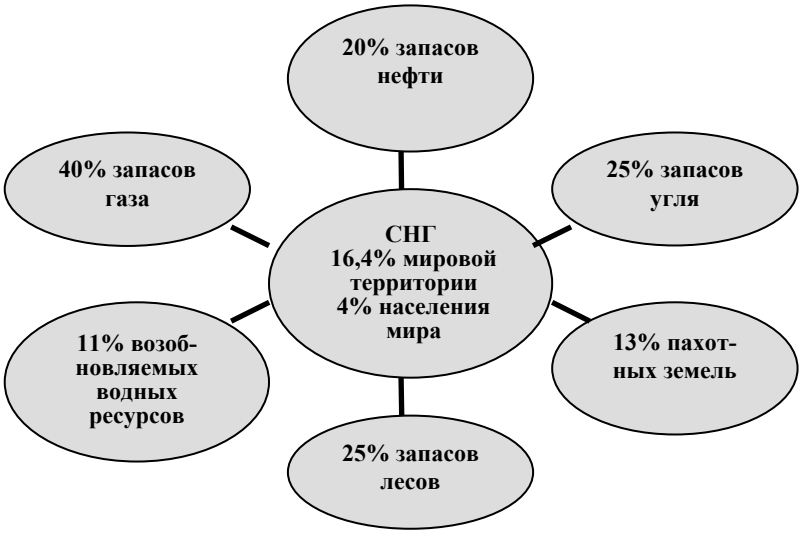

Рис. 1. Доля СНГ в мировых запасах природных ресурсов[3].

Трансконтинентальное географическое положение между Европой и Азиатско-Тихоокеанским регионом – важнейший совокупный ресурс Содружества, еще одно потенциальное конкурентное преимущество. По оценкам экспертов Евразийского банка развития (ЕАБР), лишь 1% общего объема гру-

3. Рисунок выполнен Л.С. Косиковой.

зоперевозок между ЕС и АТР проходит через международные транспортные коридоры по территориям стран ЕврАзЭС. Скорость доставки по ним в 2–3 раза выше, чем морскими трассами из Восточной Азии в Западную Европу [1, с. 5].

Совокупный ресурс и человеческий потенциал региона достаточен для увеличения объемов современного производства, восстановления индустриального потенциала, создания условий для перехода на новый технологический уровень при условии преобладания в нем объединительных тенденций. Хотя за последнее время отмечается некоторое ослабление центробежных трендов, динамика региональных объединительных процессов не обрела достаточной силы, чтобы стать существенным фактором ускорения модернизации национальных экономик и повышения международной конкурентоспособности региона СНГ.

Поэтому масштаб экономики региона и ее качественные характеристики не соответствуют его потенциальным возможностям. Доля совокупного ВВП в мировом объеме ВВП (по ППС) составляла в 2010 г. 4,88% [2, с. 175–176], что корреспондирует с его долей в населении мира, но доли в мировом товарном экспорте и в мировой торговле услугами примерно в 1,5 и 2 раза, соответственно, меньше доли в ВВП.

Развитые страны региона потеряли большую часть индустриальной базы, а направления их внешнеэкономической деятельности таково, что она в лучшем случае не способствует объединению, в худшем – тормозит его. Исторически организация экономического пространства евразийской территории проходила вокруг регионального центра (Орды, Московского княжества, России). Поэтому низкий рейтинг международной конкурентоспособности РФ не может не тревожить. Высокий рейтинг отражает способность страны-лидера не только организовать у себя современную, конкурентоспособную по мировым стандартам экономику, но и распространять в регионе технологические знания и институциональный опыт, производить высокотехнологичную продукцию, использовать свои материальные и интеллектуальные ресурсы для консолидации региона. Наиболее типичной формой консолидации и / или интеграции среднеразвитых стран является объединение (формальное и неформальное) вокруг страны-лидера.

Китай, занимающий в 2011 г. 26-ю позицию в рейтинге международной конкурентоспособности, объединяет вокруг себя с помощью «мягкой руки» большую группу азиатских стран – «Азия-9» (Индия, Индонезия, Малайзия, Филиппины, Сингапур, Южная Корея, Тайвань, Таиланд и Вьетнам), Индия занимает 56-ю позицию (СААРК), ЮАР – 50-ю (значительная часть территории к югу от Сахары), Бразилия – 33-ю (Меркосур и Андское Сообщество наций), Россия – 66-ю позицию (ЕврАзЭС, Таможенный союз, ЕЭП) [14].

Применительно к СНГ низкая международная конкурентоспособность страны-лидера, ослабленные позиции всего региона, его «жесткая посадка» в результате кризиса 2008–2009 гг. во многом объясняют, почему данная региональная структура, хотя и несколько продвинулась по сравнению с периодом «цивилизованного развода», все еще не достигла «интеграционного порога» и остается практически лишь форумом, где руководители государств и правительств имеют возможность регулярно встречаться для обсуждения неотложных общих региональных проблем. Остается надеяться, что создание зоны свободной торговли станет стартом ее превращения в реальную интеграционную структуру.

Таблица 1

ДОЛЯ РЕГИОНОВ В МИРОВОМ ЭКСПОРТЕ, ВНУТРИРЕГИОНАЛЬНОМ ЭКСПОРТЕ В ДРУГИЕ РЕГИОНЫ, ИХ СООТНОШЕНИЕ В 2009 г., %

Регионы	*В мировом экспорте*	*Во внутрирегиональном экспорте*	*В другие регионы*	*2:3 (раз)*
1	2	3	4	5
Северная Америка	16,6	48	52	0,92
Южная и Латинская Америка	3,6	26	74	0,35
Европа	41,9	72	28	2,77
СНГ	2,6	19	81	0,23
Африка	3,2	2	98	0,02
Ближний Восток	4,2	15	85	0,18
Азия	29,4	52	48	1,03

Источник: Составлено и рассчитано по: [16].

Приведенные данные в таблице 1 позволяют высказать несколько интересных соображений применительно к организации постсоветского экономического пространства. Во-первых, его «экономическая плотность» типична скорее для слабо- и среднеразвитого периферийного региона (см.: Ближний Восток – 0,18). Показатели обоих регионов способны посылать импульсы для старта интеграционного процесса, но они слишком слабы для его перевода в самоподдерживающий устойчивый режим. Во-вторых, после мирового кризиса 2008–2009 гг. превратила ПП, по сути дела, в маргинальный регион, способный лишь адаптироваться к глобальным процессам, хотя его экономический и ресурсный потенциалы, как уже отмечалось, достаточны, при наличии политической воли и поддерживающей баланс интересов рациональной экономической политики, для превращения в активного субъекта мирового хозяйства. В-третьих, ускорение консолидации позиций Евразии и ее укрепление в системе международных экономических отношений – тесно взаимо-

связанная двуединая задача, решать которую, по нашему мнению, надо прежде всего путем интенсификации экономической деятельности внутри региона. В поддержку данного утверждения говорит тот факт, что первые четыре позиции в мировом экспорте занимают четыре наиболее «плотных региона», причем их ранги в обоих случаях коррелируют. В-четвертых, показатели соотношения «внутрирегиональная торговля / торговля с другими регионами» – 5-я графа – подсказывает, с какой величины достигается интеграционный порог группировки. Южная и Латинская Америка замыкают группу наиболее консолидированных регионов мира и возглавляют по этому показателю другие средне- и слаборазвитые регионы. Примерно такой же показатель и у наиболее успешной группировки периферийных стран – АСЕАН[4]. Для получения более точного ответа необходима поправка на емкость внутреннего рынка. Увеличение его объема несколько снижает величину порога, а уменьшение – увеличивает.

Международный опыт подсказывает, что для Евразии наиболее близкой к оптимальной является полноформатная региональная интеграционная структура. Численность населения – порядка 280 млн. человек, уровень развития, наделенность природными ресурсами, разветвленная система образования, наличие потенциального лидера, готового стать организатором экономического пространства региона, функционирующие, пусть пока еще несовершенные, субрегиональные объединения, позволяющие при наличии политической воли участников и четкой региональной политики страны-лидера создать структуру, способную выйти на уровень устойчивого роста и поддержания международной конкурентоспособности.

Необходимо более эффективно использовать и «социальную готовность» населения СНГ к экономической консолидации. Это прежде всего масштабная трудовая миграция, сотрудничество в образовательной сфере, все еще сохраняющаяся языковая общность, неиспользуемый потенциал согласованных региональных действий по устранению обширной зоны бедности, сильной доходной и имущественной дифференциации. Без массовой поддержки населением подобного курса вряд ли удастся стимулировать элиты к участию в региональном сотрудничестве. Неудача реализации полноформатного

4. В экономической литературе принято считать, что достижение двумя странами уровня торговой комплементарности в 25% свидетельствует о наличии между ними тесной взаимозависимости. Сейчас различные варианты подобного подхода используются для определения степени экономической консолидации территории региона и интеграционных группировок. По данным ЮНКТАД, за 17 лет (с 1990/1991 по 2007/2008 гг.) доля внутрирегиональной торговли АСЕАН выросла с 19,4 до 27%, что позволило достичь интеграционного порога и перейти к регулированию интеграционного процесса преимущественно с экономическими регуляторами [11; 10].

сценария объединения региона во многом объясняется недооценкой роли социальных факторов. Поэтому в обозримой перспективе придется сконцентрироваться на возможно широком субрегиональном уровне. Некоторые из таких проектов уже функционируют, другие не вышли за пределы переговорного процесса, например ЕЭП-4.

Уникальность алгоритма консолидационных и интеграционных процессов в СНГ обусловлена как объективными, так и субъективными факторами.

Среди первых надо прежде всего отметить необычную атмосферу начала их возникновения. В отличие от типичной ситуации, когда объединительное движение начинается на фоне подъема нескольких национальных экономик с целью создания более крупной, сложной и эффективной региональной структуры, в СНГ движение шло в противоположном направлении. Существовала государственная структура с единым народнохозяйственным комплексом, государственной собственностью на средства производства, плановой экономикой и развитой системой перераспределения выгод и потерь, дотаций центром республик. Одномоментный распад этой структуры привел к возникновению 15 стран, многие из которых не имели исторического опыта государственности. Поэтому попытка запустить межгосударственный объединительный процесс в условиях политической и экономической деградации и тем более сразу же поднять его на интеграционный уровень была обречена на неудачу до выхода региона на устойчивую траекторию экономического роста, что произошло лишь к началу нового столетия.

Подобная неординарная ситуация не могла не породить и субъективных реакций. Первой из них оказалась твердая приверженность формирующихся элит новых государств «советскому наследию» – ориентации на сохранение дотационной поддержки центра (теперь России) при одновременном стремлении удалиться от него, чтобы исключить возможное повторение эксцессов советского периода («хлопковое дело» в Узбекистане, смена руководства в Казахстане и т.п.) и спокойно заняться распределением бывшей республиканской собственности.

Другое проявление евразийской специфики объединения – усиление роли цивилизационного фактора. Международный опыт показывает, что цивилизационная общность является одной из основ развития интеграции, поэтому участники создаваемых объединений стремятся ее сохранить (наиболее яркий пример – де-факто нежелание ЕС принять Турцию). В условиях закрытости Советского Союза от внешнего мира наличие населения с различными цивилизационными установками не являлось сколь-либо значимым препятствием для решения общегосударственных задач в рамках единой интернациональной идеологии и жесткой централизации управления. Возникновение большой группы новых независимых государств размывает эту общность. Многие

латентные расхождения и противоречия всплыли на поверхность, приобретя остроту, в том числе под влиянием внешних воздействий.

Постсоветский регион рождался в «родовых муках»: возникло несколько вооруженных конфликтов, пограничных споров, ожесточенная борьба за раздел общегосударственной собственности, массовые злоупотребления в еще сохранявшейся единой финансово-денежной системе. Вынужденный переход к национальным валютам – необходимая защитная мера – добавил новые мощные импульсы уже идущему распаду евразийского экономического пространства. Поэтому реальная ситуация в принципе делала невозможной реализацию многочисленных, привлекательно выглядевших на бумаге, консолидационных и интеграционных проектов.

Понимание природы этих процессов позволяет выяснить истинные причины провала или топтания на месте проектов первого десятилетия постсоветского периода: импульсы возможного сближения были крайне слабыми. Если бы стоящие у власти политики и приняли другие, более правильные решения, это вряд ли существенно изменило бы ситуацию. Положение осложнялось и тем, что к объективным ограничителям добавилась неверная оценка происходящих изменений: длительное пребывание в рамках единой государственности и общенародного хозяйственного комплекса рассматривалось как возможность отказаться от стандартного осмотрительного подхода к темпам формирования межгосударственного объединения развивающихся и трансформирующихся стран и сразу же выйти на продвинутые этапы сотрудничества, несмотря на социально-политическую и экономическую деградацию региона. Был упущен шанс начать движение в реально допустимых рамках, т.е. в пошаговом режиме – от «мягких» форм взаимодействия и привыкания к существованию в новой геоэкономической и геополитической среде к более тесным с постепенным повышением взаимоответственности и расширением арсенала применяемых мер сотрудничества. Иначе говоря, в начальный период правильнее было бы в качестве примера ориентироваться не на Европейское экономическое сообщество (ЕЭС), а на Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН).

Анализ специфики алгоритма консолидационных движений и интеграции в Евразии полезен не только с позиций исторической оценки происходящих в регионе процессов. Он предупреждает об опасности иллюзий, забегания вперед, отрыва от реальности, пагубных последствий постановки задач, не обеспеченных достаточными политическими, материальными и социальными ресурсами, качеством человеческого капитала.

Не менее опасна пассивность, потеря времени и попытки интегрироваться в глобальную экономику в одиночку. Возрастающая ответственность в регионе (как и в других регионах, близких по составу участников и уровням развития к Евразии) лежит на стране-лидере, ее способности возглавить кон-

солидацию, организовать процесс, стать источником распространения новых технологий, производственного опыта, гарантом стабильности и безопасности.

Экономическое пространство Евразии в XXI в.

Евразия вступила в новый век, обремененная грузом сложнейших проблем. Прежде всего, предстояло выяснить, способна ли она сохранить традиционную региональную идентичность в кардинально изменившейся внутренней ситуации и нарастающем доминировании глобальных процессов. В первое десятилетие трансформации создавалось впечатление, что вопрос будет безоговорочно решен в пользу глобализма: российская элита выступила инициатором развала экономического пространства Евразии, забыв об исторической ответственности России как системообразующего центра региона за его судьбу. Большинство элит новых государств, если даже и задумывалось о грозящих опасностях, было занято более важными для них делами – созданием государственности и овладением оставшейся «бесхозной» собственности. В общественном сознании России также не было согласия по вопросу о судьбе бывшего советского пространства.

Изменение тренда началось только к концу прошлого века под влиянием двух факторов – окончания периода президентства Ельцина с его неолиберальным и олигархическим окружением и усиления позиций регионализма практически во всем мире[5]. По сути дела, сейчас решается вопрос, под влиянием каких факторов будут формироваться региональные финансовая, производственная, транспортная, информационно-коммуникационная, научно-техническая и образовательная системы. И здесь необходимо избежать односторонней ориентации, искать оптимальное сочетание различных подходов. Специфика Евразии заключается в *необходимости выхода на опережающие темпы роста существовавшей веками старой структуры в условиях интенсивной экспансии в регион нескольких игроков глобального и*

5. См., например: [13]. Бьорн Хеттне утверждает: «Два процесса – глобализация и регионализация – происходят в рамках более масштабного процесса глобальной трансформации, поэтому исход будет определен развитием диалектических, а не линейных тенденций» [9]. В публикациях Оксфордского университета сказано: «Хотя развивающиеся экономики продолжают играть ключевую роль в восстановлении глобальной, им необходимо для поддержания роста опираться на отечественные рынки… Увеличившийся рост региональных, а не внешних рынков может помочь в снижении уязвимости к внешним шокам» [15]. Вильям Ф. Миллер добавляет: «Глобализм способствует развитию региональных и локальных процессов, так как основан на сравнительных преимуществах и специализации, которые происходят на уровнях локальных и экономических кластеров, где создаются инновации» [12].

регионального уровня, не ослабляя при этом интенсивности взаимодействия с внешним миром.

По нашему мнению, только последовательное следование подобному курсу дает шанс СНГ избавиться от статуса периферийного региона и стать активным участником глобальных процессов.

Какие региональные ресурсы могут быть задействованы для выполнения этой стратегической задачи?

Объединительной региональной идеей становится понимание неотложной необходимости модернизации как национальных экономик, так и региональной инфраструктуры, восстановление индустриального потенциала Евразии, овладение новыми заимствованными и производство собственных высокотехнологичных продуктов и технологий [7, с. 25–32].

Создание ТС Белоруссии, Казахстана и России и ЕЭП – важнейшие звенья в реализации этого модернизационного проекта. Участникам ЕЭП предстоит продумать способы распространения модернизационного курса и за пределы институциональных границ своего объединения, чтобы не допустить чрезмерной дифференциации евразийского пространства и использовать в полной мере его консолидационный потенциал. Представляется, что здесь следует активнее задействовать возможности системы двусторонних отношений стран ЕЭП и прежде всего – страны-лидера.

До настоящего времени все интеграционные проекты СНГ страдали своеобразным флюсом. Хотя в них говорилось о модернизации и экономическом развитии, но подавляющая часть интеграционной деятельности была сосредоточена на внешней торговле и институциональной сфере. После распада Советского Союза произошло резкое ослабление интенсивности регионального взаимодействия, а Россия перестала выполнять свою историческую функцию локомотива экономического прогресса на евразийской территории. В остальном картина сложившегося разделения труда практически не изменилась. Несмотря на отдельные подвижки, не удается восстановить в новой социально-экономической и политической среде многие потерянные, но бывшие экономически обоснованными производственные связи. Поэтому подключение других стран СНГ к проектам модернизации ЕЭП путем заключения межгосударственных и ряда корпоративных соглашений, будет, по нашему мнению, способствовать росту емкости внутрирегионального рынка Евразии, его диверсификации, повышению интеграционной мотивации. И самое главное, подобный курс существенно расширит число субъектов экономических отношений, интересы которых составляют фундамент интеграции[6].

6. Именно это обстоятельство, по мнению Ю. Шишкова, является главным препятствием успешному продвижению новой интеграционной инициативы: «Учредители Таможенного союза трех игнорируют экономическую основу его строительства и

Происходящее ныне формирование ядра (полюса) развития в формате ЕЭП и его отношения с другими странами СНГ требуют особого внимания и осмотрительности всех участников экономической деятельности из-за опасности ослабления некоторыми из них интеграционной мотивации. Необходимо создать разветвленную систему и механизмы учета затрат и выгод как внутри интеграционного ядра, так и во взаимоотношении с другими странами СНГ. Различия в размерах, уровнях развития и его структуре будут неизбежно вызывать претензии и споры даже при осуществлении одобренных всеми странами проектов.

Функционирование народнохозяйственного комплекса Советского Союза поддерживалось единой государственностью, интернациональной идеологией, плановым регулированием и широко применяемой центром практикой дотаций и субсидий республикам. Это позволяло не допускать резкого социального расслоения, вести линию на сближение республиканских уровней развития. В какой-то мере элементы системы перераспределения в рамках СНГ сохранились, причем его масштабы достаточно велики. Проблема заключается в критериях доступа к этому стратегическому ресурсу. Поскольку интеграционный проект в конкретных условиях современной Евразии потребует большей поддержки, чем «стандартный» проект в более развитой и стабильной рыночной среде, то перераспределение должно происходить, исходя из экономических потребностей и интересов, а не из политических соображений, чаще всего краткосрочных и нескоординированных, как это широко практикуется в настоящее время.

Похоже, что возможности подобно локомотива продвижения интеграции в СНГ близки к исчерпанию. Для перехода на интеграционное самоподдерживаемое развитие необходимо применение экономических регуляторов. Судя по мировой практике, это крайне сложный и длительный процесс. Его развитие оживит подспудные или вяло текущие разногласия, противоречия и споры. Но это не может служить основанием для отказа от интеграции.

В начальный период существования ТС и ЕЭП учредители не должны проявлять излишней поспешности, сосредоточившись в течение ближайших трех–пяти лет на организационно-правовых вопросах и на постепенном пере-

формирования единого экономического пространства. А тут сомнений еще больше, чем в разработке организационно-правовых основ этого объединения» [6, с. 158–159].

«Неудачи прошлых интеграционных проектов на постсоветском пространстве во многом объясняются их неспособностью вовлечь в интеграционное взаимодействие критическую массу хозяйствующих субъектов, малых и средних предприятий, обеспечивающих расширение внутриотраслевой торговли и производственной кооперации», – утверждают авторы коллективного исследования Кулик С.А., Спартак А.Н., Юргенс И.Ю. [5].

ходе от «ручного» управления к экономическим регуляторам, возрастанию роли корпоративного сотрудничества и укрепления региональной инфраструктуры. До выполнения этих задач создание Европейского союза представляется мало продуктивным: под напором внутренних проблем, нового формата отношений с внешним миром, новых экономических критериев распределения выгод и потерь, механизмов и инструментов разрешения возникающих споров конструкция забуксует и завязнет в массе нерешенных проблем, как это произошло с несколькими ранее функционирующими структурами.

Избежать подобного сценария будет возможно в случае концентрации в начальный период на перечисленных выше проблемах, во-первых, на разработке в духе ВТО системы юридически безупречных методов арбитражного и судебного разрешения споров, во-вторых, и что еще важнее, способов досудебного урегулирования разногласий и противоречий.

Это повысит заинтересованность и доверие всех участников к продвижению интеграционного проекта, позволит приступить уже в начальный период к осуществлению хотя бы небольшого количества общерегиональных проектов, способствующих возрождению индустриального сектора и его модернизации, повышению степени обеспеченности собственным продовольствием и его качества.

Пошаговый подход к решению проблем, контроль за выполнением согласованных проектов укрепит доверие к ТС и ЕЭП, позволит приступить к формированию условий для перехода к более высокой стадии интеграции – Евразийскому союзу, потребующему согласования и макроэкономической политики, в первую очередь бюджетной, фискальной и денежно-кредитной.

Такая последовательность действий обеспечит максимально возможный мягкий переход от концентрации на внешнеторговой деятельности к сосредоточению на производственной, инвестициях, кооперации, сотрудничеству в научной, технологической и образовательной сферах. Специфика интеграционного ядра евразийской интеграции заключается в том, что оно не может замкнуться даже в начальной стадии только на задаче роста торговли и кооперации внутри интеграционного ядра (как это делают или пытаются делать большинство интеграционных объединений). Для создания жизнеспособной экономической структуры по глобальным критериям оно должно одновременно консолидировать евразийское экономическое пространство в какомлибо приемлемом для большинства участников формате. Именно поэтому развитие Евразийского союза необходимо осуществлять таким образом, чтобы он порождал и посылал консолидационные импульсы всему региону.

В сложившейся конфигурации постсоветского экономического пространства особая роль (и историческая ответственность) лежит на России. Ее четкая последовательная политика по консолидации не только ядра, но и всего

региона намного повышает шансы на реализацию мегапроекта по превращению Евразии в один из системообразующих регионов мира, способного активно участвовать в глобальных процессах и противостоять внешним шокам.

Литература

1. Винокуров Е., Джадралиев М., Щербанин Ю. Международные транспортные коридоры ЕврАзЭС: Быстрее, дешевле, больше // Отраслевой обзор. – Астана: ЕАБР, 2009.

2. Год планеты. Экономика. Политика. Безопасность. – М.: Идея-Пресс, 2011. Приложение. Табл. 2.

3. Евразия в поисках идентичности. – М., СПб.: Нестор-История, 2011.

4. Л. Зевин. Постсоветское пространство: Региональная составляющая экономического роста. – М., 2009.

5. Кулик С.А., Спартак А.Н., Юргенс И.Ю. Экономические интересы и задачи России в СНГ. – М., 2010.

6. Мир перемен. № 1. – 2011.

7. Проблемы формирования Евразийского полюса экономической силы и его позиционирование в мире. Евразийский банк развития. – М., 2011. – 8 декабря.

8. Bennet Collins. Does Regionalism Challenge Globalization or Build Upon It? – July 29. – 2010. http://www.l-ir.info/?

9. Bjorn Hettne. The Globalization, the New Regionalism and East Asia. www.unu.edu-globalism and regionalism

10. Martin J.K. and Tsangarides. Trade Reform in CEMAK: Developments and Opportunities. IMF Country Report N 06/09. IMF. 2006.

11. Michaely M. Trade Preferential Agreements in Latin America. An Ex-Ante Assessment (Working Paper N 1583. World Bank 1996).

12. William F. Miller. Globalism, Regionalism and the New Economic Geography. http://www.rieti.go.jp/en/events/bbl/02101101.pdf

13. Kees Terlow. Rescaling Identity: Communicating Regional Identity between National Identity and Global Competition. http://www.lse.ac.uk/collections/ASEN/Conference Papers/Terlow 9620 Rescaling 9620 Identity.pdf2009

14. «The Global Competitiveness Report 2011–2012». http://www3.weforum.org/docs/w…

15. The Oxford Analitical's Daily Brief of January 21, 2010.

16. World Trade Development in 2010.

Л.В. Савченко

«БОЛЬШАЯ ВОСЬМЕРКА»: БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ?

Савченко Леся Валентиновна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник кафедры сравнительной политологии МГУ им. М.В. Ломоносова.

В последнее время политологи, журналисты и некоторые политики говорят о том, что «Группа восьми», или «Большая восьмерка», как ее чаще называют, находится на грани вымирания. Все увереннее набирает обороты относительно молодая «Группа двадцати», начинавшая с регулярных встреч министров финансов, управляющих банками и других финансовых топ-менеджеров стран с наиболее развитой или развивающейся быстрыми темпами экономикой, а в последние годы проводящая саммиты глав 19 государств и правительств, а также Евросоюза, представленного председателем Европейского совета и председателем Европейского центрального банка. Так что же происходит с самым важным и влиятельным неформальным межправительственным объединением, существующим более 35 лет?

Датой начала деятельности «Большой восьмерки» по праву называют ноябрь 1975 г., когда во французском Рамбуйе встретились главы шести ведущих экономически развитых стран мира: Франции, ФРГ, Италии, Великобритании, США и Японии. Однако генезис саммитов восходит к заседаниям так называемой «библиотечной группы», созданной по инициативе министра финансов США Джорджа Шульца. Первая подобная встреча состоялась в марте 1973 г. в библиотеке Белого дома в Вашингтоне; в ней приняли участие министры финансов Франции, Великобритании и Германии.

Поводом для совещания министров стала стремительно меняющаяся ситуация в мире, переживавшем в начале 1970-х годов череду крупных международных событий, приведших к кризисным явлениям в мировой экономической системе, а также к ухудшению отношений между США, Западной Европой и Японией по финансовым и экономическим вопросам.

К таким событиям исследователи «Группы восьми» относят прежде всего:

- «крах Бреттон-Вудсской валютной системы, основанной на фиксированных ставках обмена валют и конвертируемости доллара США в золото <…>;
- первое расширение Европейского сообщества: к шести первоначальным членам присоединяются Великобритания, Дания и Ирландия;
- первый нефтяной кризис, когда Организация стран – экспортеров нефти (ОПЕК) наложила эмбарго на поставки нефти после войны Судного дня в октябре 1973 г. <…>;
- экономический спад 1974 г. в странах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) – инфляция и уровень безработицы в них резко выросли» [7, с. 36].

Кроме того, США продолжали кровопролитную и затяжную военную агрессию во Вьетнаме, которая наносила большой вред имиджу Америки и внутри страны, и в глазах мировой общественности. Советник президента по вопросам национальной безопасности Генри Киссинджер еще в 1971 г. предлагал Ричарду Никсону устроить саммит лидеров западных стран и лично обсудить наболевшие вопросы. Став госсекретарем, Киссинджер вновь предпринял попытку создать альянс с западноевропейскими странами, объявив 1973 год «Годом Европы» [8], однако встретил сопротивление со стороны Франции, опасавшейся мировой гегемонии Соединенных Штатов.

Тем не менее стало очевидным, что необходимо искать новые формы международного сотрудничества для совместного преодоления возникших проблем. Задуманный Киссинджером саммит организовать не удалось, но встреча министров финансов пяти наиболее развитых стран западного мира состоялась. После первого обсуждения глобальной экономики участниками совещания «библиотечной группы» было принято решение о продолжении начатых дискуссий и приглашении к участию в них Японии. В сентябре того же 1973 г. состоялся конфиденциальный форум министров финансов США, Великобритании, ФРГ, Франции и Японии, который получил название «Группа пяти министров финансов». В 1974 г. эти встречи продолжались и проходили в расширенном составе: вначале при участии министров иностранных дел пяти стран, затем вместе с управляющими центральными банками [7, с. 38].

К 1975 г. двое из министров, принимавших участие в совещаниях «библиотечной группы», Валери Жискар д’Эстен и Гельмут Шмидт стали главами соответственно Франции и Германии. Сменились и лидеры трех других ведущих западных держав: вместо ушедшего со своего поста в результате импичмента Ричарда Никсона президентом США стал Джеральд Форд; в Великобритании к власти вернулся Гарольд Вильсон; премьер-министром Япо-

нии стал Такэо Мики. Президент Франции д'Эстен при поддержке канцлера Германии Коля решил использовать обретенный опыт и изменить формат встреч. Он предложил главам соответствующих государств провести встречу на высшем уровне и в неформальной обстановке обсудить проблемы мировой экономики, ее нужды и пути развития.

По данным исследователей, идея подобной встречи возникла 31 июля 1975 г. в Хельсинки во время Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. На устроенном британским послом в Финляндии четырехстороннем обеде, в котором принимали участие Гарольд Вильсон, Валери Жискар д'Эстен, Гельмут Шмидт и Джеральд Форд вместе со своими министрами иностранных дел, президент Франции д'Эстен предложил созвать конференцию на высшем уровне «для обсуждения вопросов мировой экономики и всемирной валютной системы».

Саммит в Рамбуйе прошел с 15 по 17 ноября 1975 г., в нем приняли участие главы шести государств, а также министры финансов и министры иностранных дел. Уже на первой встрече были достаточно ясно сформулированы цели, которые поставили перед собой ее участники: необходимость развивать межправительственное сотрудничество; объединять усилия для борьбы с глобальными вызовами, и сегодняшними и будущими; более тесно сотрудничать по вопросам помощи развивающимся странам; реформировать работу международных организаций; улучшать взаимопонимание и взаимодоверие между своими странами.

Главной проблемой середины 1970-х стали поиски новых путей международной экономической интеграции. Существовавшие на тот момент структуры экономического регулирования, такие как Экономический и социальный совет ООН, Организация экономического сотрудничества и развития, региональное Европейское экономическое сообщество – предшественник Европейского сообщества, ставшего одной из трех опор Евросоюза, обладали целым рядом организационных недостатков и нуждались в обновлении и реформировании. Международные кредитно-финансовые организации Бреттон-Вудсской системы, прежде всего Международный валютный фонд и Всемирный банк, потерпели неудачу в регулирования валютных и кредитно-финансовых отношений между странами. До появления ВТО оставалось 20 лет.

Поэтому участники саммита 1975 г., обсудив энергетический кризис, пути реформы международной валютной системы, меры обуздания инфляции и безработицы, в принятой совместной Декларации заявили: «Мы намереваемся укрепить наше сотрудничество по всем перечисленным проблемам в рамках существующих институтов, равно как и во всех релевантных международных организациях» [12].

Президент США Джеральд Форд по совету Генри Киссинджера через год пригласил участников французской встречи в Пуэрто-Рико для продолжения дискуссий. Седьмой страной, включенной в список приглашенных, стала Канада – по мнению западных политологов, для «географического равновесия» [17]. В результате саммита 1976 г. было решено сделать эти встречи ежегодными; там же родилось название «Группа семи». Начиная с 1977 г., постоянным участником всех последующих саммитов стал Европейский союз, представленный Председателем Европейской комиссии (до 2009 г. – Комиссии европейских сообществ) и Председателем Европейского совета.

Лидеры государств, вошедших в «Группу семи», договорились не придавать саммитам официозный характер, а проводить заседания в неформальной обстановке с установленной ежегодной ротацией стран, принимающих у себя членов группы. Участники «Семерки» не стали подписывать международный договор, создавать устав, бюджет, секретариат, т.е. инициировать еще одну международную организацию со всеми присущими ей элементами, зачастую громоздкими и неповоротливыми, поэтому ее порой определяли как «квазиинститут» [18]. Однако она начала играть важную роль в международной жизни и мировой политике, постепенно превращаясь в уникальную переговорную площадку для обсуждения насущных проблем глобального управления.

Группа стала работать по четко отлаженной схеме. Во-первых, в деятельности этого неформального клуба, помимо лидеров государств, стали принимать участие другие функционеры: министры финансов, министры иностранных дел, другие министры (в зависимости от круга обсуждаемых вопросов). Во-вторых, появился институт так называемых шерпов – полномочных представителей глав государств – председателей саммитов «Группы семи», занимающихся их подготовкой. Была установлена ежегодная ротация стран-председателей со строгой очередностью, не нарушавшейся в течение всех прошедших десятилетий. В подготовке саммитов стали принимать участие эксперты, чиновники (в некоторых правительствах и министерствах были назначены политические директора и специальные сотрудники, отвечавшие за взаимодействие с «Семеркой»), возникли исследовательские институты, занимающиеся изучением деятельности группы, проводящие свои конференции и симпозиумы[1]. В дальнейшем (с 2008 г.) стали проходить университетские саммиты группы. В Декларации саммита 2010 г. отмечалось, что подобные «инновационные исследования и образовательные проекты объединяют выпускников и сотрудников факультетов разных специально-

1. В 1987 г. была создана The G8 Research Group at the University of Toronto; позднее возникли The Oxford branch of the G8 Research Group, Информационно-аналитический центр по сотрудничеству с «Группой восьми» ИМОМС ГУ–ВШЭ и другие исследовательские группы.

стей, национальной принадлежности, языков и культур, приводя к творчеству, обмену и применению полученных знаний» [20].

Изучение деятельности группы привело к появлению целого ряда терминов. Так, например, в научный и практический оборот был введен старый латинский термин «*septennium*» – семилетний период. В данном контексте он означал, что за эти годы проходила полная ротация стран – председателей «Группы семи». Круг вопросов, обсуждаемых на саммитах и министерских встречах «Семерки», постепенно расширялся в зависимости от того, какие события становились наиболее важными в жизни мирового сообщества. Можно выделить следующие главные темы этих встреч:

- экономика (меры по обузданию инфляции, экономические отношения между Западом и Востоком);
- финансы (структурная реформа международной валютной системы);
- международная торговля;
- энергетическая безопасность (энергетический кризис, дефицит энергоносителей, альтернативные источники энергии, развитие атомной энергетики);
- обеспечение правопорядка (борьба с международным терроризмом);
- сотрудничество в сфере науки и технологий;
- социальные проблемы (безработица, проблема беженцев);
- помощь развивающимся странам.

Одним из важнейших направлений деятельности «Семерки» было обсуждение актуальных политических проблем. «Группа семи» становилась важным связующим звеном между политикой и экономикой, и политические темы в рамках саммитов постепенно отвоевывали пространство у тем экономических и финансовых. Усилился интерес западных лидеров к взаимоотношениям со странами восточного блока. Данные отношения с самого начала существования «Группы семи» были одним из важных направлений ее деятельности. Советскому Союзу и происходящим в нем процессам главы наиболее влиятельных государств уделяли особое внимание, имевшее двойственную природу. В декларации 1982 г. члены «Семерки» заявляют, что «принимая во внимание существующие экономический и финансовый анализ, мы договорились внимательно прорабатывать финансовые отношения с СССР и другими восточноевропейскими странами, чтобы удостовериться, что они будут осуществляться на надежной экономической основе, включающей также необходимость проявления коммерческой осторожности в ограничении экспортных кредитов» [13].

В середине 1980-х стали происходить масштабные глобально-политические изменения, обусловленные прежде всего объявленными новым руководством СССР перестройкой и гласностью. Демократические преобразования, начавшиеся в Советском Союзе, вызвали «цепную реакцию» в социалистиче-

ских странах. Это нашло отражение в предметах дискуссий лидеров «Семерки», среди которых появились такие темы, как расширенный политический диалог и долгосрочное сотрудничество с СССР и его союзниками, инвестиции в страны Центральной и Восточной Европы; интеграция стран с переходной экономикой в мировое экономическое сообщество.

Вместе с тем страны «Группы семи» продолжали проявлять в отношении социалистических стран определенную осторожность. В «Декларации по отношениям между Востоком и Западом», принятой в 1987 г. в Венеции, говорилось: «Мы с пристальным интересом следим за недавним развитием внутренней и внешней политики Советского Союза. Мы надеемся, что оно будет иметь большое значение для улучшения политических, экономических и безопасных отношений между странами Востока и Запада. В то же время глубокие различия вынуждают нас сохранять бдительность в отношении всех аспектов советской политики» [19].

Внутренние процессы, происходившие в Советском Союзе: экономический спад, национальные конфликты и другие характерные признаки революционных преобразований, привели к ослаблению нашей страны в качестве одного из основных игроков на международной арене. Это дало повод лидерам «Группы семи» считать, что теперь они могут диктовать условия игры: «*В XX в. могущество ведущих стран нарастало* (после распада СССР это касалось прежде всего стран “Группы семи”). Они обеспечивали прорывы в создании систем вооружений, демонстрировали рост национального богатства, повышение образованности населения, привлекательность жизни» [1, с. 3–4].

В то же время происходившие в Советском Союзе позитивные сдвиги в сторону демократии, перестройка политической системы, нараставшая активность гражданского общества вызывали огромный интерес и живой отклик во всем мире, в том числе и у лидеров «Группы семи». Уже в 1988 г. на саммите в Торонто участники встречи изменили тон, отметив, что за истекший период в отношениях между западными странами и СССР произошли важные, признаваемые всеми изменения. Эволюция этих отношений привела к тому, что в июле 1991 г. «на полях» лондонского саммита Президент СССР М.С. Горбачёв впервые провел рабочие встречи с лидерами стран – участниц «Семерки». После распада Советского Союза в таком же формате в саммитах участвовал первый Президент Российской Федерации Б.Н. Ельцин. Результатом окончания «холодной войны» и процесса налаживания отношений между Востоком и Западом стало решение, инициированное Вашингтоном, о принятии новой России в неформальный клуб ведущих демократических стран.

Этому решению предшествовал состоявшийся в 1996 г. в Москве «внеочередной» саммит лидеров «Восьмерки» по ядерной безопасности под сопредседательством президентов России и Франции. В ходе саммита были

приняты важные документы: Декларация Московской встречи, Программа противодействия незаконному обороту ядерных материалов, Заявление по Договору о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, которые легли в основу дальнейшей работы «Группы восьми» в данном направлении.

Важным фактором в пользу решения о принятии России в неформальное объединение стран «Семерки» стало также желание «примирить Россию с расширением НАТО» [10]. В 1997 г. во время саммита в Денвере Россия стала членом самого влиятельного международного форума, который получил официальное название «Группа восьми». Многолетняя кропотливая работа российских политиков увенчалась успехом. Однако участие Российской Федерации в работе группы имеет определенные ограничения, некоторые экономические и финансовые проблемы (особенно на министерском уровне) по сей день обсуждаются в прежнем западноцентричном составе, поэтому в иностранных публикациях и комментариях к саммитам зачастую встречаются такие термины, как «Экономическая семерка» и «Политическая восьмерка».

Возможно, не последнюю роль в решении ведущих мировых держав в отношении России сыграла и постоянно возрастающая взаимозависимость мирового сообщества в решении не только внешних, но и внутригосударственных проблем. Это явление, охватившее все сферы современной жизни, получило в начале 1990-х годов название «глобализация», и примерно в это же время новый термин впервые появился в документах группы. В 1996 г. в Лионе было принято «Экономическое коммюнике: достижение успеха глобализации во всеобщее благо», в котором отмечалась необходимость «дать определение новому глобальному партнерству между развивающимися странами, развитыми странами и международными институтами» [14]. Отличительной чертой саммита 1996 г. стало также впервые приглашение для участия в форуме представителей крупнейших международных организаций: Организации Объединенных Наций, Всемирного банка, Международного валютного фонда и Всемирной торговой организации, что, несомненно, соответствовало настоятельным требованиям меняющегося миропорядка в условиях глобализации.

«Группе восьми» удалось занять на мировой арене если не ведущее, то одно из главенствующих мест. Вхождение же Российской Федерации в число участников группы, несмотря на существующие особенности ее членства, а отчасти и благодаря им, повлияло на расширение круга вопросов, включаемых в повестки саммитов «Восьмерки», прежде всего внешнеполитических. Другим важным следствием появления в этом могущественном международном клубе нового, столь отличного от других участников государства привело к повышению значимости коллективного принятия решений в урегулировании проблем внешней политики. Ведущими темами саммитов «Восьмерки» продолжают быть вопросы глобальной и региональной безопасности, укреп-

ление и расширение сотрудничества в борьбе с международным терроризмом и преступностью в финансовой сфере, предотвращение региональных конфликтов. Особое внимание уделяется проблеме ядерной безопасности и разоружения, первое обсуждение которой главами государств «Группы восьми» состоялось во время их встречи в Москве 1996 г. После трагических событий 11 сентября 2001 г. «Восьмерка» учредила Глобальное партнерство против распространения оружия и материалов массового уничтожения (ГП), обязавшись в течение ближайших десяти лет выделить до 20 млрд. долл. США для поддержки данной инициативы. В 2004 г. «Группой восьми» был принят План действий по нераспространению, в рамках Группы по ядерной безопасности (NSSG) продолжается изучение вопросов, связанных с ядерной безопасностью, регулярно заслушиваются отчеты экспертов.

Проблемы безопасности являются важным направлением работы «Восьмерки» и в связи с глобальной энергетической безопасностью. В ответ на предложение Евросоюза, полученное в 2007 г. на саммите в Хайлигендамме, «Группа восьми» совместно с Международным энергетическим агентством (МЭА) согласилась участвовать в поисках наиболее эффективных мер по повышению энергоэффективности и энергосбережения, и в 2008 г. вместе с Китаем, Индией, Южной Кореей и Евросоюзом, представленным Еврокомиссией, основала Международное партнерство по сотрудничеству в области энергоэффективности.

Решение политических вопросов неразрывно связано с тенденциями современной мировой экономики, которая по-прежнему является главной заботой и главным предметом дискуссий лидеров государств «Группы восьми» во время их саммитов. Однако в конце 1990-х произошло изменение формата встреч «Восьмерки»; министерские встречи были вынесены за рамки саммитов, но проходят регулярно, несколько раз в году; это прежде всего встречи министров финансов, управляющих банками и других ответственных лиц, занимающихся поисками ответов на экономические и финансовые глобальные вызовы, министров иностранных дел, а также отраслевых министров в зависимости от повестки дня конкретного саммита.

Важной составляющей данного процесса стало растущее сотрудничество и постепенная и последовательная интеграция стран с переходной экономикой. Современные условия диктуют членам «Восьмерки» новые правила игры и требуют расширения круга участников дискуссий по политическим и экономическим вопросам. В 2000 г., когда на саммит группы были приглашены представители ЮАР, начало формироваться неформальное сотрудничество «Группа 8+5». В 2003 г. в саммите участвовали уже все страны «Пятерки»: Бразилия, Китайская Народная Республика, Индия, Мексика и ЮАР, а в 2007 г. на саммите «Группы восьми» в Германии совместно с главами государств с наиболее стремительно развивающейся экономикой было создано

новое партнерство – Хайлигендаммский процесс (ХП). В рамках этого партнерства на саммите 1999 г. была создана Кёльнская инициатива по долгам, целью которой стало обеспечение всестороннего и скорого облегчения долгового бремени беднейших стран путем проведения серьезных изменений в Инициативе по беднейшим странам с крупной задолженностью (БСБЗ). Участники группы, в том числе и Россия, внесли в Международный валютный фонд и Международную ассоциацию развития предложение о списании 100% долгов государств, подпадающих под действие БСБЗ. В рамках этой инициативы к 2009 г. общий объем аннулированной Российской Федерацией задолженности превысил 20 млрд. долл. [6].

«Группа восьми» расширяет сотрудничество не только с отдельными странами, но и с ООН и другими международными организациями по различным направлениям жизнедеятельности мирового сообщества. Начиная с конца 1990-х в саммитах «Восьмерки» принимают участие представители Всемирного банка, Международного валютного фонда, Всемирной торговой организации, Всемирной организации здравоохранения, МАГАТЭ, ЮНЕСКО, Организации экономического сотрудничества и развития. «Группа восьми» начинает активное сотрудничество с континентальными и региональными МО.

Анализируя деятельность «Группы восьми», ее критики обращают внимание мировой общественности на возрастающую глобальную гегемонию капитала. Это явление, безусловно, имеет место, и транснациональные проекты, инициированные или поддерживаемые «Восьмеркой», напрямую влияют на его развитие. Однако у этого процесса есть и позитивная сторона: глобализации экономики играет важную роль в социальной жизни мирового сообщества. Генеральный директор Французского института международных отношений Тьери де Монбриаль считает, что «сегодня создано и реально существует множество разных механизмов международного регулирования – “Группа восьми”, “Группа двадцати”, “Группа четырнадцати”, Совет Безопасности ООН, пятерка ядерных держав. Но действия этих механизмов будут оправданными лишь в том случае, если их участники более основательно продумают их формы и цели» [3, с. 2]. В случае «Восьмерки» цели группы в социальной сфере определены достаточно четко, объем работы по их достижению постепенно увеличивается, а методы достижения совершенствуются. В две последние «семилетки» больше внимания стало уделяться образованию, вопросам охраны здоровья, созданию рабочих мест, борьбе с бедностью, продовольственной безопасности. В Итоговом коммюнике 1999 г. отдельными разделами выделены такие направления деятельности группы, как «Инвестиции в развитие человеческого капитала» и «Усиление социальной защиты». В них, в частности, говорится: «Демократия, верховенство закона, надлежащее управление и уважение к правам человека и основным трудовым

стандартам являются необходимыми предпосылками для социальной стабильности в дальнейшем. Процесс либерализации должен дополняться развитием хорошо функционирующих и свободных от коррупции институтов, экономически эффективных, прозрачных и подотчетных общественности» [15].

В основе социальных программ «Группы восьми» лежит поддержка демократических ценностей, среди которых поддержка свободы слова, снижение социального неравенства, защита материнства и детства, укрепление гражданского общества. Для достижения этих целей «Восьмерка» уделяет особое внимание взаимодействию с неправительственными организациями. Примером такого взаимодействия может послужить саммит в Санкт-Петербурге в 2006 г. За год первого председательства России в «Группе восьми» состоялось множество мероприятий, проводимых российскими НПО, среди которых Ассоциация юных лидеров, Союз «Гражданское общество – детям России», Московская Хельсинкская группа, МОД «Здоровье нации», Российское национальное движение против бедности и др.

В последние годы в повестки дня не только саммитов «Группы восьми», но и министерских встреч включались проблемы глобального изменения климата и охраны окружающей среды. При подготовке встречи лидеров «Восьмерки» 2008 г. министры финансов стран – членов группы утвердили План действий «Группы восьми» по изменению климата и поддержали идею создания Всемирным банком новых Климатических инвестиционных фондов, призванных оказывать помощь уже существующей «Рамочной конвенции ООН об изменении климата» (РКИК) после 2012 г.

Коллективный подход к решению актуальных международных вопросов не означает, что внутри неформального объединения царит полное согласие и единодушие. Одним из примеров подобных разногласий могут служить дискуссии по позициям участников саммита 2003 г. в отношении американо-британской военной акции против Ирака. США все еще не могут отказаться от идеи глобального лидерства; госсекретарь Хилари Клинтон часто заменяет термин «многополярный мир» словосочетанием *multipartner world,* что буквально означает «мир со многими компаньонами». Кроме того, включение России в число членов группы вызвало и продолжает вызывать неоднозначную реакцию как в самой группе, так и в общественном мнении стран Запада. Да и в странах, оставшихся за рамками «Восьмерки», существуют разные мнения по поводу ее формата, ее расширения или, возможно, сужения.

Саммит 2010 г. имел необычный формат: в день его окончания там же в Канаде начал свою работу саммит «Группы двадцати». Это был первый саммит «Двадцатки» на высшем уровне, вызванный стремлением в условиях финансово-экономического кризиса решать возникшие проблемы общими усилиями государств, представляющих около 80% мировой экономики. «Группа восьми» в итоговой Декларации заявила, что «основным глобальным вызовам

мы должны и можем противопоставить целенаправленные и согласованные усилия, волю и транспарентность, а также партнерское взаимодействие с другими заинтересованными членами глобального сообщества» [8]. Декларация саммита «Группы двадцати» также продемонстрировала общность целей стран-участниц и выработала меры для обеспечения глобального экономического роста на устойчивой основе.

В ноябре того же года в Сеуле прошел еще один саммит лидеров стран «Большой двадцатки». По мнению экспертов, летом 2010 г. начался новый этап кризиса, вызвавший обострение проблем прежде всего в финансовой сфере, что нашло отражение в повестке дня неформального форума. В работе «Группы двадцати» приняли участие руководители более 30 официальных международных организаций. Встреча стала ареной острых дискуссий, но в результате был принят ряд важных документов, среди которых новая концепция роста мировой экономики и социального прогресса, получившая название «Сеульский консенсус» и призванная сменить «Вашингтонский консенсус», который действовал с конца 1980-х годов и был основан на идеях предельно либерального рынка.

В 2010 г. произошли изменения и в таком важном неформальном объединении, как БРИК, который после присоединения ЮАР стал именоваться БРИКС. Страны – члены БРИКС, в отличие от государств, входящих в «Группу восьми», не только демонстрировали более высокие темпы экономического роста, но и стали в качестве группы все более уверенно заявлять о себе как о новом акторе в мировой экономике и геополитике.

Все эти события и перемены дали повод к новой критике «Группы восьми». На протяжении всего периода ее существования встречи группы сопровождались протестами антиглобалистов. «Восьмерку» привычно упрекают в элитарности, недемократичности и гегемонизме, в игнорировании потребностей большинства населения планеты. В середине 2000-х в газете «*Financial Times*» появилась публикация, в которой «Группу восьми» назвали «все большим и большим анахронизмом» на том основании, что в состав группы входят Канада, Италия и Россия, но не включены Китай и Индия [16]. Теперь «Восьмерку» обвиняют в снижении ее значимости.

Так что же такое деятельность «Группы восьми», и какой вклад она внесла в развитие человечества? И что такое саммиты «Большой восьмерки» для простого обывателя, будь то русский, немец или японец, занятого повседневными проблемами и мало интересующегося проблемами мировой политики? Всего лишь двух-трехминутный сюжет в вечерних новостях, либо не вызывающий никакого интереса, либо дающий повод для ворчания по поводу пустой траты денег налогоплательщиков на непонятные «утехи» «клуба богатых и опасных», владеющих 98% мировых запасов ядерного оружия.

Ответ на этот вопрос содержится в итоговых документах последнего саммита «Восьмерки», состоявшегося в конце мая 2011 г. во Франции. Нынешний год ознаменовался для мирового сообщества новыми катаклизмами, начавшись с японской катастрофы и последовавшего за ним ядерного кризиса, затянувшейся «арабской весны» и финансового и институционального кризиса в Евросоюзе. Все эти проблемы стали предметами обсуждения на саммите «Большой восьмерки», попытками найти наиболее верные пути их решения, что нашло свое отражение в Довильской декларации «Группы восьми».

Глобальная и региональная безопасность, предотвращение глобальных и региональных конфликтов, обуздание кризиса и инфляции, развитие экономических отношений между странами с разным уровнем развития – эти и другие задачи находятся в центре внимания «Восьмерки». Критика группы небезосновательна, и главное замечание – это смещение некоторых направлений влияния в сторону других неформальных групп, прежде всего «Группы двадцати». Однако смена акцентов становится неизбежным фактором существования современного постоянно меняющегося в сторону многополярности мира.

Министр иностранных дел России С.В. Лавров поясняет, что «создание “Группы двадцати” не умалило значения “Восьмерки”, хотя сейчас происходит процесс “разделения труда” между этими форматами. “Двадцатка” концентрируется на решении проблем реформирования мировой валютно-финансовой системы, а “Группа восьми” остается полезным механизмом для сопоставления позиций по политическим вопросам и кризисным ситуациям» [5].

Оценивая сегодняшнее положение «Группы восьми» необходимо не забывать о ее роли в решении проблем развития и гуманитарных проблем. Возможности в этом отношении у «Восьмерки» немалые. Население входящих в нее стран, составляющее всего 14% населения Земли, производит 60% валового внутреннего продукта; большинство стран – членов группы являются крупнейшими производителями атомной энергии; США и Россия занимают второе и третье места в мире по производству нефтепродуктов. Список статистических данных можно продолжить, но и без этого понятно, что у «Группы восьми» есть достаточно оснований при необходимости возлагать на себя функции кризисного управления, стараясь искать новые подходы в выполнении принятых обязательств, опираясь при этом на международное право и нравственные ценности. Существенный вопрос: принимать ли новых членов в неформальный клуб с учетом появления новых активных игроков на мировой политической и экономической арене? Это решать самой «Восьмерке».

Невозможно представить себе сегодняшний мир без саммитов «Восьмерки», без министерских встреч, без сопутствующих им конференций специалистов и дискуссий широкой общественности. Ответ на вопрос: «Быть или не быть “Большой восьмерке”?» однозначный: быть. Как дальше будет развиваться мир, покажет время.

Литература

1. Богатуров А.Д. Лидерство и децентрализация в международной системе // Международные процессы. – М., 2006. – № 3. – С. 5–15.

2. Бузгалин А.В. Основные «пласты» глобализации и ее конфликтогенный потенциал // Международные процессы. – М., 2003. – № 2. – С. 32–43.

3. Монбриаль Т. де. «Мир стал многополярным, разнородным и глобальным...» // Международные процессы. – М., 2009. – № 3. – С. 39–41.

4. Мускокская декларация «Группы восьми». Выход из кризиса и новые начала. – http://rus.rusmission.org/policy/589

5. Ответы министра иностранных дел России С.В. Лаврова на вопросы российского журнала «VIP-Premier» по итогам министерского заседания «Группы восьми», Париж, 15 марта 2011 года. – http://www.mid.ru/bdomp/ns-g8.nsf/4681a749b12257b3432569ea003614e4/432569ed00401c0ec32578550030fc8f!OpenDocument

6. РФ списала более $ 20 млрд. задолженности африканских стран. – Лавров. – http://www.rian.ru/economy/20080526/108453473.html

7. Хайнал П.И. ван. Группа восьми и Группа двадцати: Эволюция, роль и документация. – М.: Логос, 2008. – 350 с.

8. Address given by Henry A. Kissinger. – New York, 23 April 1973. – http://www.ena.lu/address_given_henry_kissinger_new_york_23_april_1973-02-9561

9. Armstrong R. Economic summits: A British Perspective // Bissell Paper Number Four. – Centre for International Studies, University of Toronto. May, 1988. – http://www.g8.utoronto.ca/scholar/armstrong1999/index.html

10. Bayne N. Impressions of the Denver Summit. – http://www.g7.utoronto.ca/evaluations/1997denver/impression/struct.htm

11. Bayne N. The G8 and the Globalisation Challenge. – London, 2000. – http://en.civilg8.ru/1637.php

12. Declaration of Rambouillet. – Rambouillet, France. – November 17, 1975. – http://www.g8.utoronto.ca/summit/1975rambouillet/communique.html

13. Declaration of the Seven Heads of State and Government and Representatives of the European Communities. – June 6, 1982. – http://www.g8.utoronto.ca/summit/1982versailles/communique.html

14. Economic Communiqué: Making a Success of Globalization for the Benefit of All. – Lyon, 28 June 1996. – http://www.g8.utoronto.ca/summit/1996lyon/communique.html

15. G8 Communiqué Köln 1999. Final. – http://www.g8.utoronto.ca/summit/1999koln/finalcom.htm

16. Haas R. Leaders Have a Flawed Gleneagles Agenda // Financial Times. – July 1, 2005.

17. Kirton J. The Role of the G7 in the Regional Integration – Global Security Link // G8 Governance N 2. June 1997. – http://www.g8.utoronto.ca/governance/gov2/

18. Merlini C. The G-7 and the Need for Reform. – http://www.g8.utoronto.ca/scholar/merlini1994/index.html

19. Statement on East–West Relations. – June 9, 1987. – http://www.g8.utoronto.ca/summit/1987venice/east.html

20. 2010 G8 University Summit Statement of Action. – http://www.g8universitysummit2010.com/g8summit/declaration.html

А.В. Кива

БРИК КАК ФАКТОР БОЛЬШОЙ ПОЛИТИКИ

**Кива Алексей Васильевич – доктор исторических наук,
главный научный сотрудник Института востоковедения РАН.**

Акроним БРИК – это первые буквы государств – Бразилии, России, Индии и Китая. Аббревиатура, звучащая по-английски как brick («кирпич»), впервые появилась в докладе, подготовленном одним из крупнейших американских банков Goldman Sachs в 2001 г. В нем говорилось, что указанные страны обладают таким огромным потенциалом и имеют такие темпы роста, что к середине текущего столетия по совокупному ВВП превзойдут шестерку ныне самых богатых стран – США, Японию, Германию, Великобританию, Францию и Италию. По их подсчетам, к 2050 г. ВВП Китая должен составить 44,45 трлн. долл., США – 35,16, Индии – 27,8, Японии – 6,67, Бразилии – 6,07, России – 5,58, Германии – 3,6, Франции – 3,15, Италии – 2,06 трлн. долл.

Автором идеи стал руководитель отдела глобальных экономических исследований банка Джим О'Нилл (Jim O'Neill). Как представляется, его главной целью было показать деловому миру развитых государств, что эти страны обладают огромными людскими и природными ресурсами, а также необъятным рынком, чему должно быть найдено адекватное место в глобальной экономике к выгоде наиболее развитых стран. Поначалу О'Нилл не думал о том, что страны, названные им БРИК, начнут координировать свою деятельность и тем более создадут некий альянс. Каждая из них привлекла внимание аналитиков банка: Бразилия тем, что богата сельскохозяйственной продукцией, Россия – минеральными ресурсами, Индия – дешевыми интеллектуальными ресурсами, а Китай – дешевыми трудовыми ресурсами. Как видим, России в БРИК было отведено не самое почетное место – «мировой кочегарки», Бразилии – «мировой житницы», Индии – «мировой сервисной», а Китаю – «мировой фабрики».

Потом в отчеты банка Goldman Sachs вносились уточнения, в частности в связи с ускоряющимся развитием Индии и постоянно растущей высокими

темпами экономики Китая. И цифры стали уже сильно отличаться от первоначальных. Так, ВВП Китая к 2050 г. должен уже составить 70,7 трлн. долл., США – 38,5, Индии – 37, Бразилии – 11,3, России – 8,5, Японии – 6,6, Германии – 5, Великобритании – 5, Канады – 3,1, Италии – 2,9 трлн. долл.[1]

Но как бы то ни было, расчеты О'Нилла и К°, конечно же, не выдерживают научной критики. Во-первых, они строятся на основе линейной логики, когда темпы роста на данный момент проецируются на будущее, что уже давно не делается серьезными аналитиками. Ведь на каком-то отрезке времени высокие темпы роста могут резко снизиться и даже упасть почти до нуля. Во-вторых, О'Нилл оценивает быстрое развитие стран, используя такие параметры, как размер ВВП, рост корпоративных доходов, капитализация компаний. Что касается ВВП, то еще знаменитый австрийский экономист Йозеф Шумпетер (1883–1950) предупреждал, что сам по себе рост ВВП еще не есть развитие. Для убедительности он приводил очень простой пример: если увеличить число производимых кабриолетов, то это будет рост, а если вместо кабриолетов начать производить автомобили, то это будет уже развитие. Что же касается капитализации, то это такая сомнительная величина, что может превратиться в пузырь, а потом и лопнуть, как и произошло с российским фондовым рынком после начала кризиса. На деле развитие, тем более в XXI в., оценивается по состоянию современных производств и прежде всего высоких технологий.

* * *

Первые контакты между государствами БРИК произошли в 2003 г. Отсюда и разночтение: одни авторы считают годом рождения БРИК 2001 г., другие – 2003 г. Формально такой организации, как БРИК, не существует, у нее нет ни устава, ни программы, ни постоянного места нахождения. Кто-то называет БРИК альянсом, кто-то – клубом.

Развитие отношений между странами БРИК шло поэтапно. В 2006 г. Россия выступила с инициативой организовать встречу контактной группы стран БРИК. Начались консультации на уровне министров иностранных дел. А в июле 2008 г. на острове Хоккайдо состоялась первая встреча стран БРИК (приуроченная к проходившей в Японии встрече руководителей «Большой восьмерки») на высоком уровне. В ее работе приняли участие президент России Дмитрий Медведев, президент КНР Ху Цзиньтао, премьер Индии Манмохан Синх и президент Бразилии Лула да Силва. Состоялись консультации

1. http://ru.wikipedia.org/wiki/BRIC

руководителей БРИК и в ходе встречи «Группы двадцати» (G-20) в Вашингтоне в ноябре 2008 г., посвященной проблеме мирового кризиса.

Наконец, в июне 2009 г. в Екатеринбурге прошел первый официальный саммит руководителей стран БРИК в том же составе, что и на острове Хоккайдо. Второй саммит руководителей стран БРИК состоялся в столице Бразилии Бразилиа в апреле 2010 г. Третий саммит проходил в Китае в Санья, что на южном острове Хайнань, в апреле 2011 г. На нем БРИК превратился в БРИКС за счет принятия в этот альянс Южно-Африканской Республики (по-английски эта страна называется South African Republic.) По логике вещей, следующий саммит пройдет либо в Индии, либо в ЮАР.

Если говорить коротко, то практически на всех встречах обсуждались вопросы расширения сотрудничества между странами, экономическая ситуация в мире в условиях кризиса и соответствующая на нее реакция со стороны стран БРИК (БРИКС), их взаимодействие на международной арене, в том числе и по вопросам большой политики.

Однако любые разговоры о БРИКС останутся пустым занятием, если мы не будем учитывать потенциал его стран, их влияние друг на друга, их интересы и приоритеты, а также существующие в отношениях между ними проблемы. И начнем наш анализ в том порядке, который представляется наиболее оправданным.

Бразилия уже давно не «житница»

Еще недавно у большинства наших граждан Бразилия ассоциировалась с футболом, кофе, карнавалами, фильмами жанра «мыльной оперы». Однако в последние десятилетия она совершила впечатляющий рывок в своем развитии. Это уже страна с преимущественно городским населением (более 75%), с довольно развитой промышленностью и отраслями высоких технологий. Она, в частности, добилась успеха в создании авиакосмической промышленности и собственной конструкции ядерных реакторов, выпускает автомашины, самолеты, строит крупнотоннажные суда, у нее высокоразвиты горнодобывающая промышленность и особенно аграрный сектор. Она уже давно производит среднемагистральный самолет «Эмбрайер» и экспортирует его во многие страны мира. Развита у нее и военная промышленность.

О многом уже говорит сама структура экономики. В 2007 г. на долю промышленности приходилось 38,6% ВВП, сферы услуг – 51,3, а сельского хозяйства – только 10,1%. Страна не только полностью удовлетворяет свои потребности в сельскохозяйственной продукции, но и экспортирует ее в больших объемах. В структуре бразильского экспорта более 50% составляют изделия обрабатывающих отраслей, в то время как российский экспорт на 80–90% состоит из сырья и продукции первичной переработки.

По темпам роста (в среднем 3,5–4,5% в год) Бразилия уступала Индии и особенно Китаю. И объяснялось это стремлением пришедших к руководству страны в 2002 г. президента Лулу да Силва и его команды постепенно снижать гигантский разрыв между богатым и бедным населением и соответственно вкладывать меньше в основной капитал (около 15% ВВП), чем Китай (40% и более) и Индия (в последние годы более 30%). Уместно напомнить, что у Бразилии в период правления военных диктатур (1964–1985) был период «экономического чуда» (с 1968 по 1973 г.), когда ежегодный рост ВВП составлял 11%. И остановили этот рост резко подскочившие на мировом рынке (как следствие арабо-израильской войны) цены на нефть, которую Бразилия тогда импортировала, еще не имея биотоплива и разведанных крупных запасов нефти, позволяющих ей ныне ее экспортировать. И тем не менее в 1974–1980 гг. темпы роста производства составляли 6%. Именно в эти годы Бразилия из аграрной превратилась в индустриальную страну[2], что привело к резкому увеличению числа людей, живущих за чертой бедности, и углублению и без того немалой пропасти между богатыми и бедными. Поэтому пришедший к власти выходец из рабочих Луис Инасиу Лула да Силва развернул руль государства в сторону кардинального решения социальных проблем и за восемь лет своего пребывания у власти добился многого на этом пути, став одним из самых популярных руководителей в истории страны.

Социально ориентированная политика не помешала Бразилии стать в 2010 г. третьим в мире производителем гражданских самолетов (после «Боинга» и «Аэробуса») – 246 против наших семи и выпустила 3,6 млн. автомобилей[3]. Она сравнительно легко перенесла кризис, в 2009 г. ВВП упал на 0,6%, а в 2010 г. вырос на 7,8%, и его объем по обменному курсу исчислялся 2,2 трлн. долл., что в пересчете на ППС составило 3,6 трлн. долл. Живущие в Бразилии российские граждане говорят, что в Бразилии дешевая жизнь: недорогое жилье, очень дешевые и качественные продукты. (В России в 2010 г. ВВП составил меньше 1,5 трлн. долл., а более высокие цифры по ППС, по официальным данным, у многих вызывают сомнение, ибо если брать за точку отсчета цены в США, то и жилье, и машины, и продукты питания, и одежда в Бразилии дешевле, чем у нас.) В стране довольно высокий уровень грамотности, более высокий уровень жизни граждан, нежели в Китае и Индии, но менее развита наука.

В целом бразильская экономика хорошо структурирована и во многом самодостаточна. Если Россия не может собственными силами ни одеть, ни обуть, ни прокормить свое население, не говоря уже о машинах и оборудова-

2. См. подробнее: http://ru.wikipedia.org/wiki/BRIC

3. Бразильское чудо. – http://www.aif.ru/money/article43374

нии, бытовой электронике и даже кухонной утвари, то у Бразилии этих проблем нет: она, подчеркиваю, экспортирует в крупных масштабах не только продовольствие, но и машины, и товары повседневного быта. И, кстати сказать, является мировым лидером как в технологиях производства биотоплива, так и в его объемах. На многих направлениях Бразилия, еще недавно ассоциировавшая с отсталостью, произволом диктаторов и прочими «прелестями» слаборазвитости, обогнала Россию, причем не только в промышленном и технологическом развитии, но и в сфере общественной жизни. Там реальная многопартийность, свобода СМИ, свободные выборы. Борьбу с коррупцией не имитируют, как у нас, а ведут серьезно. Результаты выборов не фальсифицируются, хотя бы уже потому, что граждане голосуют посредством электронных урн: нажимают на кнопку перед тем или иным кандидатом в президенты или партией – и уже через несколько часов компьютер выдает результаты выборов. Участие в них по закону обязательно для всех граждан соответствующего возраста.

В чем секрет успехов Бразилии? Если коротко, то в качестве и в нравственном императиве власти, в ее нацеленности не на обслуживание собственных интересов, а на служение народу. Такое целеполагание властей рождает грамотное сочетание рынка и государственного регулирования, глубоко продуманную финансовую, налоговую, таможенную и социальную политику. В результате средства, создаваемые народом, идут на развитие страны, а не рассовываются элитой по карманам, выводятся в офшоры, тратятся на ненужные строительные объекты и банально проматываются.

Конечно, далеко еще не изжита бедность, есть трущобные кварталы – так называемые хавелы, есть наркомафия, есть организованная преступность.

Что Россию связывает с Бразилией? За пределами торговых отношений практически ничего. Самый высокий объем товарооборота между Бразилией и Россией был достигнут в докризисном 2008 г. и составил около 8 млрд. долл., в 2009 г. он упал до 4,28 млрд. долл., но в 2010 г. поднялся почти до прежнего уровня – 7,98 млрд. долл. с профицитом для Бразилии в 1,32 млрд. долл. Для сравнения приведем товарооборот Бразилии с другими странами. В том же году с Китаем он составил 56,3 млрд. долл., с Индией – 7,7 млрд. долл. и с ЮАР – 2 млрд. долл.[4]

У Индии и Китая отмечается постоянно растущий уровень торгово-экономических отношений с Бразилией и, что немаловажно, развивается научно-техническое сотрудничество с ней, чего нет у России. Еще в 2008 г. во внешнеторговом товарообороте Бразилии преобладали США, а в 2011 г. пер-

4. http://www.inosmi.ru/latinamerica/20110420/168606429html

вое место занял Китай. Его товарооборот со странами Латинской Америки в 2010 г. составил 163 млрд. долл., что в 10 раз больше, чем у России[5].

Но геополитический интерес Бразилии к БРИКС вторичен, первой же своей задачей она считает необходимость сгруппировать вокруг себя страны Латинской Америки и стать их лидером.

Индия набирает темпы роста

По подсчетам крупнейшего специалиста по странам переходного периода академика РАН и Европейской академии В.М. Полтеровича и доктора экономических наук, профессора В.В. Попова, в 1950 г. Китай и Индия находились примерно на одном уровне развития[6]. Но за период осуществления первых двух пятилетних планов социально-экономического развития Китай вырвался вперед. И, несмотря на авантюру «большого скачка» (1966–1976) и разорительную «культурную революцию (1958–1960), развитие Китая все равно шло более быстрыми темпами, чем Индии. Свойственные Китаю мобилизационные методы развития, по существу мононации (более 90% населения составляют ханьцы – собственно китайцы), не подходили для Индии с ее сложной этнической, кастовой, языковой и религиозной структурой (12 конфессий и 23 языка!) и наличием парламентской демократии, требующей согласования интересов многих регионов и народов. Властям Индии не удалось провести в жизнь планирование семьи, в результате естественный прирост населения был примерно в 2 раза больше, чем в Китае, где оно успешно осуществлялось. Да и ареал нищеты в Индии традиционно был больше, чем в Китае. Соответственно гораздо бóльшие расходы, чем в Китае, уходили на решение острых социальных проблем и меньше оставалось средств на развитие. Были и другие причины, тормозившие экономический рост Индии.

Но так или иначе Индия стала шаг за шагом совершенствовать свою экономическую политику и модернизировать хозяйство. Если Россия за 20 лет реформ топталась на месте и даже теряла завоеванные в предыдущие годы позиции, то темпы развития Индии за этот период в среднем составили 5% в год. В новом же тысячелетии она набрала высокие и довольно устойчивые темпы роста – на уровне 8–9% в год и по объему ВВП в пересчете на ППС заняла четвертое место в мире, уступив лишь США, КНР и Японии. Индия создала весьма преуспевающую «силиконовую долину» в Бангалоре, что позволило ей захватить 65% мирового IT-аутсорсинга и с каждым годом экспортировать все больше инновационной продукции.

5. http://agnc.ru/indet.php?id=27728t=2

6. http:www.sps.ru/?id=216623

Индия так же, как и Китай, в отличие от России, без больших потерь перенесла мировой финансовый кризис. В 2008 г. рост ВВП составил 6,7%, в 2009 – 5,5, а в 2010 г. – 8,3%. Страна добилась крупных успехов в таких принципиально важных областях, как обрабатывающая промышленность, электроэнергетика, машиностроение, в том числе автомобилестроение (более 10 млн. единиц в год, включая не только автомашины, но и автобусы, тракторы, трехколесные передвижные средства, мотоциклы и мотороллеры). Прорывными отраслями в Индии стали химическая промышленность, фармацевтика, биотехнологии. В последние годы особенно быстрыми темпами развиваются информационные технологии (ИТ) и аутсорсинг (передача сторонней организации решение тех или иных задач или бизнес-процессов). И аутсорсинг по преимуществу не бытовой (уборка территории, организация питания, управление транспортом, эксплуатация инженерных сетей, бухгалтерское обслуживание и пр.), а связанный с высокими технологиями (разработка, внедрение, эксплуатация, совершенствование работы информационно-технологических систем и пр. в тех или иных компаниях).

Как и для Китая, для Индии западные страны, и прежде всего США, являются и «кузницей кадров», и источником получения новой техники и новых технологий. Индия имеет преимущество перед Китаем в том, что касается английского языка, который образованные индийцы знают, как свой родной. Возможно, поэтому так много врачей-индийцев работают в англоговорящих странах. Многие индийские студенты обучаются в лучших западных университетах, их оставшиеся выпускники нередко становятся крупными специалистами. Часть специалистов создает на исторической родине филиалы инновационных фирм, другая же возвращается домой и, используя полученные знания и опыт, занимает достойные (и, кстати, хорошо оплачиваемые!) места в высокотехнологичных отраслях.

Некогда широкие торгово-экономические связи нашей страны с Индией после распада СССР резко пошли по нисходящей. Так, в 2004 г. товарооборот составил всего 1,7 млрд. долл. Выручало лишь сотрудничество в военной сфере, да и то благодаря тому, что, отказавшись подписать принятый в 1968 г. ООН Договор о нераспространении ядерного оружия, Индия лишилась возможности сколько-нибудь широкого военно-технического сотрудничества с западными странами и, прежде всего, с США. Но в августе 2008 г. МАГАТЭ сняла все претензии к Индии, а в октябре Конгресс США одобрил американо-индийское соглашение о сотрудничестве в мирном использовании ядерной энергетики. За этим последовали закупки Индией в США военной техники. Таким образом, монопольному положению России в качестве поставщика Индии военной техники приходит конец. К тому же Индия крайне недовольна тем, что Россия затянула реконструкцию авианесущего крейсера «Адмирал Горшков», притом что цена ее постоянно возрастала. Были

проблемы и с качеством поставляемой Индии российской морской техники. Мы проиграли французам тендер на продажу Индии современных истребителей и, скорее всего, из-за фатального отставания в инновационных технологиях не сможем на равных конкурировать с западными производителями оружия. Тем не менее Индия, скорее всего, еще долго будет нуждаться в военном сотрудничестве с Россией, поскольку у нее 70–80% оружия советского и отчасти российского производства.

Торгово-экономические отношения между Россией и Индией в последние годы оживились. В частности, при содействии России будут сооружены четыре блока ядерной АЭС в штате Тамилнад в дополнение к двум блокам, построенным ранее. Реализуется совместно с Россией проект создания двухместного истребителя пятого поколения FGFA на базе российского Т-50 (ПАК ФА)[7]. Начался неуклонный рост товарооборота: в 2008 г. – 7 млрд. долл., в 2009 – 8,4 млрд., в 2010 г. – 9 млрд. долл. Товарооборот Индии с Китаем в 2010 г. составил примерно 60 млрд. долл., со странами Евросоюза – 110 млрд. и с США – 38 млрд. долл., уменьшившись на 15% по сравнению с предыдущим годом[8].

И, несмотря на высокие темпы роста, на то, что в Индии средний класс составляет 250–300 млн. человек, зона нищеты еще остается огромной – по официальным данным на 2010 г., еще 372 млн. индийцев живут за чертой бедности[9].

Но каких-то особых отношений между Россией и Индией в рамках БРИКС по определению не будет, ибо ее национально-государственные интересы диктуют многовекторную политику. Она участвует в работе Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в качестве наблюдателя, как и Пакистан, Иран, Монголия, а военные учения проводит и с Россией, и с Китаем, и с США, и с Великобританией. А после посещения Индии сначала премьером Госсовета КНР Вэнь Цзябао (2006), а затем и председателем КНР Ху Цзиньтао (2007) было объявлено о стратегическом партнерстве двух стран. После ухудшения отношений между США и Пакистаном последний, можно предположить, усилит свое сближение с Китаем, что, конечно же, не может отвечать интересам Индии. Поэтому логично ожидать дальнейшее расширение ее сотрудничества с США, в том числе и в военной области.

7. 31.01.2011www.timesru.com

8. http://www.finmarket.ru/z/nws/news.asp?id=1293140; http://www.gmu-countries.ru/ asia/india/lenta2011.html

9. http://blogs.ruvr.ru/users/vedanta_ru/post131941990/

Растущая мощь Китая

Ключевой для нас страной в альянсах БРИКС, ШОС, равно как и вне их, конечно же, является Китай – огромная и с каждым годом становящаяся все более мощной пограничная страна, с которой мы взаимодействуем на протяжении многих веков. И хотя о Китае в отечественных и мировых СМИ уже много сказано, китайская тема стала еще более актуальной в период мирового финансово-экономического кризиса. И вот парадокс истории! Еще несколько лет назад в США было принято решение сдерживать развитие Китая, а сегодня известный американский политик и политолог Збигнев Бжезинский предлагает создать союз (G-2) между США и КНР как самых мощных стран в мире. Сегодня на быстрое развитие КНР страны Запада смотрят как на локомотив, который поможет вывести их экономики из кризиса, и чуть ли не с протянутой рукой ждут от него финансовой помощи. Сама возможность снижения роста Китая, скажем, с 10 до 8–7% (чего давно хочет руководство Китая из-за боязни перегрева экономики) уже лихорадит западные биржи.

Было время, когда мы помогали Китаю создавать чуть ли не с нуля отрасли тяжелой промышленности, готовить кадры специалистов, развивать науку и т.д. И даже в 1990-е годы, когда речь заходила о торговле с Китаем, некоторые наши чиновники задавали риторический вопрос: «А что нам у китайцев покупать!?» С тех пор ситуация коренным образом изменилась. В Китае мы можем покупать очень много из того, в чем нуждаемся, но сами, кроме сырья, мало что можем им предложить из-за низкой конкурентоспособности нашей продукции. За вычетом военной техники и небольшого ассортимента машин и оборудования. Молодые и средние поколения китайцев о России знают мало и мало ею интересуются, поскольку в отличие стран Запада мы не присутствуем ни в духовной жизни, ни в материальной сфере современного Китая. А те китайцы, которые с нами взаимодействуют в области деловых отношений, сталкиваясь с откровенно наглыми поборами наших чиновников, не лучшего о нас мнения. Занимающийся бизнесом в Китае востоковед В.П. Невейкин пишет: «Практически все уверены, что в России нет государства в общечеловеческом понимании этого слова. А в стране “правят” криминальные группы, которые внешне пытаются походить на государственных чиновников»[10].

Некоторые китайские ученые открыто говорят о нашей деградации. Так, профессор школы экономики и финансов Гонконгского университета Сюй Чэнган в статье «Заблуждения России и чего должен остерегаться Китай» писал: «Скорость, с которой Россия переживает научный и экономический

10. Невейкин В. Что думают китайцы о современной России. – Эхо Москвы, 24.09.2011.

распад, находится за пределами воображения. На технологическом уровне экономика этой страны уже давным-давно позади традиционалистских арабских стран – экспортеров нефти. Вопрос не только в отсутствии инноваций, но и в том, что, за исключением ВПК, в России вообще нет заслуживающей внимания промышленности. Если бы не черное золото в ее недрах, Россия была бы одной из наиболее нищих стран мира, и так называемые страны БРИК превратились бы в "БИК"»[11].

Благодаря хорошо продуманной модели реформ, которую китайцы не заимствовали, как мы, а сами разрабатывали, сильной команде реформаторов, хорошо продуманным четким правилам ведения бизнеса, порядку в стране и беспощадной борьбе с коррупцией и криминалом, Китай беспрецедентно быстро развивается вот уже более 30 лет. В предкризисный 2008 г. ВВП Китая вырос на 9%, составив более 4,4 трлн. долл. В кризисном 2009 г. он увеличился на 8,7%, достигнув 5 трлн. долл. В 2010 г. ВВП вырос на 10,3%, составив более 6 трлн. долл., что по ППС равно (по подсчетам МВФ) 10,1 трлн. долл. В пересчете на душу населения это составляет 4 тыс. долл. по номиналу и 7,5 тыс. по ППС. (Исходя из предполагаемой численности населения 1,5 млрд. человек, а не официальной – 1,3 млрд.)

Золотовалютные резервы (ЗВР) Китая росли также невероятно быстро. По этому показателю КНР еще в 2006 г. уступала Японии, имевшей 1 трлн. долл. Однако в 2008 г. ЗВР выросли до 2 трлн. долл., к началу 2010 г. – до 2,6 трлн., а в конце того же года они составили уже 3 трлн. долл., что в 3 раза больше, чем у Японии, и больше чем у остальных стран БРИКС, вместе взятых.

Также стремительно наращивалось производство автомашин. Китайцы стартовали с дореформенных 149 тыс., в 2002 г. вышли на уровень 2 млн., а в 2010 г. уже 19 млн. (вместе с грузовиками и автобусами).

Внешнеторговый оборот за 30 лет реформ вырос более чем в 100 раз. Причем он рос и в период кризиса, составив в 2010 г. 3 трлн. долл. Китай, таким образом, занял первое место по экспорту, оставив позади вначале Японию, а затем и Германию.

Китай быстро наращивает и научно-технический потенциал. Он подготовил на Западе сотни тысяч высококлассных специалистов. Расходы на НИОКР в пределах 2% ВВП, что во много раз больше, чем в России и других странах БРИК. Мы только еще планируем создать свою «кремниевую долину» в Сколково и привлечь туда для работы западных ученых и специалистов, а Китай уже в 1980-х годах создал гигантские по любым меркам «кремниевые долины» Шэньчжэнь на юге страны и Чжунгуаньцунь в Пекине и

11. http:/wiew/yandex.net/?url=http%3A%2F%webattach.mail.yandex.net%2Fmessage…

вокруг него. Но есть еще огромный научно-технический центр в Шанхае и такие же центры, хотя и меньшего масштаба, практически в каждом крупном городе. Это не говоря уже о том, что крупнейшие мировые корпорации основали в Китае около 800 научно-исследовательских центров.

И вот результат. Уже десять китайских университетов признаны лучшими в мире против наших двух. Доля высокотехнологичной продукции в экспорте постоянно поднимается, составляя 23–25% против нескольких процентов в российском экспорте. Причем доля этой продукции у нас с каждым годом падает. Китай уже стал третьей в мире космической державой, имеет стратегические ракеты и противоракеты, производит современные военные самолеты и форсирует доработку истребителя пятого поколения (J-20) по технологии «Стелс» («невидимка»). Скоро начнется массовый выпуск гражданских самолетов.

Ученые в Китае получают примерно в 2 раза больше, чем в России и престиж их очень высокий. Научные лаборатории там, как правило, оснащены современным оборудованием. А научные учреждения разрабатывают планы текущего и долгосрочного развития экономики и страны в целом. У нас этим занимаются чиновники, которые часто не только плохо знают законы экономического развития, но и экономику собственной страны.

Чтобы понять, где лежат стратегические интересы Китая, следует обратить внимание на его торгово-экономических партнеров. В докризисном 2008 г. товарооборот со странами ЕС составил 425,58 млрд. долл., с США – 333,74 млрд., с Японией – 266,78 млрд., с Индией – 51,78 млрд. долл. С Россией в 2008 г. товарооборот вырос до 58,8 млрд. долл.: экспорт – 23,8 млрд. и импорт – 33 млрд. долл. при отрицательном для нас сальдо в объеме чуть больше 9 млрд. долл. В 2009 г. товарооборот между странами упал до 38 млрд. долл., а в 2010 г. за счет экспорта в Китай нефти он поднялся до 59 млрд. долл. Такой товарооборот с Китаем наши эксперты называют неоколониальным: мы ему сырье, а он нам готовую продукцию.

Некоторые выводы

В политике экономические интересы, как известно, играют огромную, если не решающую роль. Для Китая Россия не является приоритетной страной, во-первых, хотя бы потому, что у Поднебесной объем торгово-экономических отношений с ней мизерный, по сравнению с Америкой, Евросоюзом и даже Японией. Так, до кризиса доля России во внешнеторговом обороте Китая составила всего лишь 2,22%. Следовательно, приоритетными для него были и остаются страны Запада и Япония, которым он не только продает свои товары, но и покупает у них машины, оборудование и технологии.

То, что Китай хочет иметь безопасную границу на востоке и севере страны и, соответственно, заинтересован иметь с Россией добрососедские отношения, как и мы с ним, – это понятно. Однако экономические интересы России и Китая, пожалуй, больше не совпадают, чем совпадают. Китайцы смотрят на Россию как на источник сырья и рынок сбыта их готовой продукции и не проявляют интереса к совместным разработкам новых технологий и даже к созданию совместных производств. Они заинтересованы в понижении цен на сырье, а мы – в их повышении. Они, построив на своей стороне границы деревообрабатывающие заводы, заинтересованы в получении дешевого необработанного леса, а нам это, естественно, невыгодно.

Китай успешно сокращает наши возможности в бывших республиках СССР и бывших соцстранах. Если говорить о Центральной Азии, то речь идет прежде всего о Казахстане (нефть) и Туркменистане (газ). Особо болезненным для нас может стать уменьшение поставок газа из Туркменистана. И когда аналитики говорят, что место конкуренции может занять сотрудничество, в частности в рамках ЕврАзЭС и ШОС, то они не учитывают, с одной стороны, особенностей глобализации, в которой резко усилилась конкуренция между странами за источники сырья и рынки сбыта, а с другой – положение Китая. Чтобы успешно решать острые проблемы почти полуторамиллиардной страны, Китай должен быстро развиваться. Но для этого ему нужны ресурсы, и чтобы их получить, необходимо действовать умно, своевременно, энергично, напористо, да еще и иметь для этого свободные средства. И тут с Китаем никто не может соревноваться, тем более нынешняя Россия при ее слабом и не очень компетентном во многих областях руководстве.

В общем и целом Китай стремится реализовать только те проекты, которые выгодны ему. Скажем, ему нужен алюминий – он готов вкладывать средства в развитие электроэнергетики. Но наивно думать, что он будет содействовать модернизации пришедшего в упадок производства и образа жизни наших граждан на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири, на которые в свое время претендовал Мао Цзэдун, считая их территориями, отторгнутыми царской Россией от Китая. (На бытовом уровне в Китае часто говорят о нашем Востоке как о своей бывшей территории.) И то, что нынешние власти дезавуировали территориальные претензии к нам Мао, вовсе не значит, что, когда Китай станет второй в мире сверхдержавой (а это может случиться уже к 2020 г.), новые власти не вернутся к вопросу о «потерянных территориях».

В постсоветские годы с нашего Востока уехали 1,5 млн. наиболее квалифицированной рабочей силы, и этот край захирел и выглядит убого, жалко и безлюдно на фоне процветающих городов на противоположной стороне границы, выросших, кстати, лишь на торговле с нами и благодаря активной поддержке центральных властей. Там и численность населения раз в 10 больше, чем по нашу сторону границы. Российские граждане Дальнего Востока

в 90-е годы почувствовали себя брошенным центром и в итоге сейчас уже больше заинтересованы в экономических связях с Китаем, и отчасти с Южной Кореей и Японией, чем с Центральной Россией. Эксперты отмечают, что без государственной поддержки даже вновь создаваемое производство товаров широкого потребления будет обречено, поскольку не выдержит конкуренции с дешевыми китайскими товарами, которыми уже забиты тамошние рынки.

Для удержания Востока, где сосредоточены наши основные сырьевые ресурсы, крайне необходимы современные скоростные авто- и железнодорожные магистрали. И с этим вполне могли бы справиться китайцы: у них есть и локомотивы собственного производства со средней скоростью 350 км/ч. Притом, что строят они во много раз быстрее и, как минимум, в 3–5 раз дешевле, чем мы. За разного рода поборы, откаты и пр. у них суровые наказания. Кстати, китайцы активно участвовали в строительстве Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). «Проклятый царизм» умел тогда строить во много раз быстрее и дешевле, чем российская «суверенная демократия»: 7,5 тыс. км железнодорожной магистрали было построено в безлюдной и трудно проходимой местности за десять лет!

Другой вопрос: нужно ли умеющим смотреть на многие годы вперед китайцам помогать России в строительстве современных дорог из центра страны на Дальний Восток? Я отнюдь не настроен антикитайски и не отношусь к тем, кто россиян пугает Китаем. Напротив, я пишу о Китае с большой симпатией, восхищаюсь их изобретательностью, их упорством в достижении поставленных целей. И считаю, что нам с Китаем надо только дружить, стараться находить такие проекты, осуществление которых было бы взаимовыгодным и вело бы к возрождению нашего Востока, чтобы он не производил впечатление оставленного на волю судьбы края. Иная альтернатива – это худшая альтернатива. Но в то же время надо понимать: национальные интересы России и Китая далеко не во всем совпадают, а в чем-то и прямо противоположны. И не следует переоценивать наше совместное участие с КНР в БРИКС и ШОС. Поэтому мы, как это делают те же Китай и Индия, должны строить многовекторную внешнюю политику, не забывая, что нашим соседом, по существу, являются и США.

И примкнувшая ЮАР…

Что же касается нового члена альянса ЮАР, что добавило к аббревиатуре БРИК букву «с», то ее ресурсы более скромные. Население составляет около 50 млн. человек, ВВП – чуть более 500 млрд. долл. Однако это самая развития страна в Африке. Она богата природными ресурсами, у нее развита промышленность, в том числе военная (она даже создала свою атомную бомбу,

но потом ее уничтожила), машиностроение, телекоммуникационная сфера и т.д., а ведущими торговыми партнерами ЮАР являются страны Евросоюза, США, Япония, страны Ближнего Востока и др. Она также уже давно активно сотрудничает с рядом стран теперь уже бывшего БРИК, но особенно с Китаем.

Может возникнуть вопрос: почему ЮАР, которая и по населению, и по своему экономическому потенциалу не может считаться ровней странам БРИК, оказалась в их числе? А, скажем, Мексика или Индонезия – нет? Тем более ЮАР нельзя назвать и быстро развивающейся страной, поскольку темпы ее роста в пределах 5%. Есть версия, что перед саммитом на острове Хайнань в альянс ее пригласил Китай, заинтересованный в богатых минеральных ресурсах этой страны. Согласно другой версии, руководители стран БРИК хотели придать своему альянсу планетарный характер, с тем чтобы в нем были представлены не только Европа, Азия и Латинская Америка, но и Африка.

Но только проблем в ЮАР, пожалуй, больше, чем у других стран БРИКС. Во-первых, ЮАР появилась на месте режима апартеида и расовой дискриминация, который был создан белыми расистами и в котором полноправными гражданами считались только белые. Это оставило глубокие шрамы на теле родившегося после ликвидации режима многорасового общества. Немалая часть темнокожих, составляющих большинство населения страны, живут еще в условиях традиционного общества, и уровень их жизни несопоставим с уровнем жизни белого населения, да, пожалуй, и других этнических групп. А состав населения таков: чернокожие – 79,4%, белые – 9,2, цветные (в основном мулаты) – 8,8, индийцы и азиаты – 2,6%.

Во-вторых, довольно высокий уровень развития страны в основном обеспечивается белым населением, численность которого с каждым годом сокращается за счет эмиграции. Если случится серьезный межобщинный конфликт и начнется массовый исход белых, то экономика рухнет, деградируют многие сферы государственной и общественной жизни, как это произошло в соседней Зимбабве.

В-третьих, ЮАР является одной из некоторых африканских стран, где очень высокий уровень ВИЧ-инфицированных (около 6 млн. человек). Достаточно сказать, что средняя продолжительность жизни в ЮАР (в основном это касается негритянского населения) составляет 50 лет у мужчин и 48 лет у женщин. Острая проблема, стоящая перед ЮАР, – это высокий уровень безработицы и организованная преступность.

Россия потеряла право быть в составе БРИК?

Именно так вопрос ставили аналитики многих рейтинговых агентств после начала кризиса, когда из 20 наиболее быстро растущих стран (G-20) Россия понесла наибольшие потери. Произошло снижение ВВП на 7,9%, об-

валился фондовый рынок, штопором пошла вверх инфляция. А главное, когда обнаружилось, что российская экономика держится в основном на сырье, – О'Нилл «вдруг увидел», что в России не развита инфраструктура, не гарантировано право собственности, нет верховенства закона, тотальная коррупция – и все это, по его мнению, может свести на нет ее экономический потенциал. Немецкий эксперт Аналитического центра Deutsche Bank Маркус Йегер пришел к выводу, что различия в экономической мощи между странами БРИК столь велики, что аббревиатура должна разделиться на БРИ и Китай, экономика которого сильнее всех остальных участников этого условного альянса и развивается значительно быстрее. Некоторые другие аналитики стали говорить о необходимости разделить аббревиатуру на две части: «БР» и «ИК». При создании этого термина, дескать, в него включались страны, экономические показатели которых были сравнимы на тот момент. Кризис, однако, обнаружил, что у каждой из этих стран свой потенциал и свои проблемы, когда-то они шли параллельными дорогами, а теперь их пути расходятся. Были и такие авторы, которые предрекали скорое исчезновение акронима БРИК.

Что касается деления на аббревиатуры БРИК на БРИ и Китай и на «БР» и «ИК», то это не более чем игра мысли. Во-первых, Россию и Бразилию мало что связывает, притом что у последней, повторюсь, есть стремление быть лидером стран Южной Америки, а у России особый интерес на постсоветском пространстве. Отдельно Индия и Китай вряд ли могут составить какой-то альянс. У них остаются территориальные споры, и они объективно выступают конкурентами на азиатском материке. Китай, действительно, мог бы существовать сам по себе, однако считает, что какие-то крупные вопросы международной политики и экономики эффективнее решать вместе с другими влиятельными странами.

Во-вторых, будет ли существовать или распадется БРИКС, это решать не создателю этого акронима Джиму О'Ниллу и не банку, в котором он работает, ни кому бы то ни было за пределами этого альянса. Это руководители стран БРИК и доказали, расширив свои ряды за счет ЮАР, а не Мексики или Индонезии, как предлагали некоторые западники аналитики. Дело в том, что эти аналитики – специалисты по финансово-экономическим вопросам, а БРИКС – это не финансовый или экономический союз, а политическая и даже геополитическая данность. И поскольку она не направлена против третьих стран, то, как таковая, она будет существовать до тех пор, пока будет отвечать интересам ее участников. А такие интересы, как можно предположить, еще долго будут сохраняться.

Практически все западные аналитики указали на уязвимость российской экономики, что беспокоит многих и в России. Постсоветские власти сделали ставку на невосполнимое сырье, и прежде всего – на нефть и газ, которые либо кончатся, либо упадут в цене. И если это произойдет до того, как будет

создана новая экономика (а на это, по опыту Японии, Южной Кореи, да того же Китая, уходит не меньше 20–30 лет), то развитие России может пойти по катастрофическому сценарию. На это указывали академики РАН Л.И. Абалкин, Р.И. Нигматулин, Т.И. Заславская и др. А заместитель директора Института прикладной математики РАН доктор физико-математических наук Г.Г. Малинецкий уже не раз озвучивал сценарии развития России, подготовленные учеными этого института. На основе динамической теории информации ими сделан был геополитический прогноз для России на 2030 г. Если экономика страны будет развиваться по инерционному сценарию (так, как ныне), то и без внешнего вмешательства вероятен распад России на зоны влияния других цивилизаций. В 2001 г. Малинецкий и член-корреспондент РАН С.П. Курдюмов подготовили для РАН доклад, в котором доказывали, что если не будут обновлены машинный парк, оборудование и инфраструктура, то примерно через десять лет начнется коллапс, что на деле уже и происходит сейчас: едва ли не каждый день падают или совершают вынужденную посадку самолеты и вертолеты, тонут суда, сходят с рельсов поезда, взрываются или горят склады, лопаются трубопроводы, горят школы, интернаты, жилые дома, офисы, леса, из-за плохих дорог происходят многочисленные ДТП и т.д.

Властям стоило бы прислушиваться к доводам авторитетных российских ученых, дабы не произошло худшее. Многие беды в нашей стране случались именно потому, что мнение науки властью игнорировалось.

Е.Е. Шестакова

ОСТРЫЕ ВОПРОСЫ ПЕНСИОННОЙ РЕФОРМЫ: ДАЕТ ЛИ НАМ ОТВЕТ ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ?

**Шестакова Елена Евгеньевна – кандидат эк
ведущий научный сотрудник Института эко**

Поиск путей сочетания солидарной взаимопомощи и индивидуальной ответственности за социальные риски

В современных демографических и социально-экономических условиях в цивилизованном мире необходимость сохранения действующих, достаточно щедрых распределительных систем пенсионного обеспечения с высокой ответственностью государства за их бесперебойное функционирование, постоянно подвергается сомнению. В качестве более работоспособных и эффективных оцениваются многоуровневые системы, предполагающие расширение участия застрахованных лиц в управлении своими рисками прежде всего за счет накопления средств для обеспечения своей достойной старости. В то же время имеется немало сторонников точки зрения, что накопительные системы нельзя оценивать как беспроблемный способ содержания растущего числа пенсионеров. Более того, среди причин недавнего финансового кризиса фигурирует и деятельность огромных частных пенсионных фондов, их немалый вклад в раскручивание финансовых спекуляций. Основными причинами происходящих неблагоприятных изменений и неудовлетворенности традиционными распределительными системами являются качественные изменения в демографическом составе населения, рост частичной и неформальной занятости и раннего выхода на пенсию в условиях высокой безработицы, сокращающие продолжительность трудовой жизни и базу страховых платежей, снижение мотивации особенно вновь выходящих на рынок труда работников в участии в национальных пенсионных системах, возрастание финансового бремени социального страхования для социальных партнеров, несущее с собой серьезные макроэкономические и структурные угрозы.

Степень остроты пенсионных проблем везде разная. Наиболее серьезные сложности, связанные с ростом числа старших возрастных групп в результате увеличения ожидаемой продолжительности жизни, в самой ближайшей перспективе прогнозируются в наиболее развитых странах. Старение населения государств данной группы происходит давно, но сложность современного этапа состоит в том, что большинство из них переходят к стадии ускорения темпов старения, сокращения численности и доли населения трудоспособных возрастов, отрицательного естественного прироста.

Демографическая структура жителей основной части государств Азии, Африки и Латинской Америки не создает серьезных проблем для пенсионного обеспечения, но перспективы достаточно тревожны. Развивающийся мир встанет перед лицом огромного демографического дисбаланса, связанного со снижением численности когорт трудоспособного возраста к середине XXI в., возможно не успев достигнуть высокого уровня экономического развития и благосостояния. Доля лиц в возрасте 65 лет и старше по отношению к трудоспособному населению в настоящее время в мире составляет 10%, к 2050 г. по прогнозам возрастет до 17–18% (есть и более пессимистические прогнозы – 25%), в ЕС это соотношение увеличится с 25 до 45%, в Китае – до 37, Латинской Америки до 29, в Индии – до 22% [5, с. 3].

Первые национальные пенсионные системы, возникшие в Европе в конце XIX – начале XX в., в том числе и система Бисмарка, относились к частным накопительным страховым схемам, финансируемые работниками и работодателями без финансового участия и гарантий государства. Вплоть до реформы 1956 г. пенсия в Германии представляла собой минимальное социальное пособие, а не компенсацию утраченного дохода (достойный уровень материального обеспечения должны были обеспечить другие накопления и семья). Распределительный принцип финансирования пенсий в немецкой практике был вместе с реформой системы введен только в середине 50-х годов прошлого века (при этом предполагалось сохранение резервного запаса для выплаты пенсий в течение года). Основными характеристиками сложившейся к настоящему времени немецкой профессиональной трудовой модели пенсионного страхования (которая в основных чертах сохранилась кроме Германии, в Австрии, Бельгии, Италии, Японии, Испании) являются использование страхового принципа эквивалентности между взносами и выплатами, и сохранение для застрахованных лиц уровня жизни и социального статуса при выходе на пенсию. Важным условием устойчивого функционирования данной модели служат договорное профессиональное и межотраслевое регулирование заработной платы. В теоретическом плане данную модель можно рассматривать как последовательное воплощение принципа субсидиарности или оптимальной поддержки, опека государства используется в тех сферах и объемах, в которых у групп и индивидов нет возможности самостоятельно

решать свои проблемы жизнеобеспечения. Кардинальное изменение роли государства в социальном обеспечении связывается с другой классической моделью социального страхования – моделью Бевериджа, основными чертами которой является предоставление государством базовых гарантий социальной защиты всего населения, ориентированных на сохранение социально приемлемого минимального уровня доходов и профессиональное страхование наемной рабочей силы. Данная модель предназначена компенсировать часть утраченной заработной платы в связи с потерей трудоспособности. Она исходит из необходимости следования не только групповой, но и общенациональной солидарности, взаимной ответственности индивида и общества. В основу формирования ее первоначального варианта были положены принципы всеобщности (универсальности) социальной защиты и единообразия и унификации социальных услуг (равные пособия за равные взносы). Смысл концепции – гарантированное предоставление каждому гражданину определенного дохода, возможность реализации его неотъемлемого права на минимальную социальную защиту при наступлении нетрудоспособности независимо от его принадлежности к активному населению. На формирование этой патерналистской концепции государства большое влияние оказали идеи Кейнса о необходимости государственного вмешательства в экономику и перераспределения доходов в интересах наименее обеспеченных групп, способного повысить денежный спрос массовых покупателей. Из-за ограничения финансовых источников (низкого уровня страховых взносов, приспособленного к доходам малообеспеченных слоев) в своем первоначальном варианте данная модель просуществовала недолго, однако она дала толчок к формированию целой серии универсальных пенсионных систем, включающих в качестве важного элемента независящий от ранее получаемого гражданами дохода, базовый уровень.

Новый контракт поколений или возвращение к хорошо забытому старому?

Условия формирования классических моделей пенсионных систем, основанных на распределительных принципах, кардинально отличались от современных: для периода 50–60-х годов XX в. были характерны длительные сроки трудовой активности, существенно меньшая продолжительность жизни, низкий уровень безработицы (в пределах 2–5% экономически активного населения), стабильная демографическая ситуация, на каждого получателя пенсий приходилось пять-шесть плательщиков страховых взносов. Первая серия пенсионных реформ (70-е годы) была связана с ухудшением положения на рынке труда, ростом безработицы среди молодежи и вылилась в поощрение досрочного выхода на пенсию лиц старших возрастных групп. Второй этап

реформирования пенсионных систем в группе наиболее экономически развитых государств длится уже более двух десятилетий. Он включает поиск наиболее эффективных моделей пенсионного обеспечения, способствующих достижению компромисса между уровнем социальной защиты и готовностью социальных партнеров его финансировать, снижению бремени финансовой нагрузки на государственные бюджеты. Продолжаются дискуссии по поводу неизбежности перехода от государственной распределительной системы к частной накопительной. В 90-е годы предлагались достаточно радикальные неолиберальные проекты трансформации систем социальной защиты, предусматривающие возврат к индивидуализму, дерегулирование и приватизацию систем социальной защиты, но западное общество весьма неоднозначно отнеслось к их реализации, сохранив приверженность принципу совместного принятия социальных рисков. Наиболее серьезные трансформации своих пенсионных систем с введением обязательных накопительных элементов под частным управлением осуществили государства с формирующимися рынками – восточноевропейские и латиноамериканские.

Из 34 государств, входящих в ОЭСР, в 1/3 стран охват частным пенсионным страхованием остается крайне незначительным, в 11 – частные накопительные пенсионные программы являются обязательными, еще в девяти государствах широкий охват получили добровольные частные пенсии (прежде всего в государствах с либеральными социально-экономическими системами, в том числе в Великобритании, США). Расходы на пенсионное обеспечение в среднем в государствах ОЭСР составляют 8,4% ВВП (в отдельных государствах – 12–13%). Но в ближайшей перспективе при сохранении современных демографических тенденций прогнозируется увеличение данного уровня в полтора раза, почти до 11,4% ВВП. В среднем, особенно высокие расходы на пенсионное обеспечение к 2050 г. (16–17%) прогнозируются для Испании, Германии и Франции [4].

Соотношение распределительной и накопительной компонент в пенсионных системах

Сторонники сохранения значительной доли распределительной компоненты в пенсионном обеспечении, в частности Международная ассоциация социального страхования, доказывают, что система социального страхования должна основываться на солидарности лиц, находящихся внутри- и вне- рабочей силы, т.е. тех, кто платит взносы и тех, кто получает пособия и услуги, а индивидуализированные системы не в состоянии удовлетворять современные, постоянно изменяющиеся потребности в социальном страховании и эффективно защищать от социальных рисков, особенно в государствах со средним и невысоким уровнем экономического развития. Главными недостатками

солидарных распределительных систем считаются их уязвимость по отношению к демографическим изменениям, особая чувствительность к соотношению численности плательщиков взносов и пенсионеров. К негативным сторонам относится и то, что взносы в распределительных системах воспринимаются плательщиками как налог, а не отложенное потребление или часть личных сбережений, поэтому функционирование системы зависит от эффективности контроля за правильностью начисления страховых взносов или за уплатой специальных социальных налогов. В странах, где возможность проводить политику эффективного контроля ограничены, устойчивость распределительных систем подрывается массовым уклонением от уплаты страховых взносов. Это положение послужило важным доводом в пользу введения многоуровневых систем в государствах Центральной и Восточной Европы.

Накопительные системы являются более предпочтительными в условиях, когда процент доходности по инвестициям превышает процент роста базы взносов в страховую систему и наоборот. Но накопительные системы не являются более надежными или предсказуемыми, чем распределительные, они также подвержены демографическим и общеэкономическим рискам. Пенсионные накопления не могут в целом решить проблему растущей демографической нагрузки, ключевым фактором для ее решения является рост производства и создание качественных рабочих мест. В условиях падающего производства и роста цен на товары и услуги неизбежно снижение реальной величины пенсионных обязательств и сокращение покупательной способности пенсионеров. Приверженцы накопительных систем стараются обходить проблему расходов на ее функционирование, особенно если речь идет о децентрализованных системах, и априори считают, что улучшение состояния мировой экономики приведет к возобновлению роста пенсионных накоплений.

Кризисные явления в экономике конца 2000-х годов привели к снижению доверия к частным пенсионным структурам, замедлению реформ и возврату в ряде стран к традиционным распределительным системам. С целью защитить накопления граждан от влияния мирового кризиса частные пенсионные фонды в 2008 г. национализировала Аргентина. В Словакии гражданам в 2008 г. была предоставлена возможность вернуться в государственную систему, обязательный характер участия в накопительном пенсионном страховании для всех вновь выходящих на рынок труда был заменен на добровольный. В 2010 г. Венгрия фактически национализировала частные пенсионные фонды, занимающиеся обязательным накопительным страхованием, средства фондов были переведены в государственную распределительную систему. Разворот потоков от частных пенсионных фондов в государственную систему для покрытия дефицита, хотя бы в краткосрочной перспективе, осуществили Эстония, Латвия и Литва. В Польше обсуждается вопрос о снижении размера

обязательных взносов в накопительную часть с 7,3 до 2,3% заработка работников, высвободившиеся 5% должны направляться в распределительную систему.

Серьезную проблему для современных пенсионных систем представляет одновременное обеспечение и межпоколенческого равенства, справедливого распределения расходов на будущие пенсии между работающими и пенсионерами, и внутрипоколенческой справедливости, защиты наиболее уязвимых групп работающих и пенсионеров. К современным пенсионным системам предъявляются требования обеспечения социальной эффективности, т.е. предоставление гарантий всем застрахованным на достойное существование, реализации функции компенсации утраченного дохода, обеспечения общего соответствия пенсионных выплат уплаченным взносам (индивидуальная справедливость, эквивалентность степени участия и прав на получение выплат), а также достижения экономической эффективности и приемлемости, включающие установление размера тарифа, который не был бы чрезмерно обременительным для страхователей, но одновременно бы обеспечивал необходимый объем средств для осуществления текущих и будущих пенсионных выплат. Среди важнейших критериев оценки фигурируют финансовая стабильность и гибкость системы, ее возможность противодействовать демографическим, экономическим и политическим изменениям. Широкую поддержку и среди ученых и среди практиков получила идея о необходимости изменения межпоколенческого контракта, но не все его элементы окончательно ясны. Должна ли солидарная часть систем основываться только на поддержке занятого населения, не следует ли расширить критерии выбора, использовать общее налогообложение, другие источники финансирования (это особенно актуально для РФ, с уменьшающимся кругом плательщиков взносов и слабой дифференциацией пенсий)? Каков достижимый в современных условиях процент замещения получаемого дохода, который обеспечивает обязательное страхование? Соответствует ли действительности тезис об увеличении предложения труда при снижении страховых взносов? Эти вопросы не нашли своего разрешения.

Изменение баланса солидарных и накопительных элементов пенсионных систем

Пока эти общие очертания нового межпоколенческого контракта проявляются в постепенном снижении внутренних долговых обязательств государства, в том числе перед будущими пенсионерами, сокращении уровня замещения пенсией трудовых доходов за счет распределительной части и повышении официального пенсионного возраста.

Видимым результатом длительного и успешного действия традиционных распределительных и смешанных систем пенсионного страхования в группе развитых стран является достигнутый высокий уровень замещения пенсией индивидуальных трудовых доходов работников, особенно со средним и низким уровнем заработка и кардинальное снижение бедности среди пожилых людей. Процент замещения пенсией заработков лиц со средними доходами за счет обязательных солидарных схем составляет в среднем в странах ОЭСР 42% (максимум в Словакии и Финляндии – 57, более 50 – во Франции, Чехии, ниже 40 – в Австралии и США, в Англии – 30%). Обязательное частное страхование, там, где оно действует, повышает уровень замещения на 13%, добровольное – на 9%. Общий процент замещения заработка пенсией у работников с доходом 50% от среднего национального за счет обязательных страховых систем составляет 72%, со средними доходами – 57%, с доходами в размере 1,5 от средних по стране – 52%. Разные пенсионные модели обеспечивают приблизительно одинаковый суммарный процент замещения; в государствах, где действуют главным образом распределительные системы, средний общий процент замещения составляет 64% заработка, при смешанных системах (распределительные и обязательные накопительные) процент возмещения – 62% (в том числе за счет обязательного накопления 22–32%) [6, с. 119].

Большая группа стран планирует сохранить или добиться стабилизации финансового положения пенсионных систем, используя в перспективе равномерное сокращение пенсий для всех категорий получателей как с высокими, так и низкими пенсионными доходами (Австрия, Финляндия, Германия, Италия, Япония). В среднем пенсии, рассчитываемые по новым правилам, должны быть на 20–22% ниже, чем пенсии для работников со средними доходами и полным стажем в настоящее время.

В другой группе стран также намечено снижение размера будущих пенсий, но реформы предусматривают более высокий уровень защиты доходов лиц с низкими пенсиями. В эту группу входят, например, Франция и Швеция. Для работников со средними доходами предполагаемое снижение пенсий, предоставляемых системой обязательного страхования, должно составить 20%, для работников с низкими зарплатами (50% от средних) – 5%. В восточноевропейских странах взят курс на укрепление связи между пенсиями и трудовыми доходами, усиление страхового характера национальных систем[1].

При всем различии подходов к повышению макроэкономической стабильности систем пенсионного страхования, практически общей тенденцией процесса реформирования стало увеличение степени вовлечения в пенсион-

1. Коэффициент замещения для лиц с доходами 0,5 средней заработной платы в Польше по прогнозам снизится с более чем 80 до 60%.

ное накопление населения (в одних случаях принудительное, в других – добровольное). Добровольное пенсионное накопление наиболее успешно развивается и охватывает максимальное число занятых (до 45–50%) в странах, в которых обязательное пенсионное страхование обеспечивает относительно невысокий уровень замещения заработной платы (до 40%), особенно для средне- и высокооплачиваемых работников (США, Великобритания, Япония). В государствах, где уровень замещения пенсией заработной платы выше (50–60%), степень охвата добровольным страхованием существенно меньше, во Франции и Финляндии в систему добровольного пенсионного страхования включено 20% занятого населения, в Италии, Португалии, Испании – менее 10% [6, с. 120].

Государственное стимулирование добровольных накоплений в большинстве случаев включает льготное налогообложение. Для повышения гарантий выполнения обязательств перед пенсионерами предусматриваются особые условия минимизации инвестиционных рисков: создание страховых резервов и обязательное страхование субъектами инвестирования средств пенсионных накоплений.

В среднем активы частных пенсионных фондов составляют около трети национальных ВВП в группе экономически наиболее развитых стран, лидерами здесь (более 100% национальных ВВП) выступают государства с обязательными накопительными системами – Австралия и Нидерланды, в государствах с традиционными солидарными страховыми моделями доля пенсионных фондов не превышает 5% ВВП (к этой группе относятся Австрия, Бельгия, Франция, Германия).

Резервные фонды распределительных систем

Параллельно с тенденцией роста числа различных коллективных накопительных систем под частным управлением можно проследить тенденцию роста частичного накопления средств через резервные фонды распределительных систем. Главными целями формирования резервных фондов, действующих в Канаде, Франции, Японии, Скандинавских странах, США, провозглашаются сглаживание колебаний уровня налогообложения, сохранение относительно постоянной величины страховых взносов и рост национальных накоплений.

Традиционно резервные фонды делятся на две большие категории: резервные фонды, формируемые как часть системы социального страхования в основном за счет превышения взносов социальных партнеров над текущими выплатами, и суверенные резервные фонды, выделенные из системы социального страхования и финансируемые главным образом на основе прямых налоговых трансфертов правительства. Наиболее крупными в первой группе

являются Трастовый фонд социального страхования США, Национальный резервный фонд Японии, далее следуют с большим отрывом (с точки зрения объема средств) Национальный пенсионный фонд Кореи и Канадский пенсионный фонд. Во второй группе (суверенные резервные фонды) лидерами выступают Правительственный пенсионный фонд Норвегии, Австралийский фонд будущего, Французский резервный фонд [1, с. 7]. В целом резервные фонды аккумулировали, по данным за 2009 г., в 4 раза меньше средств, чем коллективные корпоративные и традиционные частные пенсионные фонды (соответственно 4,6 трлн. долл. и 16,8 трлн. долл.). Но есть примеры стран (Франция, Япония, Республика Корея, Норвегия и Швеция), где объем средств резервных фондов значительно превышает средства, сконцентрированные в негосударственных пенсионных фондах. В среднем резервные фонды составляют 19,6% ВВП государств ОЭСР, максимального значения они достигают в Швеции – 27% ВВП, Южной Кореи и Японии – 26% [6, с. 11].

Пенсионный возраст

Другое общее направление реформирования пенсионных систем касается повышения официального пенсионного возраста и ограничения возможностей досрочного выхода на пенсию по старости. Длительная трудовая жизнь определяется как необходимое базовое условие для получения адекватной пенсии. В европейских странах в настоящее время действуют два возрастных лимита: нормальный пенсионный возраст, в котором пенсионер может рассчитывать на неурезанную пенсию и разрешенный ранний возраст, как правило со снижением размера пенсии. Средний процент сокращения пенсии составляет 4,4% за каждый недоработанный до официального пенсионного возраста год. Но есть примеры и более значительного снижения (например в Канаде более 7%) и, наоборот, отсутствия применения такой меры при наличии необходимого страхового стажа (Франция, Германия, Бельгия) [6, с. 12]. Для мужчин средний эффективный возраст выхода на пенсию снизился с конца 60-х годов прошлого века с 68,6 лет до 63,5 лет (2009), для женщин соответственно с 66,7 до 62,3 лет. Среди основных причин ухода с рынка труда до достижения нормального пенсионного возраста респонденты называют возможность ухода на раннюю пенсию (20%), болезнь и инвалидность (15), окончание контракта или увольнение (20), другие причины, в том числе личные – 10% [5, с. 58].

Комиссия ЕС по вопросам труда, социальным вопросам и политики социальной интеграции в июле 2010 г. вынесла на обсуждение «Зеленую книгу», представляющую стратегическую программу Еврокомиссии в области пенсионного обеспечения, основной целью которой является повышение пенсионного возраста в перспективе до 67–70 лет и снижение доли лиц выходя-

щих на пенсию до достижения официального пенсионного возраста. Гарантией адекватности и стабильности пенсионной системы, с точки зрения Комиссии, является прежде всего достижение положения, при котором время, проведенное на пенсии, не увеличивалось по сравнению с трудовым периодом.

В целом ряде развитых стран, несмотря на противодействие населения, в отдельных случаях крайне активные (вспомним выступления против реформ во Франции), вопрос постепенного повышения официального пенсионного возраста является практически решенным. Законы о постепенном повышении нормативного пенсионного возраста до 67 или 68 лет приняли Дания, Германия, Великобритания. Восточноевропейские государства – Польша, Чехия, Хорватия, Румыния, Венгрия – увеличивают пенсионный возраст мужчин до 65 лет. Для женщин в государствах восточноевропейского региона возраст повышен до 60 лет и остается меньше, чем для мужчин, кроме Венгрии и Словакии, где в этом вопросе нет гендерных различий. Серьезной корректировке подвергается система ранних пенсий: повышается возраст, дающий право на досрочный выход на пенсию, усложняются условия ее получения, в том числе увеличивается необходимая продолжительность страхового стажа.

В России вопрос повышения официального пенсионного возраста (до 62–63 лет мужчин и до 60–62 лет женщин) на ближайшую перспективу, вероятно, закрыт, но опасения, что это лишь отложенная на предвыборный период задача, сохраняются. Среди факторов, которые действуют против повышения пенсионного возраста, являются возможность возрастной безработицы, низкая продолжительность жизни и неудовлетворительное состояние общественного (популяционного) здоровья, высокие трудовые нагрузки (большая продолжительность рабочей недели) и худшие условия труда, чем в странах с более высоким пенсионным возрастом. Финансовая эффективность данной меры также не совсем ясна. Повышение пенсионного возраста одновременно влияет на доходы и расходы: периоды сбора взносов увеличиваются, а периоды выплат пенсий уменьшаются, в то же время те, кто дольше платил взносы, получают более высокую пенсию (если не менять условия назначения пенсий). Минздравсоцразвития РФ, выступающий против изменения пенсионного возраста на данном этапе, в качестве основных негативных побочных явлений называет рост расходов бюджета на выплату пособий по безработице лицам предпенсионного возраста, увеличение численности пенсионеров по инвалидности из-за плохого здоровья значительной части лиц старших возрастных групп, необходимость выплаты пенсий в повышенных размерах в силу увеличения трудового стажа. В качестве экономических стимулов для добровольного более позднего выхода на пенсию предлагается за каждый год стажа свыше 30 лет начислять дополнительно 6% к фиксированной базовой части пенсии. Однако широко применяемое в западных странах поощрение добровольного откладывания выхода на пенсию через повышение

пенсии пока неспособно вызвать серьезного интереса у российских пенсионеров, которые в условиях современной нестабильности и неопределенности не готовы отказываться от положенных выплат ради небольшой добавки в перспективе.

В поисках модели пенсионного обеспечения

Российские государственные органы пока четко не определили свою позицию в отношении общей модели пенсионной системы и отдельных ее элементов. Структура российского пенсионного обеспечения в начале 2000-х годов была трансформирована в соответствии с наиболее передовыми пенсионными технологиями, основанными на использовании условных накопительных счетов и обязательной накопительной компоненты, но в российских условиях они не сумели проявить свою высокую эффективность. Население в основной массе оказалось не заинтересовано активно включаться в процесс принудительного пенсионного накопления. Пока не удалось решить и многие другие основные проблемы, ради которых и затевалась реформа. Наиболее острыми и обсуждаемыми среди них являются вопросы определения способов повышения финансовой устойчивости пенсионной системы в условиях ухудшающейся демографической обстановки, определения рациональных размеров страховых взносов, трансформации или повышения эффективности накопительного компонента системы, реформирования системы досрочных пенсий, нахождения приемлемых вариантов продления трудовой жизни и периода уплаты взносов.

Во многом переломным с точки зрения повышения уровня пенсий оказался 2010 г.: единый социальный налог был заменен страховыми платежами, отменена регрессивная шкала начисления взносов и увеличен верхний лимит, с которого берутся страховые взносы, проведена валоризация пенсионных прав, заработанных застрахованными лицами до 1991 г., и опережающая индексация базового размера пенсий. Минимальные размеры пенсий неработающим пенсионерам были доведены до уровня региональных прожиточных минимумов.

Благодаря индексации и валоризации средний уровень российских пенсий повысился до 1,5–1,8 прожиточного минимума пенсионера, что способствовало переводу части неработающих пенсионеров из категории бедных в категорию малообеспеченных, но достижение так называемого социального бюджета пенсионера (2,5–3 прожиточных минимума) отложено на длительный период. Приходится признавать, что главным фактором, позволяющим пенсионерам обеспечивать приемлемый уровень жизни, остается их занятость, а не пенсионная система, при этом постоянно поднимается вопрос о нецелесообразности выплаты в полном размере пенсии работающим пенсио-

нерам. Положение пенсионеров, даже при равном коэффициенте замещения выглядит хуже, чем в советское время, а потребительская корзина пенсионера, состоящая из продовольствия, медикаментов и ЖКХ, дорожает значительно быстрее, чем средние показатели роста стоимости жизни.

Проблема пенсионных расходов и величины страховых взносов

В 2010 г. накануне нового политического цикла пенсионные расходы в РФ были существенно повышены, поднявшись с умеренных по международным меркам 6–7% в предыдущие годы до 10% ВВП. Данный уровень расходов воспринимается многими экспертами как исключительно завышенный, вступающий в противоречие с задачами реструктуризации и модернизации экономики, поэтому сохранение достигнутого уровня выплат уже в ближайшей перспективе будет в значительной степени зависеть не только от мировой конъюнктуры на основные российские экспортные товары и доходной части бюджета, но и от политических решений. Оценивая уровень страховой нагрузки в РФ в сравнении с другими государствами, нельзя не учитывать и другие составляющие распределительных отношений: огромную дифференциацию доходов и растрачивание ресурсов на сверхпотребление при сохранении плоской шкалы подоходного налогообложения в стране, большую долю противозаконных способов получения доходов, сохраняющийся невысокий уровень вознаграждения работников в стоимости произведенной продукции и в целом доли потребления в ВВП (фонд оплаты труда составляет 0,3 ВВП, в экономически развитых странах – не менее 0,5–0,6 ВВП).

Социальные расходы на пенсии выше 10% ВВП для европейских стран явление не единичное, таких размеров они достигают в Австрии, Италии, Франции, Германии, Польше, Венгрии, Словении. В этой группе стран на пенсионное обеспечение расходуется от 1/4 до 1/3 бюджета. Есть и альтернативные примеры, существенно меньшая доля бюджетных средств на пенсионные цели (13–16%) направляется, например, в Великобритании и США, общие расходы на обязательное пенсионное обеспечение в государствах, использующих англо-саксонскую модель социальной политики, не превышают 6% ВВП [6, с. 159].

Сложную проблему для российской пенсионной системы составляет вопрос распределения нагрузки между государством и социальными партнерами по пенсионному обеспечению, определение адекватного размера страховых взносов. Например, средний уровень страховых пенсионных взносов по странам ОЭСР составляет 21%, а в Италии, Нидерландах, Чехии, Польше превышает 30%. Работники в группе наиболее развитых стран в среднем платят 36% общих пенсионных взносов, работодатели – 58%, оставшуюся часть

покрывает государство [7, с. 153]. В РФ в 2011 г. ставка взносов была повышена для работодателей на каждого работника с 20 до 26% фонда заработной платы с сумм заработков, не превышающих 463 тыс. руб. в год на человека (для предприятий СМИ, организаций, занятых в сфере информационных технологий, созданных бюджетными научными учреждениями и вузами, предоставляются значительные льготы при уплате страховых платежей). Данное повышение взносов вызвало жесткую негативную реакцию у представителей бизнес-сообщества, особенно организаций, применяющих упрощенную систему налогообложения и единый налог на вмененный доход (для значительной части из них общая ставка страховых платежей поднялась с 14 до 34%, вместе со взносами в другие внебюджетные фонды). В итоге с 2012 г. тарифы страховых взносов, согласно поручению президента и обещаниям правительства, вновь будут снижены, хотя данное сокращение тарифов не дает никакой гарантии уменьшения широкой зоны неформальной и теневой занятости (доля официальной заработной платы в совокупной оплате труда наемных работников составляет не более 3/4). Для покрытия части выпадающих расходов, вызванных этим решением, по предложению Минфина РФ, одновременно со снижением взносов вводится пониженная ставка в 10% с заработков, превышающих верхний порог начисления взносов (в 2012 г. – 512 тыс. руб.), для малого бизнеса – 7%. Позиция Минздравсоцразвития РФ, предлагавшего 6% взносов, идущих на солидарную часть, взимать со всего заработка, а 16%, поступающих в страховую часть (распределительную и накопительную), рассчитывать с сумм до установленного лимита, поддержки не получила. Мировая практика в отношении определения верхних лимитов заработков, с которых берутся взносы по обязательному страхованию, неоднородна, средний уровень 2–2,5 средних заработка, но есть и более высокие лимиты (3 – в Италии, 6,2 – в Мексике) и даже есть отдельные примеры отсутствия подобных ограничений [6, с. 111].

Предлагаемые в РФ реформы накопительной системы включают в себя целый комплекс самых разнообразных мер от перенаправления финансовых потоков из накопительного в солидарный уровень и замены обязательного накопительного страхования добровольной формой до различных технико-экономических усовершенствований, нацеленных на повышение эффективности и доходности процесса накопления. В целом, многочисленные предложения по либерализации и активизации пенсионного рынка, внедрению стандартов разумного лица в процессе управления инвестициями в основном направлены на решение проблем профессиональных участников этого рынка. Для абсолютного большинства застрахованных, учитывая размеры оплаты труда и перспективы ее роста в ближайшем будущем, роль обязательного накопительного компонента в обозримой перспективе останется незначитель-

ной. Перспективы добровольного страхования напрямую будут зависеть от состояния мирового и российского финансовых рынков.

Что касается предполагаемой российской пенсионной модели, то какими бы ни были декларации и пожелания российского правительства в процессе всего периода перехода на рыночные принципы развития, в основу всех трансформаций и реформ в социальной сфере были положены традиции экономического либерализма. Либеральный подход предусматривает пересмотр национальной системы социальной защиты на принципе универсализма: предоставления гарантии минимального коэффициента замещения для застрахованных в солидарных системах, и минимальной или нулевой доходности для участвующих в накопительных схемах. Более высокий уровень замещения должен обеспечиваться по мере развития экономики, расширения финансовых возможностей перераспределения и собственных усилий застрахованных. Уязвимость данной модели состоит в том, что чем больше работающие полагаются на рынок для обеспечения своего благосостояния, тем меньше они готовы участвовать в солидарных схемах и увеличивать размер страховых взносов.

Рекомендуемый Международной организацией труда коэффициент замещения для работников со средними доходами на уровне 40%, при стаже не менее 30 лет – программа максимум на долгосрочную перспективу. Экспертная группа, занимающаяся предложениями по корректировке Концепции 2020, допускает возможность снижения коэффициента замещения меньше 30% за счет обязательного страхования[2].

Для действующих и будущих пенсионеров старших возрастных групп, (чьи пенсионные права формировались в советский период, при другой системе организации заработной платы) ставится задача не замещения утраченного заработка, а предоставление гарантий определенного размера пенсий. В обозримом будущем речь идет об обеспечении прожиточного минимума с определенными вариациями. Центр стратегических разработок предлагает, например, при реформировании системы использовать в качестве замены повышенного размера пенсии гарантии оплаты медицинских услуг для пенсионеров старших возрастов[3]. Более молодым категориям пенсионеров обеспечивать принятый коэффициент замещения, а после достижения 73 лет гарантировать бесплатное лекарственное обеспечение на сумму 100 тыс. руб. и возмещение других дорогостоящих медицинских расходов. Данное предложение широкой поддержки не нашло: такого рода гарантии не относятся к

2. http.//2020 strategy.ru/g3/doc

3. www.raexpert.ru/project/pension/2011/stenogramma

элементам пенсионного страхового механизма и скорее всего могут только привести к увеличению нагрузки на госбюджет.

Заключение

Современные пенсионные системы большинства высоко- и среднеразвитых государств как и их социальные программы в целом находятся в процессе реформирования, поиска путей сочетания солидарной взаимопомощи и индивидуальной ответственности за социальные риски. Государства благосостояния, даже наиболее социально ориентированные, уже не ставят задачу помочь всем и во всем, обеспечить всеобщее благоденствие. Главной задачей становится совмещение государственного участия с участием граждан, достижение равновесия между возможностями государства и растущими потребностями общества, компромисса между уровнем социальной защиты, которое общество считает необходимым и готовностью социальных партнеров и граждан его финансировать. Вместе с тем социальные требования к пенсионной системе за прошедшие после ее возникновения десятилетия существенно выросли, общество несогласно на пенсионную систему, которая лишь обеспечивает физиологический прожиточный минимум. Западная социальная модель основывается на сохранении основной части привычных социальных достижений и борьбе против социального исключения, хотя ряд базовых подходов к пенсионному обеспечению пересматривается. Новый межпоколенческий контракт, касающийся пенсионного обеспечения, в современных демографических и социально-экономических условиях предполагает перераспределение времени между занятостью и пребыванием на пенсии, что достигается повышением уровня занятости населения в трудоспособном возрасте и увеличением пенсионного возраста, а также расширение личной ответственности граждан за собственное социальное благополучие. Общей тенденцией социальной политики становится стремление снизить пенсионные ожидания граждан в отношении обязательного страхования, прежде всего в тех странах, где обеспечивался наиболее высокий уровень индивидуального замещения трудовых доходов (75% и выше). Уровень, который ранее гарантировался обязательным пенсионным страхованием, в ближайшей перспективе можно защитить только путем дальнейшего расширения частных и корпоративных пенсионных систем.

Наиболее болезненными проблемами традиционных распределительных систем остаются сложность обеспечения устойчивости системы в условиях снижения численности занятого населения по отношению к пенсионерам и связанное с этим повышение налоговой нагрузки на работающих. Для снятия остроты данной проблемы предназначаются созданные в ряде стран резервные пенсионные фонды, которые должны обеспечить возможность поддер-

жания финансовой устойчивости пенсионной системы в течение достаточно длительного периода времени при сохранении постоянного тарифа страховых взносов или его небольшом увеличении.

Современную реформируемую российскую пенсионную систему сложно отнести к категории страховых или накопительных, это прежде всего инструмент борьбы с бедностью или более точно – с материальной депривацией. Возросшие с началом предвыборного цикла затраты бюджета на пенсионное обеспечение рассматриваются как безвозвратные расходы и непосильное бремя, которое не соответствует современному уровню развития страны. Если окончательно утвердиться универсальная (либеральная) модель, то в рамках обязательного страхования будет страховаться не столько старость, сколько бедность, и одновременно будет усиливаться индивидуальный и частный характер пенсионной системы.

Одним из провозглашенных, но на практике не получивших реального подтверждения направлений реформирования российской пенсионной системы было усиление ее страхового характера, превращение пенсии из страховки от бедности в социальную выплату, замещающую фиксированный процент утраченного заработка при наступлении старости. Государства Центральной и Восточной Европы этому направлению реформирования в настоящее время уделяют основное внимание, используя для усиления страхового характера изменения пенсионных формул, расширение базы учета заработков и взносов, ограничения или упразднения разного рода льгот, связанных с пенсионным обеспечением. Такого рода изменения рассматриваются и планируются в РФ, но страховая модель несет свои риски. Тесная связь пенсий с заработной платой в условиях такого высокого уровня неравенства как в РФ будет способствовать не просто увеличению дифференциации, но и расширению бедности среди пенсионеров. Высокое неравенство в заработках вынуждает российскую пенсионную систему сохранять универсальную компоненту, не зависящую от трудовой истории человека. В условиях низкой финансовой дисциплины и уклонения от уплаты страховых платежей, базовую часть пенсии вполне оправданно финансировать из общих налоговых поступлений.

Литература

1. Blundell-Wignail A., Yu-Wei Hu, Yermo J. Sovereign Wealth and Pension Fund Issues. OECD Working Papers on Insurance and Private Pensions. N 14. – 2008. – P. 7.

2. Calvo E., Bertranou F., Bertranou E. Are Old-Age Pension System Reforms Moving away from Individual Retirement Accounts in Latin America // Journal of Social Policy. N 39. – 2010.

3. Chawia M., Betcherman G., Betcherman A., Banerji A. From Red to Grey. The Third Transition of Aging Populations in Eastern Europe and Former Soviet Union. W.B. 2007.

4. Dang T., Antolin P., Oxley H. Fiscal Implications of Geing: Projections of Age-Related Spending OECD. Working paper. N 305. Paris, 2001.

5. Pension Reform in Southeastern Europe Linking to Labor and Financial Market Reforms. R. Holzmann, L. Mackeller /ed. W.B. 2009. – P. 58.

6. Pensions at a glance 2011. Retirement Income Systems in OECD and G 20 Countries. – Paris, 2011.

7. Pensions at a Glance 2009. Retirement Income Systems in OECD Countries. – Paris, 2009.

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

Е.Я. Виттенберг

РОССИЙСКИЙ БИЗНЕС: СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПЕРЕД РАБОТНИКАМИ

Виттенберг Евгений Яковлевич – доктор исторических наук, профессор РГГУ, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН.

Основой социальной ответственности бизнеса (СОБ) является прежде всего его ответственность перед внутренними стейкхолдерами и своими служащими, непосредственно работающими на бизнес. И рационально мыслящие российские предприниматели осознают первостепенный характер этой ответственности, что нашло отражение в научной литературе [1; 3; 5; 11; 12; 14; 17; 18; 19].

Анализ результатов трех исследований, осуществленных фирмой «Интелбридж» в 2003, 2005 и 2008 гг. [2; 7; 13], итогов экспертного опроса, осуществленного в 2010 г. среди предпринимателей столичного региона, показывает, что более половины бизнесменов неизменно ставят в иерархии своей социальной ответственности на первое место ответственность перед работниками.

Социально ответственное поведение (СОП) бизнеса по отношению к работникам особенно актуально в условиях кризиса, когда непродуманные решения предпринимателей и не до конца просчитанные их последствия могут серьезно осложнить социальную обстановку как в том или ином регионе, так и в стране в целом.

Важнейшим показателем СОП бизнеса является его участие в работе институтов социального партнерства. На сегодняшний день существует четыре институциональных уровня такого участия.

На уровне государства бизнес в лице РСПП участвует в трехсторонней комиссии, заключающей Генеральные соглашения (ГС). ГС подписываются между правительством, объединениями работодателей и объединениями профсоюзов. Заключение ГС свидетельствует о том, что в социально-

экономическом пространстве России формируется система трипартизма и социального партнерства. Подобное явление, безусловно, соответствует критериям СОП бизнеса.

В ГС определены сферы социальной ответственности каждой из сторон. Так, в них прописаны обязательства бизнеса в области занятости, оплаты и охраны труда, социальных гарантий и т.д. Подписывая ГС, бизнес берет на себя определенные обязательства, что является актом его социально ответственного поведения.

Вместе с тем практика ГС в России пока несовершенна. Нет равноправия сторон, участвующих в переговорном процессе, и наблюдается доминирование «государственного угла» в треугольнике «государство–бизнес–профсоюзы». Объединения предпринимателей, работающие над ГС, часто выступают не в роли представителей бизнеса, осознающих свою социальную ответственность в масштабах страны, а в качестве лоббистов узкокорпоративных интересов. И, наконец, проблема заключается в том, что стороны Соглашения, в силу объективных и субъективных причин далеко не всегда на практике придерживаются подписанных документов. Так, например, согласно 10-му ГС на 2008–2010 гг. вопрос о доведении минимального размера оплаты труда (МРОТ) до прожиточного минимума (ПМ) должен был быть решен уже с 1 декабря 2008 г. [21]. Однако он не решен и по сей день и едва ли будет решен в ближайшие годы. И в третьем квартале 2011 г. МРОТ (4611 руб.) составлял лишь 67,3% от ПМ (6854 руб. для трудоспособного населения) [22]. И это происходит в условиях, когда ПМ удерживается на нежизненно низкой планке.

Затягивание решения вопроса о повышении МРОТ до уровня ПМ связано, среди прочего, и с позицией бизнеса. Крупный бизнес опасается, что в условиях возможного падения цен на сырье, власти, для поддержания своих социальных обязательств, пойдут на увеличение налогов, что собственно уже и происходит.

Значительная часть малого бизнеса также выступает против повышения МРОТ до уровня ПМ, поскольку МБ в этом случае будет вынужден платить не только большую заработную плату, но и большие налоги с фонда заработной платы.

При этом необходимо признать, что на частных предприятиях оплата труда, как правило, де-факто существенно превышает ПМ, чего нельзя сказать о значительной части государственных предприятий.

Следующим уровнем сотрудничества бизнеса с государством и профсоюзами являются отраслевые (тарифные), региональные (территориальные) соглашения. Так, в предкризисном 2007 г. было заключено 53 отраслевых и 78 региональных соглашений, а также более 5 тыс. республиканских, краевых, территориальных, областных и городских соглашений.

Здесь следует отметить, что на отраслевом уровне практика заключения соглашений в России имеет специфику. Эта специфика заключается в том, что, если в развитых странах госорганы лишь способствуют заключению подобного рода соглашений, как это предусмотрено в Конвенции МОТ № 154 и рекомендациях МОТ № 91 и № 163, то в России госорганы непосредственно участвуют в переговорном процессе, что ограничивает независимость профсоюзов и представителей бизнеса в условиях, когда во многих регионах России нет сильных профсоюзов и предпринимательских объединений, способных на равных с органами власти обсуждать региональные и отраслевые проблемы.

А между тем отраслевые соглашения являются важными нормативными актами, содержащими обязательства бизнеса в части оплаты труда, индексации заработной платы, обеспечения занятости, улучшения условий труда. Выборочный анализ отраслевых соглашений показывает, что их содержание далеко от совершенства. Так, многие их пункты носят декларативный характер и начинаются со слов «необходимо активизировать», «следует обратить особое внимание» и т.д. Подобного рода расплывчатые формулировки заранее не предполагают выполнения принятых решений.

Региональные (территориальные) соглашения, как правило, содержат обязательства сторон по разработке программ жилищно-коммунального хозяйства, развитию здравоохранения, культуры и спорта, установлению МРОТ в регионе и т.д. Однако, как отмечается в документах профсоюзов, принимаемые социальными партнерами решения и на этом уровне реализуются не в полном объеме. Это касается в первую очередь обязательств бизнеса в сферах охраны труда и совершенствования системы социального страхования. И хотя формально исполнение соглашений является обязательным для подписантов, бизнес нередко затягивает, а то и саботирует их осуществление. Это происходит потому, что неисполнение соглашений со стороны бизнеса крайне редко подвергается какому-либо серьезному наказанию. В крайнем случае, бизнес отделывается небольшими штрафами. Кроме того, подписанные соглашения являются формально обязательными лишь для тех предпринимателей, которые входят в объединения, подписавшие соглашение, а для остальных – они носят рекомендательный характер.

Следующей ступенью, свидетельствующей о СОП бизнеса, является наличие или отсутствие в компании коллективного договора (КД). Здесь надо отметить, что практика заключения КД имеет в России более чем вековую историю. Первые КД стали заключаться между промышленниками и профсоюзами еще в начале XX в. В СССР также существовала практика заключения КД, которые расценивались как проявление производственной демократии [4].

«Трудовой кодекс Российской Федерации», отводит КД большую роль в трудовых отношениях, поскольку в них должны быть урегулированы вопросы, решение которых составляет основу социального партнерства.

Как гласит ст. 41 Трудового кодекса, коллективные договоры охватывают вопросы взаимодействия работодателей и работников: формы системы и размеры оплаты труда, выплаты пособий и компенсаций, механизмы регулирования оплаты труда с учетом роста цен и выполнения показателей, определенных коллективным договором, занятости, переобучения, условия высвобождения работников, рабочего времени и времени отдыха, включая вопросы предоставления и продолжительности отпусков, улучшения условий и охраны труда работников, соблюдения интересов работников при приватизации государственного и муниципального имущества, экологической безопасности и охраны здоровья работников на производстве, оздоровления и отдыха работников и членов их семей, контроля за выполнением коллективного договора, порядка внесения в него дополнений и изменений, ответственности сторон, обеспечения нормальных условий деятельности представителей работников, порядка информирования работников о выполнении коллективного договора, отказа от забастовок при выполнении соответствующих условий коллективного договора и др. [16, 20].

Как видно из приведенной выше ст. 41, КД охватывает широкий спектр вопросов непосредственного взаимодействия работодателей и работников. Однако на практике бизнес далеко не всегда выполняет ее положения, как, впрочем, и многие другие статьи ТК РФ. Так, например, в ТК запрещены любые формы дискриминации в сфере трудовых отношений. В ст. 3, в частности, говорится, что «никто не может быть ограничен в трудовых правах и свободах или получать какие-либо преимущества независимо от пола, расы, цвета кожи, национальности, языка, происхождения, имущественного, семейного, социального и должностного положения, возраста, места жительства, отношения к религии, политических убеждений, принадлежности или непринадлежности к общественным объединениям…» [16, с. 4–5].

На практике нарушения бизнесом этой статьи ТК являются повсеместными. Анализ 1000 объявлений о приеме на работу, опубликованных в Москве и Московской области в сентябре-октябре 2011 г., выявил следующую картину. В 682 из них содержались дискриминационные условия, в том числе в отношении возраста – в 309 объявлениях требовались работники не моложе и не старше определенного возраста; по половому признаку – в 274 требовались либо женщины, либо мужчины; по месту жительства – в 48 требовался работник, живущий только в Москве, либо только в Московской области; по семейному положению – в 32 требовались холостые или без детей; по вероисповеданию – в 19 требовались верующие, православные; 511 объявлений

содержали дискриминационные моменты по двум или трем признакам одновременно (как правило, по возрасту и полу).

Широко распространены в России и нарушения законодательства связанные с тем, что за равный труд иностранцу платят больше, чем россиянину, или, наоборот, меньше; когда женщине платят за одинаковый труд с мужчиной меньше, чем мужчине и т.д.

По причине нежелания соблюдать законы и брать на себя какие-либо обязательства социально безответственный бизнес крайне неохотно идет на заключение КД. Такая позиция части бизнеса нерациональна, поскольку заключение КД выгодно для предпринимателей. Во-первых, КД является неким гарантом социального мира на предприятии. «Мы устали выслушивать все новые претензии от профсоюзных активистов, – говорил по этому поводу директор по персоналу Челябинской угольной компании А. Чубарев. – Поэтому сами предложили работникам заключить коллективный договор, чтобы хоть как-то регламентировать их жалобы…» [13]. Во-вторых, КД позволяет бизнесменам лучше узнать требования работников и корректировать в соответствии с ними свою социальную политику. В-третьих, наличие на предприятии КД является важным при получении кредитов, привлечении новых акционеров, при выходе предприятия на IPO и т.д. В-четвертых, КД позволяет работодателю привлекать на службу высококвалифицированные кадры, стремящиеся работать в социально ответственных компаниях. В-пятых, наличие на предприятии КД облегчает его взаимоотношения с государственными структурами, с профсоюзами, акционерами и другими внутренними и внешними стейкхолдерами.

Несмотря на очевидную выгоду КД, процесс их заключения в России идет достаточно сложно. В 2007 г., по данным доклада МОТ, в России было заключено приблизительно 180 тыс. КД [20, с. 30].

Причин такому положению дел довольно много. Среди них необходимо прежде всего назвать слабость профсоюзов. Дело в том, что значительная часть профсоюзов в России продолжает оставаться неким атавизмом советских профсоюзов. И многие профсоюзы унаследовали от профсоюзов СССР не только имущество, но и систему взаимоотношений с работодателями, выступая перед ними в роли беспринципных соглашателей. Сами же предприниматели нередко прибегают к подкупу профсоюзных боссов. В этих условиях профсоюзные организации играют роль седативных средств, успокаивающих работников.

Однако специфика менталитета значительной части российских предпринимателей такова, что даже такие профсоюзы ему не нужны. И по этой причине профсоюзные организации отсутствуют на значительной части предприятий.

Так, наш опрос показал, что ни на одном из малых предприятий, принадлежащих опрашиваемым, не было профсоюзных организаций. На вопрос: «Есть ли у Вас на предприятии профсоюзная организация и если нет, то почему?», следовали ответы: «У меня нет времени месяцами препираться с профсоюзами по каждому поводу»; «В компании у работников отсутствуют серьезные лидеры, способные вести со мной переговоры на равных»; «У меня авторитарные методы управления, и мне профсоюзы не нужны» и т.д.

Справедливости ради необходимо отметить, что отсутствие профсоюзов на многих предприятиях связано не только с позицией работодателей, но и работников, которые сами не хотят вступать в профсоюзы, не веря в то, что они способны защитить их права.

Однако действительно независимые профсоюзы, стремящиеся защищать права трудящихся, нередко подвергаются преследованию. Достаточно вспомнить нападение в 2007 г. на председателя профсоюзов докеров Калининградского морского торгового порта М. Чесалина, в результате которого он получил три ножевых ранения, избиение лидера Всеволожского завода «Форд» А. Этманова в 2008 г., ряд нападений на членов профсоюза в течение 2007–2008 гг. на Таганрогском автозаводе (ТагГАЗ) [6].

Было бы неверно утверждать, что все предприниматели не понимают важности свободных профсоюзов для устойчивого развития предприятия. Вот, что рассказал о позиции передового бизнеса по этому вопросу социолог В. Ядов: «Недавно мы исследовали пять крупных машиностроительных предприятий. Директор одного из них – молодой красавец, на разных языках говорит – единственный, кто пригласил социологов, чтобы понять ситуацию на заводе. На этом предприятии два профсоюза, “официальный” и свободный. Мы спрашиваем директора, зачем ему второй профсоюз? Он отвечает: “Первые только приходят и просят, а от вторых я узнаю, что происходит на самом деле”. Это умный директор» [24].

Наш экспертный опрос показал, что передовой бизнес осознает необходимость свободных профсоюзов и права трудящихся на забастовку. Совладелец одной крупной машиностроительной компании заявил мне в приватной беседе, что «свободных профсоюзов боится не бизнес, а прежде всего власти, которые опасаются перерастания экономических требований в политические». Руководитель добывающего предприятия заявил, что не боится забастовок, хотя и очень их не любит. «Забастовок боятся губернаторы, поскольку, если у них люди протестуют, их на следующий срок могут не назначить».

В условиях кризиса у части предпринимателей усиливается настороженное отношение не только к свободным профсоюзам и праву трудящихся на забастовку, но и к самим КД. Наиболее частыми аргументами для проволочек с подписанием КД у них являются ссылки на макроэкономическую неста-

бильность и нежелание в кризисной ситуации принимать на себя обязательства.

Другим мотивом отказа от заключения КД бизнесмены называют нежелание превращаться «в дойную корову», когда работники договор от договора могут наращивать свои требования и при этом не соотносить их с возможностями компании. Однако за подобными ссылками, как правило, стоят нежелание предпринимателей воспринимать работников как равных партнеров, делиться с ними частью прибыли, а также недопонимание роли КД, как инструмента правовой защиты не только работника, но и предпринимателя.

Трудности во взаимоотношениях работника и работодателя заключаются не только в том, что работодатели неохотно идут на заключение КД, но и в том, что даже при заключенном договоре возникают проблемы, связанные с исполнением сторонами договорных обязательств. Практика показывает, что КД нередко заключаются формально, а в дальнейшем сторонами не исполняются. Так, предприниматель нередко не выполняет взятые на себя обязательства по части оплаты сверхурочных работ и содержания социального пакета. В свою очередь работники нарушают условия договора, касающиеся соблюдения трудовой дисциплины, соблюдения правил безопасности труда и т.д. В итоге КД нередко превращается в формальный документ.

Вместе с тем наш экспертный опрос показал, что большинство предпринимателей столичного региона заключают договоры с работниками. Причем такого рода договоры имели 86% предпринимателей в Москве и 64% – в Московской области. Предприниматели считают, что подобные документы «дисциплинируют обе стороны договорного процесса», «избавляют отношения между работником и работодателем от недоразумений, когда кто-то кого-то не так понял» и т.д.

Одним из парадоксов российской действительности является то, что не только предприниматели, но и значительная часть работников отрицательно относится к договорной практике. Так, В. Ядов отмечал, что подавляющее большинство работников просто не хочет знать свои права – нет желания. Мы вели исследование на одном заводе, и я лично брал интервью у рабочего, уже немолодого человека. Я спросил его, хотел бы он подписать персональное трудовое соглашение с администрацией… «На кой хрен мне это? – Ответил он. – Так я всегда договорюсь с мастером и начальником цеха. А тут он ткнет в какой-нибудь параграф и выгонит». А выгнать есть за что. На больших заводах заняты… обычные наши работяги, которые пьянствуют вовсю. И если сегодня он стоять у станка не может, мастер ему говорит: «Иди домой, в выходные отработаешь» [24].

Известно, что характер и содержание отношений работодателя и работника в рамках предприятия в значительной степени зависят от модели их взаимодействия. Сегодня на предприятиях, как мне представляется, сущест-

вуют по меньшей мере четыре модели взаимодействия субъектов трудового процесса.

Наиболее распространенной является административно-командная модель. При такой модели на предприятии существует бюрократическая властная вертикаль, основные инициативы рождаются наверху управленческой пирамиды и спускаются вниз для исполнения. КД и персональные трудовые соглашения не являются предметом обсуждения и тем более торга, а должны быть подписаны в предложенном администрацией варианте. Де-факто условия договора работодатель может менять в одностороннем порядке. Любая форма несогласия работников заканчивается, при соблюдении минимальных формальностей, увольнением недовольных.

В этих условиях права работника могут быть защищены лишь с помощью государственных институтов. Впрочем, если конфликт происходит на государственном предприятии, то надзорные органы, как правило, вне зависимости от того, кто прав, а кто виноват, становятся на сторону администрации. В случае возникновения трудового спора на частном предприятии, у работников есть шанс доказать свою правоту.

Бизнес, построенный на административно-командной основе, нетранспарентен. Многие вопросы, прежде всего распределения финансовых потоков, скрыты не только от внешних наблюдателей, но и от работников, а также миноритарных акционеров.

Административно-командная модель управления предприятиями широко распространена как в государственном, так и в частном секторе. Как правило, предприятия возглавляют «харизматические» лидеры, которые предпочитают решать все вопросы единолично или при содействии узкого круга советников. Большинство предпринимателей – участников нашего опроса (62%) – заявили, что тяготеют к подобной модели менеджмента.

Вторая модель взаимодействия работников и работодателей может быть названа либеральной. Опрос показал, что ценности либерального менеджмента исповедовали 14% респондентов. Отличительными чертами этой модели являются:

1. Восприятие владельцами и менеджерами фирмы работников как партнеров, с которыми совместно ведется бизнес.

2. Детальное фиксирование всех аспектов взаимодействия работодателей и работников в КД, а также в персональных трудовых соглашениях. При этом, как КД, так и трудовое соглашение являются предметом обсуждения, торга, взаимных уступок и в итоге – компромисса.

3. Наличие на предприятии механизмов защиты трудящимися своих прав и прежде всего свободных профсоюзов.

4. Использование человеческого капитала для совершенствования менеджмента, оптимизации производства, повышения производительности тру-

да, экономии ресурсов, стремление сделать его важным компонентом устойчивого развития.

5. Ведение прозрачного бизнеса. В печатных и электронных СМИ публикуется информация о продукции, вакансиях, финансовых показателях деятельности предприятия, о социальных проектах и т.д.

Третья модель взаимодействия работодателей и работников может быть названа патерналистской, когда владелец предприятия выступает в роли «bonus pater familias» (доброго отца семейства), а работники – в роли трудолюбивых членов семьи. Если речь идет о малом бизнесе, то нередко члены такого коллектива могут быть объединены неформальными (родственными или дружескими) связями.

К патерналистскому типу взаимоотношений работодателя и работника отнесли свои фирмы 6% участников нашего опроса.

Эта модель предполагает высокий уровень доверия и взаимопомощи между работодателями и работниками, а также прозрачность бизнеса, т.е. сотрудники информируются о положении дел в фирме, включая финансовые аспекты ее деятельности. Одновременно работники участвуют в решении практически всех вопросов: подготовки планов предприятия, формирования его маркетинговой политики, модернизации производства, распределения финансовых ресурсов.

Как это на первый взгляд ни покажется странным, но при патерналистской модели у сотрудников теряется мотивация к труду. На ее место приходит уверенность в том, что друг-начальник или родственник-начальник при любых обстоятельствах поймет, простит и заплатит зарплату и, разумеется, премию. Незафиксированность многих моментов во взаимоотношениях работодателей и работников на бумаге порождают недоразумения, когда работодатель под устным соглашением понимает одно, а работник – иногда прямо противоположное.

Четвертая модель взаимодействия работника и работодателя не имеет своих отчетливых признаков и может быть названа эклектичной. Она наблюдается на предприятиях 18% участников нашего опроса.

Как свидетельствуют данные научных исследований, социально ответственный бизнес начинает уделять все большее внимание наращиванию человеческого капитала сотрудников путем создания условий для их обучения, повышения квалификации и карьерного роста. Однако бизнес в целом еще далек от понимания важности непрерывного обучения работников и от стремления к экономике знаний, поэтому в России затраты предприятий на обучение и переподготовку кадров составляют лишь 0,5% от фонда оплаты труда (ФОТ).

А между тем, по оценкам экспертов МОТ, затраты на поддержание простого воспроизводства рабочего потенциала не должны быть менее 2% от

ФОТ. В результате периодичность повышения квалификации работников сегодня в России составляет 13–15 лет, а в развитых странах – три–пять.

При этом в последние годы отечественный бизнес все чаще сталкивается с проблемой нехватки специалистов, чьи знания соответствовали бы современным требованиям. Так, согласно конъюнктурным опросам Института экономики переходного периода, число российских бизнесменов, столкнувшихся с нехваткой кадров, стабильно росло с 9% в 1998 г. до 43% в 2008 г.

Присланные для наших проектов материалы свидетельствуют о том, что передовой бизнес наращивает усилия по подготовке для себя кадров. Если в 2003 г. около 25% респондентов заполнили вопросы анкеты, касающиеся развития персонала, то в 2008 г. – уже 34,8%. Передовые компании готовят для себя кадры, как в собственных учебных центрах, так и в университетах и колледжах. В качестве позитивного примера можно привести программу подготовки кадров, осуществляемую на ОАО «Протон – Пермские моторы». Она включает в себя обучение, подготовку и повышение квалификации персонала. На предприятии функционирует современный учебный центр, который осуществляет обучение рабочих по 60 специальностям, а также повышение квалификации специалистов. Ежегодно в этом центре проходят подготовку свыше 2500 рабочих и около 500 руководителей и специалистов. Одновременно ежегодно несколько десятков сотрудников предприятия проходят подготовку в вузах Перми по остродефицитным специальностям: «Авиаракетостроение», «Технологии литейного производства», «Управление качеством». На предприятии трудятся руководители, среди которых 100% имеют высшее и среднее профессиональное образование. Подавляющее число рабочих (88%) имеет высокие квалификационные разряды. Успешно реализуются проекты постоянного профессионального роста сотрудников и развития корпоративной культуры в целом [15, с. 186–187; 27].

Отрадно отметить, что проблемами развития персонала занимаются не только крупные предприятия, но и МСБ. Так, в ООО «Компания ТС», на которой трудятся менее 30 служащих, успешно функционирует система обучения, охватывающая все категории сотрудников [9, 30].

В то же время в вопросах развития персонала и его обучения существует еще множество достаточно сложных проблем. Главная из них, видимо, кроется в том, что государство и бизнес никак не могут договориться о разделении функций и ответственности, а точнее об объединении усилий в подготовке специалистов. В результате в России подготовка специалистов практически всех уровней в целом не соответствует требованиям развития экономики знаний.

Отсутствие должного внимания к персоналу особенно характерно для малого и среднего бизнеса, что объясняется еще и тем, что около 90% МП функционирует в сфере услуг, где не требуется высокая профессиональная

компетенция. Это одна из причин того, что малый бизнес пока крайне редко предоставляет образовательные кредиты и гарантии для их получения в банках, учреждает именные стипендии для способных студентов, поддерживает инновационные разработки. Кроме того, как показало исследование 2007 г., лишь в 7% фирм в сфере малого и среднего бизнеса существовали системы обучения, охватывающие весь персонал, в 43,7% – проводились лекции для отдельных категорий работников, а на 28,2% – вообще отсутствовало обучение в какой-либо форме [9, с. 34].

Эксперты, принявшие участие в нашем опросе, также отмечали и нехватку квалифицированных кадров (58%), и необходимость решать эту острую проблему (94%). При этом значительная часть респондентов не предпринимала сама каких-либо существенных усилий по ее решению. Черта, разделяющая тех, кто заботился о подготовке для себя кадров, и предпочитал нанимать готовых специалистов, четко пролегла между крупным и малым бизнесом. Если практически все представители крупного бизнеса заявили о том, что в их компаниях эти вопросы находятся в центре внимания руководства, то среди фирм МСБ наблюдалась противоположная картина – лишь 12% предпринимателей заявили о том, что они систематически работают над повышением знаний персонала, 36% – отметили, что они занимаются этими вопросами время от времени, а 52% – признались, что они этими вопросами не занимаются, поскольку у них нет для этого условий и средств. Подобная ситуация детерминирована многими причинами. Среди них необходимо, прежде всего, назвать трудности функционирования и выживания малого бизнеса в России.

С другой стороны, можно наблюдать как часть общества, отчаявшаяся подняться вверх по социальной лестнице, утратила стимулы к высококвалифицированному труду и, как следствие, к образованию, поскольку карьерный рост далеко не всегда связан с талантом и знаниями сотрудника. Исследование, проведенное Агентством «Рейтер» и охватившее 3 тыс. выпускников вузов, показало, что карьерное продвижение в фирмах основывается прежде всего на личных связях. Данный принцип действовал в 86% обследованных организаций. Только в 11,8% компаний был разработан график должностных продвижений, а в 3,2% фирм карьерное продвижение производилось на конкурсной основе по объективным критериям [28; 2, 105; 15, 48]. Разумеется, такая архаично-субъективная система подбора и карьерного продвижения кадров в XXI в. не стимулирует способных людей к повышению своего образовательного и профессионального уровня.

Для повышения СОБ в области развития человеческого капитала следует, на наш взгляд, найти баланс между потребностями бизнеса в квалифицированных кадрах и деятельностью учебных заведений, готовящих эти кадры. Для этого есть смысл совместными усилиями власти, бизнеса и образова-

тельных учреждений ежегодно формировать некий заказ, с тем, чтобы минимизировать в этой важнейшей области возникающие несоответствия и потери.

Далее, власти и науке необходимо убедить бизнес в том, что вложение в человеческий потенциал является ныне наиболее выгодным размещением капитала. По расчетам авторитетных специалистов чистая прибыль на 1 долл. инвестиций в качественное высшее образование составляет от 8 до 25 долл.

Весьма острой в плане СОБ остается проблема безопасности труда. Анализ действующего трудового законодательства в России показывает, что в настоящее время оно в основном базируется на общепризнанных международных принципах и подходах. Однако, как и во многих других случаях, проблема в сфере охраны труда в России заключается не в наличии или отсутствии тех или иных законов, а в их исполнении. Кризис в России очередной раз отодвинул на второй план вопросы обеспечения безопасности труда работников. Известно, что на многих предприятиях износ производственных фондов достиг критических пределов, применяются устаревшие, вредные и опасные для здоровья технологии, сократилось финансирование охраны труда. Одним из основных виновников подобной ситуации является социально безответственный бизнес, который в погоне за максимальной прибылью по-прежнему отдает предпочтение не охране здоровья людей, а экономической выгоде.

Одновременно сегодня очевидно, что действующие в России системы надзора и контроля за соблюдением законодательства об охране труда недостаточно эффективны, а масштабная коррупция позволяет недобросовестному бизнесу избегать серьезных наказаний за его нарушение. В результате несчастных случаев на производстве, по данным экспертов, в России ежегодно погибают примерно 15 тыс. человек.

Государство несет колоссальные убытки от аварий, катастроф, пожаров, несчастных случаев, профессиональной заболеваемости. За подобное положение дел основная ответственность лежит на частном бизнесе. Так, по данным Минсоцразвития, наибольшее число жертв, профзаболеваний и производственных травм фиксируется на частных предприятиях. Основные причины подобного положения дел: несовершенство технологических процессов (41,8%), конструктивные недостатки средств труда (29,9), несовершенство рабочих мест (5,3), несовершенство санитарно-технических установок (5,3%).

По официальным данным, численность работников, занятых во вредных и опасных условиях труда, составляет в России около четверти от общей численности работающих в промышленности, а по результатам опроса, проведенного Институтом экономики РАН в 2007 г., около трети работников вынуждены трудиться в опасных условиях, что влечет за собой масштабный производственный травматизм и гибель людей.

Недооценка бизнесом важности охраны труда неоспорима. Есть, однако, данные об изменении отношения предпринимателей к этой проблеме. Так, в первом выпуске издания «Кто есть кто в российском бизнесе» (2003) среди главных приоритетов социальной ответственности бизнеса перед работниками назвали охрану труда 8,9% бизнесменов, во втором (2005) – 13,5%, а в третьем (2008) – уже 20,4%. Наибольшую озабоченность вопросами охраны труда высказали представители добывающих, металлургических и химических компаний, а наименьшую – строительные компании, хотя именно в сфере строительства один из самых высоких уровней травматизма.

В качестве позитивного примера приведем Группу компаний СУАЛ, где безопасность труда рассматривается как важнейшее условие устойчивого развития бизнеса. С целью создания корпоративной системы управления охраной труда на предприятиях Группы реализуют специальный проект «Безопасность – прежде всего!». Этот проект предусматривает внедрение международных стандартов охраны труда и методов управления охраной труда, в основе которых лежит подотчетность руководителей всех уровней в этих вопросах, а также вовлечение всех без исключения сотрудников в практическую работу по обеспечению безопасности на рабочих местах.

В Группе СУАЛ также разработана и внедряется серия корпоративных стандартов охраны труда: «Оценка рисков», «Информирование о происшествии и их расследование», «Безопасность в ограниченных пространствах» и др. Помимо этого СУАЛ реализует всеобщую Программу обучения персонала «Работай безопасно!». Она включает в себя специально разработанные компьютерные модули обучения и тестирования сотрудников по всем внедряемым стандартам корпоративной системы управления охраной труда, изучение которых для каждого работника является обязательным. Подобное внимание руководства к вопросам охраны труда привело к серьезным позитивным результатам, и за последние три года уровень травматизма в холдинге снизился в 2,2 раза [7; 13; 15; 85].

Отмечая существенные проблемы с социальной ответственностью бизнеса перед работниками, необходимо отметить, что предприниматели нередко в свою очередь предъявляют к работникам претензии. Так, например, 92% участников нашего экспертного опроса выразили в той или иной мере недовольство сотрудниками и лишь 8% – заявили о том, что они довольны своими работниками.

Среди недостатков работников, назывались следующие (допускалось несколько ответов):

– нарушение исполнительской дисциплины – 62%;

– низкий уровень трудовой дисциплины –56%;

– несоблюдение норм охраны труда – 44%;

– недостаточный уровень квалификации и компетенций сотрудников – 48%;

– дефицит морально-этических качеств – 36%.

Раскрывая содержание своих претензий к персоналу, респонденты говорили об «опозданиях на работу», «прогулах», «пьянстве на рабочем месте», «употреблении наркотиков», «банальной лени», «трудовом нигилизме», «саботаже исполнения» распоряжений менеджеров.

Результаты нашего исследования в значительной мере совпали с результатами исследования, осуществленного ИС РАН весной 2010 г., но уже не среди работодателей, а среди работников. Согласно этому исследованию, 69% менеджеров среднего звена, 72% специалистов и 70% рабочих считают, что исполнять приказы руководителя нужно только тогда, когда ты с ними согласен. Для сравнения: в Японии уровень послушания достигает 90%, а в России он чуть больше 30% [30].

В этой связи у меня возник резонный вопрос к интервьюируемым: почему они не наказывают своих сотрудников за нарушения дисциплины? Не штрафуют? Не увольняют? Вот ответ одного опытного предпринимателя: «Я, разумеется, и штрафую, и увольняю… Но здесь не все так просто. Ты сегодня его оштрафуешь, а завтра – он тебе напакостит. Ты его уволишь, а завтра – суд его восстановит… Но самое главное – ты сегодня уволишь бездельника и разгильдяя, а завтра придет другой, еще больший бездельник, демагог и разгильдяй», – разъяснял мне ситуацию опытный предприниматель. При этом на мой вопрос: «Поддерживаете ли Вы предложения М. Прохорова по упрощению процедуры увольнения нерадивых сотрудников?», респонденты единодушно ответили, что поддерживают полностью.

Респонденты констатировали слабую заинтересованность работников в учебе. «У них нет амбиций, они готовы довольствоваться малым, лишь бы себя ничем не утруждать», – сетовал один из предпринимателей. При этом, правда, отмечалось, что от 10 до 20% работников «нацелены на заработки», «стремятся сделать карьеру», «исполнительны» и «вменяемы».

И, наконец, часть респондентов была озабочена невысоким уровнем человеческих качеств работников. «Воруют», «обманывают», «стучат друг на друга»…

На наш взгляд, представляет интерес и оценка предпринимателей собственной толерантности на производстве. Так, на вопрос: «Толерантны ли Вы по отношению к своим сотрудникам?» 38% респондентов заявили о том, что они толерантны: берут на работу на основании объективных критериев (образование, квалификация, способности) и вне зависимости от национальной, религиозной и расовой принадлежности. Как сказал один банкир, «люди работают на компанию и главное, чтобы они хорошо и честно работали, а какой они национальности, какому богу молятся, то это меня интересует только с

той точки зрения, чтобы по незнанию не обидеть те или иные их чувства». Следует, однако, добавить, что как выяснилось в ходе интервью, за этой «толерантностью» у 34% опрошенных стояло стремление получить дополнительную прибыль за счет низкой оплаты труда, ненормированного рабочего дня и т.д. Наконец, 28% респондентов честно признались в том, что они не толерантны в том смысле, что питают чувства неприязни по отношению к той или иной нации или к тому или иному вероисповеданию.

Следует отметить, что положение дел с толерантностью в России не только не улучшается, но и ухудшается. Согласно данным руководителя Центра по изучению ксенофобии ИС РАН Э. Паина, в 2003 г. 50% представителей бизнеса продемонстрировала «положительное» и «скорее положительное» отношение к иноэтническим мигрантам, а сегодня таких, как показал наш опрос, чуть больше трети [8].

Конечно, в широком плане вопрос стоит не только об ответственности работодателя перед работником, но и работника перед работодателем, т.е. о взаимной ответственности. Это, безусловно, справедливо.

Литература

1. Баканова Е.С. Корпоративная социальная ответственность в российском обществе. Человеческий капитал России: Выбор модели развития. – М., 2007. – 171 с.

2. Бизнес и общество. Справочник. – М., 2005. – 287 с.

3. Гибадуллин Р.В. Социальные функции предпринимательского слоя. – М., 2006. – 286 с.

4. Виттенберг Е.Я., Дробижев В.З. Рабочий класс и профсоюзы СССР. – М., 1980. – 359 с.

5. «Коммерсантъ». – М., 2008. – 12.11. – С. 7.

6. Корпоративная социальная ответственность. Управленческий аспект. – М., 2008. – 503 с.

7. Лидеры бизнеса России. Справочник. – М., 2008. – 203 с.

8. «Независимая газета». – М., 2003. – 14.10. – С. 4.

9. Обзор по результатам апробации стандарта ТПП РФ «Социальная отчетность предприятий и организаций» и его использовании субъектами малого предпринимательства в России. – М., 2007. – 87 с.

10. Отчет о корпоративной социальной ответственности ОАО «ГМК Норильский никель». – М., 2008. – 135 с.

11. Перегудов С.П., Семененко И.С. Корпоративное гражданство: Концепции, мировая практика и российские реалии. – М., 2008. – 448 с.

12. Попов И.В. Социальные функции предпринимательства. – М., 1997. – 304 с.

13. Российские предприниматели: Лицом к миру. Справочник. – М., 2003. – 309 с.

14. Собственность и бизнес в жизни и восприятии россиян. – М., 2006. – 392 с.

15. Социально ответственный бизнес России. Опыт лучших компаний. Справочник-сборник. – СПб., 2007. – 271 с.

16. Трудовой кодекс Российской Федерации. – М., 2009. – 172 с.

17. Чепуренко А.Ю. Малое предпринимательство в социальном контексте. – М., 2004. – 474 с.

18. Чепуренко А.Ю. Социология предпринимательства. Учебное пособие. – М., 2007. – 386 с.

19. Чепуренко А., Обыденова Т. Трудовые отношения на российских малых предприятиях // Вопросы экономики. – М., 2001. – № 4. – С. 17–24.

20. Economic Growth and Decent Work: Recent Trends in Eastern Europe and Central Asia. – Genewa, 2008. – P. 30.

21. http:// www.naviny.by/rubrics/economic/2007/05/11/ic_news_113_270536/

22. http:// www.4dkconsultant.ru/.../prozhitochnyj_;

23. http://www.dogovoram.net/zakonodatelstvo.php

24. http://www.utro.ru/articles/2007/11/13/694215.shtml

25. http://www.trud.org/dogovor_list.shtml

26. http://www.aeroflot.ru

27. http://www.protonpm.ru

28. http://www.ilo.org/public/.../russia.htm; http://www.sual.ru

29. http://www. lenizdat.ru

30. http://www.kp.ru

Б.С. Павлов, С.В. Воробьёв

ТРУДОВАЯ ЗАНЯТОСТЬ ЗАМУЖНЕЙ ЖЕНЩИНЫ В РОССИИ*

Павлов Борис Сергеевич – доктор философских наук, профессор Института экономики УрО РАН.

Воробьёв Станислав Вадимович – аспирант Института экономики УрО РАН.

Вплоть до начала 60-х годов прошлого столетия социальная политика в бывшем СССР, в том числе в отношении женщин, диктовалась исключительно государственными интересами: индустриализация, работа в тылу, послевоенное восстановление хозяйства, воспроизводство населения для компенсации людских потерь и т.д. Термин «равноправие» употреблялся редко, поскольку декларировалось, что «женский вопрос» юридически решен. В качестве методологического принципа обществоведы чаще использовали положение «социальное равенство полов», что вполне соответствовало идеологии государства, ориентированного на всяческую унификацию (сближение по образу жизни города и деревни, работников умственного и физического труда, разных этнокультур и т.д.).

** В статье использованы материалы ряда комплексных региональных исследований по проблемам уральских семей, проведенных в 2005–2011 гг. в Институте экономики УрО РАН под научным руководством и с участием авторов, в частности:*

*– 2008 г. – опрос 600 молодых матерей, имеющих одного или двоих детей в полных семьях. География опроса: ряд городов в Свердловской, Тюменской и Челябинской областях, а также в ХМАО и ЯНАО (**«Семья-1»**);*

*– 2008 г. – опрос 200 экспертов по проблемам женской трудозанятости в пяти субъектах РФ, входящих в Уральский федеральный округ – (**«Семья-2»**);*

*– 2008–2009 гг. – опрос 620 молодых матерей в ряде городов Свердловской области. Из 600 респондентов 34% составили представители полных нуклеарных семей с одним ребенком – (**«Семья-3»**).*

Семья как социальный институт имеет огромную историю выживания и опыт самосохранения в различных социально-экономических условиях. В отечественной и зарубежной социологии проблема самосохранения семьи как основополагающей ячейки общества чаще всего рассматривается через ее демографическое поведение. Не менее важным самосохранительным аспектом жизнедеятельности семьи выступает ее экономическая функция, экономическое поведение. Интересы и потребности семьи являются важным структурным элементом рыночной экономики.

Во-первых, семья является важным структурным э*лементом экономики* в любом обществе, ее *полноправным субъектом и объектом*. Ее субъектная роль особенно возрастает в системе рыночной экономики.

Во-вторых, *своим потребительским поведением* семья оказывает влияние на развитие производства товаров и услуг, формируя тем самым производственный потенциал государства.

В-третьих, являясь полифункциональной ячейкой общества, *семья сама непосредственно выполняет производственную функцию*:

а) обеспечивает производство и воспроизводство человеческого капитала;

б) организует собственный домашний труд по воспроизводству семейно-бытовых условий (самообслуживание собственных потребностей);

в) организует семейный бизнес либо в форме предпринимательской деятельности, либо на правах юридического лица, открывая свое предприятие;

г) выступает коллективным потребителем товаров и услуг, производимых в обществе;

д) формируя потребительский спрос, семья по сравнению с другими факторами наиболее эффективно воздействует на производственную сферу общества, обеспечивая тем самым как собственное воспроизводство, так и воспроизводство общества в целом.

Таким образом, семейная ячейка общества выступает одновременно как производящий, так и потребляющий субъект макроэкономики.

В связи с этим женский труд следует рассматривать не только как часть общественного труда во взаимосвязи с его характером, формами проявления и закономерностями развития, но и как особенную часть этого труда. Специфика женской занятости отражается в ее многофункциональном характере. Если значимость мужчины в сфере труда определяет его профессиональная деятельность, то женщины – три общественно *важные функции – матери, хозяйки дома, работницы*. Женщина, с одной стороны, предлагает на рынке труда свою рабочую силу в качестве товара. С другой стороны, она является субъектом производства второго рода – самой жизни, оказавшейся в результате обособления экономической и демографической сфер в подчиненном положении к экономическому базису: более ценным, чем воспроизводство жизни, стала способность человека к отчужденному труду, экономическая

сфера стала более важной для самоактуализации личности. В этом противопоставлении товарной и репродуктивной форм заключается внутренняя противоречивость женской рабочей силы.

Не секрет, что мужчинам и женщинам постоянно предписывают различные социальные роли. Существуют занятия «для мальчиков» и «для девочек», «мужская» и «женская» работа, чисто «мужское» и чисто «женское» экономическое поведение. Предлагаются и объяснения дифференциации сексуальных ролей. При исследовании социальных аспектов женского труда (*женской трудозанятости*) следует опираться на методологические принципы и инструментарий как гендерного подхода, так и социальной феминологии. Изучение женского труда с позиций взаимоотношения полов позволит дать более полную, объективную характеристику его сущности и форм приложения *в качестве трех ипостасей: а) рыночный труд; б) хозяйственно-бытовой (домашний); в) материнский труд*.

Кратко остановимся на рассмотрении каждой из трех выделенных форм женского труда.

В условиях перехода к рынку женщины оказались менее социально защищенными в сфере труда, чем мужчины. Различают две формы дискриминации в области женской занятости: дискриминацию по заработной плате, когда за равноценный труд мужчины и женщины получают неравное вознаграждение; профессиональную сегрегацию, когда женщины имеют по сравнению с мужчинами неравный доступ к получению престижных профессий и должностей (предполагающих и более высокий уровень оплаты труда). На первом месте в списке причин, объясняющих открытую дискриминацию по признаку пола, на рынке труда стоят предубеждения работодателей, самих наемных работников и потребителей.

Известно, в России (в том числе на Урале) значительная часть работодателей имеет склонность к дискриминации, т.е. предубеждение против найма на работу тех или иных демографических или этнических групп работников. Работодатель готов платить за свои «убеждения», предлагая повышенную зарплату тем группам работников, которые ему «симпатичны». Чем больше работодатель склонен к дискриминации по признаку пола, тем больше будут различия в заработной плате мужчин и женщин на его фирме. Нашим экспертам (опрос **«Семья-2»**) задавался вопрос: «*Представьте ситуацию: вам необходимо выбрать и принять на освободившуюся вакансию (на рабочее место) молодую женщину-работницу. Итак, лишь три из пяти предлагаемых кандидатур (при условии их равного возраста и уровня квалификации, здоровья и т.п.). Кого вы предпочтете?*» были получены следующие ответы (табл. 1).

Таблица 1

ПРЕДПОЧТЕНИЯ РАБОТОДАТЕЛЕЙ НА УРАЛЕ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ЖЕНСКОГО ПЕРСОНАЛА НА СВОИХ ПРЕДПРИЯТИЯХ (% от общего числа опрошенных по каждому субъекту РФ)

Предпочтения работодателей в выборе женщин-работниц		*Эксперты из субъектов РФ*				
		Свердловская обл.	*Тюменская обл.*	*Челябинская обл.*	*ХМАО*[*]	*ЯНАО*
Незамужняя, бездетная		28	24	38	24	26
Семейная, живущая с мужем:	без детей	15	21	24	17	5
	один ребенок	43	57	40	43	21
	двое детей	63	43	43	40	39
Молодая мать, воспитывающая ребенка без мужа		20	14	24	17	12
Семейное состояние роли не играет		43	57	60	48	65

[*] Ханты-Мансийский автономный округ; Ямало-Ненецкий автономный округ.

Прежде всего уточним, что каждому респонденту «разрешалось» использовать только три варианта приема на работу. Как показал опрос, от 43% опрошенных (Свердловская область) до 65% (ЯНАО) отметили в числе «разрешенных» трех вариантов формулировку «Семейное состояние роли не играет». При этом, имея «в запасе» два-три варианта ответов, практически все респонденты высказали свои предпочтения относительно того или иного семейного статуса молодых женщин-работниц. Судя по ответам, замужняя молодая женщина, не родившая еще ребенка, имеет в несколько раз меньший шанс устроиться на работу, чем имеющая двух детей и воспитывающая их с мужем. Предпочтения между этими двумя категориями молодых женщин, претендующих на занятие рабочего места, в различных субъектах разнятся довольно существенно. В категории поступающих на работу предпочтения отдают семейным женщинам, живущим в полной семье, с двумя детьми, другими словами, работницам, закончившим свою репродуктивную (детородную) функцию. В Свердловской области, например, 63% предпринимателей отдают предпочтение при приеме на работу двухдетным работницам, 43 – однодетным и лишь 15% – замужним, но пока бездетным (на момент подачи заявления в отдел кадров) молодым женщинам. Каждый четвертый предприниматель (28%) предпочитает решать свои кадровые проблемы за счет приема на работу бездетных незамужних женщин-работниц. Заметим, что в последнем случае возраст таких работниц не оговаривается. Объяснения этому не столь сложны.

Предприятия, предприниматели, организаторы производства сегодня не желают брать на себя «обузу» по воспроизводству человеческого потенциала, а зачастую и воспроизводство рабочей силы. В этом своеобразном «добро-

вольном» отчуждении предпринимателей (бизнесменов) от насущных проблем демографической деятельности семей (в первую очередь, молодых) коренятся причины плачевного состояния системы общественного призрения и воспитания детей (детское дошкольное воспитание, организация трудового взросления школьной (учащейся) молодежи, организация летнего оздоровительного отдыха детей, развитие физической культуры и спортивной деятельности, формирование благополучного валеологического самочувствия детей, подростков, молодежи в целом и т.д.). *Эти заботы государство переложило преимущественно на плечи семьи*. Но одно дело «переложить», *перепоручить воспроизводство* населения семье, другое – обрести уверенность, что подобное «перепоручительство» даст государству (обществу) желаемый результат.

Обратимся к недалекому прошлому. Командная дефицитная экономика гораздо интенсивнее, чем рыночная, вовлекала женщин в трудовую занятость. Поскольку в системе реально присутствовало социальное неравенство, оба супруга создавали собственные, независимые и сильно различающиеся социальные статусы. Разделение труда по полу было глубоким и достаточно сложным. Если зарплаты женщин все еще представляли собой долю в 60% жалованья мужчин, то образование было распределено явно в пользу женщин, и разделение труда складывалось подобным же образом: женщины доминировали в сфере умственной занятости, оставляя физический труд преимущественно мужчинам. Женская восходящая мобильность с трудом поддерживалась в период базовой индустриализации общества, однако последовавшие затем образовательные достижения женщин из более молодых поколений существенно усилили данную половую ветвь восходящей мобильности.

Особые формы труда – в домашнем хозяйстве или предприятии, которые производят скорее «потребительные», чем «меновые» стоимости. Представление домашнего хозяйства или семьи как способа производства и изучение его характеристик в качестве социально-экономического объекта предполагает пересмотр расхожего представления о доме (домашнем хозяйстве) как учреждении, отделенном от рыночной экономики. Кстати, несмотря на свое значение в национальной экономике, домашний труд обычно *не включается в валовой национальный продукт*.

Обратимся к анализу трудозанятости замужней женщины в семье. Прежде всего, что понимается сегодня под категорией «домашний труд»? Это, по преимуществу, процесс решения многочисленных, часто рутинных задач, включающих работу по дому и присмотр за детьми, служащих поддержанию домашнего хозяйства. В большинстве современных обществ такой труд не оплачивается, приватизирован и основан на гендерных ролях. Женщины от-

вечают, прежде всего, за выполнение этой роли обслуживания, а также за удовлетворение физических и эмоциональных потребностей семьи.

Женщина занимает место обслуживающего персонала не только «по факту», но и символически. Чем бы ни руководствовались мужчины, уговаривая жену быть домохозяйкой, в результате они получают ничем не отвлекаемую прислугу и возможность полностью устраниться от домашней работы. Культура домохозяек в нашей стране пока только зарождается. Престиж домашнего труда очень низок. И если на Западе домохозяйка – нормальный вариант женской судьбы, то в России неработающая жена нередко воспринимается как «иждивенка-дармоедка».

Существует довольно распространенное мнение, что современный молодой «отец-кормилец» становится своеобразным заложником образованной им семьи, рожденными в ней детьми. Если для женщины, отмечает И.В. Тартаковская, выбор «семья – работа» теоретически существует, то для мужчин вопрос о подобном выборе даже не встает: он-то уж точно должен работать, быть добытчиком. Это пример дискриминации в отношении мужчин. Мужчинам-кормильцам чаще всего действительно *приходится очень интенсивно работать, иметь неограниченный рабочий день, подвергаться стрессам: он работает «без страховки», «на нем висит вся семья»* [6, с. 107]. Посмотрим, однако, так ли уж «закабален» работой современный женатый мужчина на Урале? Обратимся к мнению их жен (**«Семья-1»**). Ниже мы помещаем результаты ответов 600 молодых матерей на три вопроса, поставленные в анкетах (% от общего числа опрошенных – 600 человек):

1. «*Устраивает ли Вас лично зарплата мужа?*»

– да, вполне – 14;

– не вполне – 52;

– как правило, не устраивает – 34.

2. «*Как Вы считаете, с какой нагрузкой он ее зарабатывает?*»

– выкладывается из последних сил – 12;

– как правило, перерабатывает, переутомляется – 47;

– нагрузка нормальная – 32;

– работает без особого напряжения – 9.

3. «*Если у Вас лично (или у мужа) нет дополнительной работы, то планируете ли вы ею заняться?*»

– планируем найти постоянную дополнительную работу – 23;

– планируем находить разовые приработки – 31;

– заниматься дополнительной работой не планируем – 46.

Полученные данные позволяют сделать, по крайней мере, три вывода:

а) лишь каждую седьмую молодую семью (в первую очередь, молодую мать) на Урале устраивает уровень заработка своего мужа;

б) большая часть молодых отцов, по оценкам их жен, имеют повышенную трудовую нагрузку, при этом каждый восьмой (12%) работает, «*выкладываясь из последних сил*»;

в) анализ показывает, что около 70% из общего числа обследованных семей на момент опроса не имели дополнительной оплачиваемой работы. При этом из их числа 46% семей «заниматься дополнительной работой не планировали».

Эту своеобразную экономическую пассивность молодых семей объясняют ответы наших респондентов – молодых женщин-матерей (**«Семья-1»**) на вопрос: «*Как вы считаете, почему многие россияне, в том числе уральцы, остаются без достаточных средств существования (в том числе в семье) и вынуждены просить (ждать) помощи от кого-либо (государства, городских властей, руководителей предприятий, спонсоров и т.д.), а не обеспечивать себя, свою семью самим, своими силами?*» Вот как распределились ответы на этот вопрос (% от общего числа опрошенных – 600 человек):

– виноваты, прежде всего, сами: не побеспокоились, не заработали – 63;

– виновато, прежде всего, государство, власти – 33;

– винить нужно судьбу, жизненные обстоятельства – 5.

Нетрудно видеть, что лишь каждый 20-й (5%) респондент проблему нехватки денежных средств в уральских семьях связывает со «случайными» жизненными обстоятельствами, с неблагоприятно «сложившейся судьбой». Каждый третий (33%) «винит» в наличии состояния бедности в семьях государство, властей разного уровня управления. Большинство же матерей «самокритичны» и считают, что материальное благосостояние семей зависит, в первую очередь, от них самих, от того, что они «сами не побеспокоились, не заработали» средства на желаемый достойный уровень жизни.

Следует констатировать, что два вида работы, а именно, работа в общественном производстве и бесплатная работа дома, имеют достаточно выраженные гендерные особенности: занятость мужчин связана с первым видом работы, а работа женщин – с обоими видами работ. Можно утверждать, что современная семья по-прежнему остается сферой, в которой власть над женским трудом принадлежит мужчине, а мерилом мужской власти является их свобода от домашнего труда и семейных обязанностей. Между тем в реальной практике мы встречаем новые гендерные тенденции.

В июле 2006 г. Исследовательским центром портала SuperJob.ua был проведен социологический опрос 1800 россиян. На вопрос: «*Как Вы считаете, должны ли мужчины выполнять домашнюю работу (стирать, мыть полы и т.д.) наравне с женщинами?*» ответы респондентов распределились следующим образом (% от общего числа опрошенных): вариант «да» набрал 73% голосов респондентов, вариант «нет» – 27%. При этом 70% мужчин и 74% женщин считают, что мужчины должны выполнять домашнюю работу

(стирать, мыть полы и т.д.) наравне с женщинами, причем чем старше респонденты, тем крепче в них уверенность, что мытье полов – дело общее.

Как показал опрос, мужчин, уверенных в том, что выполнять домашнюю работу нужно вместе с женщинами, намного больше среди состоящих в браке и имеющих детей. Удивительно, что такая уверенность крепнет у представителей сильного пола тем больше, чем больше уровень их дохода. Видимо, успешные в работе мужчины умеют быть успешными во всем – в том числе и в отношениях с женщинами. А вот позиция женщин вызывает удивление: хотя большинство представительниц слабого пола и ответили «да» на наш вопрос, их комментарии говорят о том, что помощь мужчины они готовы принять только очень усталыми, тяжелобольными или беременными [3].

В рамках неоклассического подхода гендерное распределение ролей внутри семьи интерпретируется благодаря использованию понятия «человеческий капитал». В широком смысле это понятие охватывает практически весь жизненный опыт, накопленный человеком на протяжении жизни. В узком, операциональном смысле под человеческим капиталом понимается формальное образование и профессиональная квалификация человека. Различаются две части человеческого капитала: общая, соответствующая полученному общему образованию, и специфическая, соответствующая профессиональному образованию, специализации.

Для семьи в целом выгодно, если каждый из супругов будет специализироваться на той деятельности, где он обладает сравнительными преимуществами большего человеческого капитала. Если учесть, что в сфере общественного труда средняя заработная плата женщин ниже, чем мужчин, а их «домашний» человеческий капитал в среднем выше, то экономически рациональной стратегией семьи будет вариант, когда муж работает в рыночном секторе, а жена – в домашнем хозяйстве. Как подчеркивают исследователи феминистской ориентации, работающие в рамках неоклассической парадигмы, женщины, накапливая специфический «семейный капитал» (marital-specific capital), попадают в замкнутый круг, когда дискриминация на рынке труда ведет к специализации в области домашнего хозяйства, а это, в свою очередь, еще более снижает шансы на рынке труда, следовательно, закрепляет подчиненное положение в семье, ограничивая возможности развода[1].

Вместе с тем сами женщины по-разному оценивают свою роль в работе по дому: одни считают ее той сферой, где могут реализовать себя, свою власть, умения и способности, другие считают ее скучной и монотонной, утомительной и закабаляющей. В 70-е годы прошлого века экономистами предпринимались усилия по расчету стоимости каждого вида деятельности

1. Подробнее см.: [1, с. 59].

(например, уборка, мытье посуды, планирование бюджета, работа в саду и пр.). Однако при всей его высокой экономической ценности, домашний труд по-прежнему имел и продолжает иметь низкий социальный статус. Существует объяснение, согласно которому домашний труд относится к женской сфере вследствие того, что мужчины имеют больше возможностей на рынке труда, получают более высокую зарплату, и семья выигрывает, если именно жена работает по дому, а муж занят вне дома. Однако эта теория не задается вопросом о том, как семья приходит к такому решению, и *почему труд женщин оценивается в рыночных условиях ниже, чем мужской*.

Экономисты пытаются решить эту проблему, не прибегая к субъективным оценкам. Для них домашний труд выступает опосредующим звеном между сферой рынка и сферой потребления. Более конкретно *домашний труд* определяется как форма деятельности, которая может быть замещена рыночной занятостью. Иными словами, вы можете воспользоваться платными услугами няни, чтобы она ухаживала за вашим ребенком, или отдать ребенка в платный детский сад. Но никому не придет в голову нанимать человека, чтобы он смотрел за вас телевизор. Следовательно, в первом случае речь идет о домашнем труде, а во втором – о времени отдыха. К *видам домашнего труда*, соответственно, следует относить весь спектр занятий по самообеспечению жизнедеятельности: изготовление, строительство и ремонт предметов, используемых в домашнем хозяйстве, перевозки, бартерный обмен, уборку, стирку белья, приготовление пищи, совершение текущих покупок, уход за детьми и нетрудоспособными членами семьи. Часть этих занятий совершается в домашнем пространстве, часть – за его пределами, но для нужд домашнего хозяйства.

Семья активно втягивается в сферу торговли и услуг не только как объект, но и как субъект деятельности этих сфер. Процесс роста предпринимательского слоя, занятого посредническими услугами, финансовой деятельностью, оказанием бытовых услуг, идет значительно быстрее ожидавшегося роста фермерских хозяйств.

В переходный период семья во многом смягчила удар «шоковой терапии» и включения рычагов рыночной регуляции. В экономическом аспекте, например, вся нагрузка по содержанию и воспитанию ребенка упала на плечи родителей. Раньше государство брало на себя до трети всех текущих затрат на содержание и уход за ребенком, включая воспитание (без учета инвестиций в социальную инфраструктуру) [2, с. 57]. Общие затраты (и семьи, и государства) равны стоимости типовой трехкомнатной квартиры. Не меньше стоимость моральных издержек и очень незначительна отдача от взрослых детей. В этом смысле семья бизнесмена лучше всего оказалась готова к обстоятельствам экономической депрессии.

Переходная экономика оперирует в основном краткосрочными кредитами, тогда как дети – объект долговременных инвестиций. Именно отсутствие денег на новое поколение у государства обусловливает конъюнктурную компоненту спада рождаемости в обществе. Ресурсы семьи не бесконечны, и поэтому экономически репродуктивная функция семьи оказалась менее всего защищенной.

Мы часто говорим, что существует противоречие между двумя ролевыми функциями женщины: работницы и матери. По мнению Н.М. Римашевской, «этого противоречия реально нет, а имеется противоречие между потребностями семьи в нормальном воспроизводстве, которое включает и трудовую, и репродуктивную деятельность, и реальными условиями их осуществления, женщина же попадает в это противоречие лишь потому, что семейные функции в большей мере сегодня замыкаются на ней» [5].

И далее она отмечает, что во все времена и у всех народов женщина рожала детей, была матерью и трудилась. Поэтому противопоставление ее репродуктивных и трудовых функций – это поверхностное отражение более глубинных процессов и явлений. Трудности семьи и женщины, считает московский социолог, связаны не с рождением и воспитанием детей, а с теми жилищно-бытовыми условиями, в которых эти процессы протекают в реальной жизни. «Это фактические издержки неразвитости нашей социальной инфраструктуры, базирующейся на “остаточном” принципе планирования. Поэтому намерение преодолеть видимость противоречия между функциями женщины-матери и женщины-работницы путем установления ей льгот в социальной и производственной деятельности представляет собой лишь видимость решения реального противоречия между стремлением женщины к социальному росту и фактическим тормозом, возникающим как в сфере быта, так и в сфере труда» [4].

Один из вопросов в анкете (**«Семья-1»**) был сформулирован следующим образом: «*Как Вы считаете, что могло бы реально повлиять на повышение рождаемости в России, появление в семье второго и особенно третьего ребенка?*» Всю совокупность опрошенных семей мы разделили по признаку благосостояния на три группы: *первая* – семьи, которые, по самооценкам «*живут в полном достатке*», *условно* – «ПД»; *вторая* – с оценкой «*имеют средний достаток*» – СД; *третья* – живут «*на грани бедности*» – ГБ. Как распределились ответы респондентов см. табл. 2.

Среди латинских сокращений и выражений, переживших десятки веков, мы находим следующее «*Extremis malis, extrema remedia*», что в переводе на русский язык означает: «*против серьезных болезней нужны сильные средства*». Древнее поучение как никогда актуально и правомочно применительно к семейной политике в России, стремящейся перейти от депопуляционных тенденций к благоприятному режиму расширенного воспроизводства нации.

Таблица 2

МНЕНИЯ МОЛОДЫХ УРАЛЬСКИХ МАТЕРЕЙ О ПЕРВООЧЕРЕДНЫХ МЕРАХ ГОСУДАРСТВА ПО ПОВЫШЕНИЮ РОЖДАЕМОСТИ (% от общего числа опрошенных по каждой группе)

Варианты ответов	*Группы по уровню достатка*		
	ПД	*СД*	*ГБ*
Обеспечить нормальные жилищно-бытовые условия семьям с детьми	69	71	78
Обеспечить отцов хорошей работой	59	61	68
Организовать доступную медицинскую помощь матери и детям	57	49	42
Организовать работу детсадов с доступной оплатой	48	58	50
Снизить цены на детские товары	38	50	40
Дать возможность женщинам-матерям работать и хорошо зарабатывать	36	45	49
Улучшить работу женских консультаций, служб планирования семьи	33	21	22
Повысить престиж материнства и отцовства в российском обществе	35	27	29
Еще более повысить денежную компенсацию за рождение очередного ребенка	28	30	30
Повысить экономическую и нравственную заинтересованность бабушек в воспитании внуков	16	9	6

Сложившаяся ситуация поддерживается существующими стереотипами общественного сознания и моделями социально-трудового поведения самих женщин. С одной стороны, по своему содержанию женский труд – это совокупность качественно определенных трудовых функций, которые может выполнять женщина в соответствии со своими биосоциальными особенностями. С другой стороны, женщины, ориентированные на работу, должны осуществлять и другую социальную функцию – хранительницы домашнего очага, воспитателя потомства, закрепленную в общественном сознании и разделяемую большинством женщин. В свое время замечательный русский хирург и педагог Н.И. Пирогов писал: «...итак, пусть женщины поймут свое высокое назначение в вертограде человеческой жизни. Пусть поймут, что они, ухаживая за колыбелью человека, учреждая игры его детства, научая его уста лепетать и первые слова и первую молитву, делаются главными зодчими общества» [4, с. 51]. Трудно не согласиться с этим определением места и роли женщины в строительстве общества. Хочется пожелать, чтобы эти мысли разделяли и те мужчины, от которых зависит строительство и реализация семейной политики в России, создание для женщин благоприятных условий для рождения и воспитания детей, для успешной и желанной реализации ими своего высокого социально-биологического предназначения.

Литература

1. Мезенцева Е. Гендерная экономика: Теоретические подходы // Вопросы экономики. – 2000. – № 3.
2. Миловидов А.С. Годы труда и жизни. – Финансы и статистика, 1983.
3. Пирогов Н.И. Избр. педагогические сочинения, 1985.
4. Римашевская Н.М. О некоторых проблемах положения женщины (по материалам экономико-социологического исследования). http://www.a-z.ru/women/texts/rimashrdd-e.htm
5. Тартаковская И.В. Социология пола и семьи, 1997.

С.В. Мельник

МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОЕ СОГЛАСИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ И ПРАКТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ

Мельник Сергей Владиславович – редактор сектора философии Отдела научно-библиографической информации ИНИОН РАН.

Несмотря на конституционное отделение церкви от государства, в ситуации отсутствия государственной идеологии, роль религиозного фактора в России возрастает. Построение конструктивных межконфессиональных отношений становится не только важнейшим фактором стабильного развития российского общества, но и критерием его выживания в непредсказуемых и хаотически изменяющихся условиях современности. Это делает крайне актуальным исследование способов и механизмов реализации межконфессионального согласия.

Согласно данным опроса, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в марте 2010 г., население страны причисляет себя к следующим религиям [3]:

православие – 75% (107,2 млн.);

ислам – 5% (7,1 млн.);

католицизм, протестантизм, иудаизм, буддизм – около 1%;

другие конфессии – около 1%;

неверующие – 8% (11,4 млн.).

Кроме того, 3% респондентов заявили, что являются верующими, но не причисляют себя к какой-либо конкретной конфессии.

Самая распространенная приводимая исламскими лидерами [4] и некоторыми исследователями [12] цифра численности мусульман в России составляет примерно 20 млн. человек, т.е. в несколько раз больше чем в упомянутом опросе. Эта цифра получена на основе распространенного, особенно среди религиозных лидеров, «этнического принципа» исчисления. В этом случае православие объявляется этнической религией русских, украинцев,

белорусов, чувашей, мордвы, карел, коми, осетин и других народов. На основе такого метода подсчета, согласно данным Всероссийской переписи 2002 г., число православных определяется примерно в 120 млн. человек. Очевидно, что при таком способе исчисления верующими оказываются убежденные атеисты, люди безразличные к религии, а также русские, исповедующие иную веру. Однако даже на основании этнического принципа, который позволяет вывести максимально возможную численность, количество мусульман составляет около 14,5 млн. (по данным переписи 2002 г.) [16]. Между тем действительно наблюдаются тенденции роста доли мусульман в населении РФ, что объясняется более высокой рождаемостью в мусульманских семьях и миграцией из ряда стран Средней Азии и Азербайджана.

В исследовании ВЦИОМ был использован критерий религиозной самоидентификации (или так называемой «культурной» религиозности), основывающийся на субъективной оценке респондентом своей конфессиональной принадлежности. Однако это вовсе необязательно означает, что он разделяет ее вероучение, участвует в таинствах и обрядах, является членом общины. Так, согласно данным этого же опроса, лишь 54% православных знакомы с содержанием Библии. А согласно социологическому исследованию проведенному «Фондом общественное мнение» в январе-феврале 2010 г., лишь 4% православных россиян регулярно посещают храм и причащаются [10]. Аналогичная картина наблюдается и в других конфессиях России – «практикующими» можно назвать не более 10% верующих [16].

Для налаживания межконфессиональных контактов религиозные организации создают специальные аппаратные структуры. Здесь можно отметить деятельность созданного в 1998 г. Межрелигиозного совета России, объединяющего лидеров традиционных религий России – православия, ислама, иудаизма и буддизма. Основными направлениями работы совета являются координация усилий религиозных объединений в сферах внутреннего и внешнего миротворчества, развитие взаимоотношений религии, общества и государства, укрепление общественной нравственности, организация и поддержка межрелигиозного диалога по общественно значимым и иным смежным проблемам [15].

Существенную роль в качестве субъекта и инициатора межрелигиозных отношений в России играют институты светской власти, видящие в гармоничных межконфессиональных отношениях необходимое условие политической, социальной и экономической стабильности. Для совершенствования законодательного обеспечения в рассматриваемой сфере в 2006 г. Совет Федерации создал Объединенную комиссию по национальной политике и взаимоотношениям государства и религиозных объединений. При Правительстве Российской Федерации работает Комиссия по вопросам религиозных объединений. Она вырабатывает рекомендации по широкому кругу актуальных вопросов, таких как сохранение объектов культурного наследия религиозного

назначения, налоговая льгота для религиозных организаций, проблемы паломничества российских мусульман. В работе Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации затрагиваются внутренние и международные аспекты развития межконфессионального диалога. В марте 2011 г. при Совете была образована Комиссия по вопросам гармонизации межнациональных и межрелигиозных отношений. В составе Государственной думы РФ функционирует Комитет по делам общественных объединений и религиозных организаций, в сферу компетенции которого входят вопросы законодательства, затрагивающие конституционные права и свободы граждан. Кроме этого консультативные структуры, куда входят местные религиозные лидеры, существуют и при большинстве губернаторов и глав администраций субъектов Российской Федерации.

Необходимо подчеркнуть, что взаимодействие в рамках отмеченных выше институтов направлено, главным образом, на решение актуальных рабочих вопросов межрелигиозных отношений в рамках правового поля светского государства, не затрагивая при этом догматики конфессиональных систем. Различные государственные комиссии и межрелигиозные советы проводят мониторинг нарушений межконфессиональных и межнациональных отношений и реагируют на них, выражая свою консолидацию в многочисленных заявлениях и декларациях, призывающих к миру и взаимоуважению. Признавая, несомненно, положительную роль такой модели межрелигиозных отношений, недостаточность такого подхода, потребность в более глубоком диалоге осознается и самими его участниками [14].

Еще одним субъектом межконфессиональных отношений выступают институты гражданского общества. Религиозные лидеры работают в составе Общественной палаты Российской Федерации. Важная инновация в диалоге светских институтов гражданского общества и религиозных организаций – появление темы защиты прав человека, свободы совести и прав религиозных меньшинств. Повышается также роль частных инициатив и проектов, которые влияют на подготовку документов соответствующих официальных структур традиционных и нетрадиционных религиозных организаций.

Основным механизмом достижения согласия между конфессиями признается межрелигиозный диалог. Само понятие «межрелигиозный диалог» имеет особые философские и культурологические коннотации, свою собственную историю и может употребляться в разных смыслах. Этому явлению, особенно в отечественной литературе, посвященной проблемам межрелигиозных отношений, не уделяется должного внимания, что приводит к некоторой путанице. В целом можно констатировать, что и в понимании семантики «межрелигиозного диалога», и в осмыслении его задач царят неопределенность и неясность, а многие специалисты, в частности В. Шохин [17], Г. Абраамян [1, с. 11], А. Маргалит [20, с. 149] вообще относятся скептически к самой его

возможности. Попробуем выявить основные значения понятия межрелигиозного диалога и рассмотрим основные подходы к его пониманию.

Этимологически слово «диалог» означает не более чем беседу, разговор, коммуникацию. Поэтому термин межрелигиозный диалог, особенно в России, нередко употребляется как синоним понятия «межрелигиозное общение», т.е. для обозначения любой формы встречи между представителями различных конфессий.

Один из смысловых оттенков понятия «диалог» заключается в том, что это не просто какие-то переговоры, но отношения направленные на сближение, носящие конструктивный характер, «диалог – это не всегда согласие, но всегда поиск согласия» [7, с. 5]. В этом контексте американский исследователь П. Мойзес предлагает следующую градацию отношений между религиями (от негативных к позитивным): война, антагонизм, индифферентность, переговоры, диалог, сотрудничество, единение [21]. Антагонизм является мягкой формой войны и наиболее частым случаем межрелигиозных отношений. Некоторые признаки толерантности появляются в третьей категории, а позитивное движение начинается с переговоров, хотя они редко бывают основаны на подлинной открытости. Фундаментальное изменение отношения к Другому возникает в диалоге. Его участники допускают взаимные отличия, поэтому сотрудничество не только может быть основано на взаимных интересах, но и вести к лучшему взаимопониманию. Наконец, единение не обязательно означает формальное слияние, но подразумевает гармонию в восприятии мира.

В широком культурном сознании понятие «диалог» неразрывно связано с беседами Сократа, в которых выясняется или «рождается» некоторая теоретическая истина посредством обмена аргументами со стороны двух собеседников. Такой тип диалога имеет свои законы – каждая из сторон желает утвердить аутентичную трактовку предмета дискуссии, старается относиться ко всему «объективистски» и отрешается ради этого от любых личных интересов. Выстраивавшаяся в соответствии с этими принципами «классическая» модель диалога религий, проходившая в форме различных диспутов и споров, и ставящая своей целью выяснение истины, изредка встречается и сейчас. Одним из примеров здесь могут служить дебаты с мусульманами, на такие темы как «Библия или Коран являются откровением Бога?», устраивавшиеся убитым в 2009 г. православным священником Даниилом Сысоевым.

На Западе под межрелигиозным диалогом чаще всего понимается форма межконфессиональных отношений, соответствующая особой «культуре диалога», которая предполагает отказ от навязывания своих убеждений, признание ценности религиозных основ собеседника, готовность к принятию критики и другие установки. В рамках этой парадигмы было сформулировано известное католическое определение межрелигиозного диалога как «любой

формы встречи и поиска взаимопонимания между людьми, группами или общинами, осуществляемой в духе искренности, уважения и доверия к другому человеку как к личности и имеющей целью углубленное познание какой-либо истины либо стремление сделать отношения между людьми более соответствующими достоинству человека» [6].

Один из известных специалистов в области межрелигиозного диалога католический профессор Леонард Свидлер объясняет: «Искренние партнеры по диалогу не стремятся переубедить друг друга, а наоборот пытаются с симпатией выслушать собеседника и непредвзято вникнуть в его доводы… Истинная цель диалога в том, чтобы принять своего партнера как человека, смотрящего на жизнь по-иному, нежели вы сами. Задача же диалога в том, чтобы более глубокое понимание вашего собеседника и его взглядов привело к плодотворному изменению вашей собственной позиции. Иначе говоря, межрелигиозный диалог направлен на взаимообогащение и духовный рост его участников и исключает навязывание кому-либо из них чуждых взглядов» [13, с. 456]. В отличие от классической парадигмы межрелигиозного диалога, победа и самоутверждение в процессе диалога становятся совершенно неприемлемы как цель. Напротив, необходимой составляющей новой модели является противоположная самоутверждению практика «смирения» и «самоумаления». Необходимо, впрочем, отметить, что сущностные черты этой модели не так уж и новы.

Еще в конце XIX в. наметилась тенденция стремления к созданию универсальной «религии будущего». Предполагалось, что ее отличительной чертой будет взаимная открытость различных религий по отношению друг к другу и их «взаимообогащение», которое, однако, не должно вести к синкретизму, слиянию, потере идентичности. По мнению наиболее авторитетного сторонника этой концепции американского религиоведа Джона Хика, различные религиозные традиции представляют собой лишь «линзы», через которые в человеческом сознании преломляется свет Реальности, и ни одна из них не лучше и не хуже другой. Значительные отличия между религиями обусловлены тем, что исторически каждая из них развивалась в специфической культурной среде. В современном «едином мире» религии, участвующие в постоянных контактах и диалоге, переживают эпоху необратимого сближения [19, с. 151].

Стремление использовать диалог религий для создания некой синтетической «религии диалога» оказывает заметное влияние на характер современных межконфессиональных отношений на Западе. На теоретическом уровне, в многочисленных исследованиях, предпринимаются попытки унифицировать расхождения между различными религиями, показать относительность каждой духовной традиции и неправомерность претензий на исключительность. И на практике новый тип религиозности приводит к весьма любопыт-

ным феноменам. Начиная с 1986 г., Ватикан проводит ежегодные межрелигиозные встречи в Ассизи. Уже на первой из этих встреч мусульманам, синтоистам, индуистам и буддистам для совершения своих культов были предоставлены отдельные католические монастыри и храмы. А во время конференции Национального совета церквей Австралии в 1994 г. алтарь католического храма святого Христофора в Канберре был «освящен» местными языческими жрецами, вход с Евангелием совершила местная аборигенка, а впоследствии монахи разных религий, начиная с католических орденов, прошли через «очистительный» языческий дым. Такие формы межрелигиозной конвергенции не укладываются в традиционное религиозное сознание, побуждая людей относиться к диалогу с чужими верами, с обоснованным подозрением и отвергать его из-за опасности отступничества.

Основным препятствием для достижения межконфессионального согласия, равно как и для проектов создания универсальной религии, является тот факт, что религиозное сознание по самой своей природе стремится к монополии на истину, убеждено в исключительности своей веры и ее превосходстве над другими. В религиоведческой литературе эти установки ортодоксального конфессионального мировосприятия характеризуются как парадигмы «эксклюзивизма», подразумевающей наличие единственной истины и единственного пути ее познания, или «инклюзивизма», согласно которой лишь одна духовная традиция обладает полнотой истины, а все остальные лишь некоторыми ее частями [8, с. 126].

Весьма распространенная точка зрения, согласно которой все религии (или так называемые «традиционные» религии) учат любви, добрососедству и терпимости, весьма далека от действительности, являясь примером одного из мифов современного массового сознания. Скорее, в качестве общего правила можно констатировать явную нетерпимость религиозного сознания, степень которой зависит от догматов конкретной конфессии, особенностей эпохи, культурного ареала и может варьироваться от безразличия или даже некоторой симпатии до агрессивной неприязни.

Итак, каждая религия, а особенно это касается авраамических религий, настаивает на «исключительности» своего основателя и священных текстов, считает тех, кто исповедуют иную веру, так или иначе заблуждающимися, что естественным образом ограничивает прерогативы «чужих» и мешает межконфессиональному сближению. Подобная элитарная ментальность может вызывать взаимную отчужденность огромных людских масс. В этих условиях крайне важным оказывается исследование проблематики достижения межконфессионального согласия.

По мнению автора, при разработке стратегии гармонизации межконфессиональных отношений в первую очередь необходимо учитывать, что каждая религия проявляет себя на двух уровнях: «теологическом» (принципы, осно-

вы вероучения и их обоснование) и «институциональном» (социальные, культурные, политические аспекты). В соответствии с этими уровнями и стратегия достижения межрелигиозного согласия должна иметь две формы воздействия, для каждой из которых требуются своя методика и механизмы реализации.

Религия является широким и гетерогенным целостным феноменом, включающим в себя, в том числе, разнообразные институты соединяющие сферу религии с социумом и государством. Но в составе этого целого теологической составляющей принадлежит стержневая роль, поскольку она является квинтэссенцией антропологического и духовного содержания религиозной традиции. Поэтому сначала рассмотрим способы достижения межконфессионального согласия на «теологическом» уровне.

Вследствие господства атеистической идеологии в СССР осмыслению вопросов межконфессиональных отношений почти не уделялось внимания, поэтому в современной России незначительна роль межрелигиозного диалога на «теологическом» уровне, и слабо развита «культура диалога» в обозначенном выше контексте. На Западе же проблематика межрелигиозного диалога активно разрабатывалась более столетия, что делает актуальным обращение к этому опыту. Для того чтобы понять, какие задачи ставят перед собой участники межрелигиозного диалога, воспользуемся классификацией авторитетного специалиста в этой области Э.Дж. Шарпа [18, с. 285–287].

Первый, выделенный Шарпом тип – «дискурсивный диалог» предназначен выявить теоретико-догматические сходства и различия религиозных мировоззрений с целью выяснения того, что можно назвать «общим знаменателем», т.е. совокупностью, суммой религиозных положений, разделяемых всеми сторонами. Понятно, что такой принцип универсален, приложим к контактам любого рода, в нашем случае речь идет об элементах религиозных учений и доктрин, предметах веры. Акцент делается на том, что, например, последователи монотеистических религий поклоняются одному и тому же Богу, верят в сотворение мира, Откровение, спасение души. В рамках этого подхода, в частности, высказывались представители мусульман России, видя основу взаимоуважения между авраамическими религиями в вере в Единого Бога, духовной близости по линии Авраама (Ибрагима) и предлагая рассматривать в богословских дискуссиях Коран как своего рода «Третий Завет», наряду с Ветхим и Новым Заветами [2].

Нередко особое внимание в рамках модели «дискурсивного диалога» уделяется попыткам сблизить религии на основе так называемой «глобальной этики». Так, в честь 100-летней годовщины Всемирного парламента религий в 1993 г. был принят документ «На пути к глобальной морали: Первоначальная декларация» – проработанное заявление, закладывающее основы морали, общие для всех мировых религиозных и духовных традиций [9, с. 41–42].

Участники второго вида межрелигиозного диалога – так называемого «человеческого диалога» – стремятся увидеть в представителе другой религии не носителя определенных «верований» и «концепций», но просто человека как он есть, и понять его так же, как самого себя вне своей конфессиональной принадлежности. Этот подход подчеркивает разницу между отношением к представителям той или иной религиозной традиции и к традиции как таковой. Один из его сторонников Джей Ньюмен писал: «Толерантность к религиозной вере не подразумевает частичного или полного принятия этой веры самой по себе, а скорее, включает принятие того, кто разделяет эту веру, сохраняя при этом приверженность своей вере» [22, с. 8].

Третий тип – «секулярный диалог», видит основную задачу межрелигиозных встреч в сотрудничестве ради всеобщего блага – решении экологических проблем, утверждении социальной справедливости, моральных ценностей, мира и свободы, что также может вести к лучшему взаимопониманию приверженцев разных духовных традиций.

Последняя, четвертая разновидность – «внутренний диалог» основывается на осмыслении мистического опыта каждой духовной традиции. Этот тип диалога весьма перспективен, поскольку все более общепринятым убеждением становится то, что Бог открывает Себя в каждой религиозной традиции, и сущность религиозности лежит в мистическом опыте переживания единства индивида с Абсолютным.

Эту классификацию типов межрелигиозного диалога, предложенную Э. Шарпом, можно расширить, отметив рассмотренную нами выше концепцию создания универсальной «религии будущего». Хотя эта тенденция далеко не всегда ясно осознается и отчетливо формулируется участниками диалога, но присутствует скорее как некая имплицитная сверхзадача, она существенно влияет на характер современных межрелигиозных отношений. Наиболее известными сторонниками этой концепции являются «апостол межрелигиозного диалога» Р. Панникар и религиоведы Д. Хик и Г. Ковард. Схожие взгляды на феномен религиозного плюрализма и будущее межконфессиональных отношений были изложены русским мыслителем Даниилом Андреевым в произведении «Роза мира».

Необходимо отметить, что приведенные выше стратегии межрелигиозного диалога на «теологическом» уровне не могут гарантировать согласия, скорее их надо рассматривать лишь как способы, позволяющие несколько нивелировать мощный заряд партикуляризма и идеологических разногласий между духовными традициями. Вообще, скептис замечания и сомнения в духовной ценности и глубине межрелигиозного диалога сопровождают всю его историю.

Так, указывается, что в «секулярном диалоге» нем нет ничего собственно религиозного, и что представители различных религий смотрят на мирские

проблемы по-разному, поэтому прийти к консенсусу нелегко. Конфессиональная принадлежность скорее служит препятствием для совместного решения общечеловеческих задач. При этом надо сознавать, что такие ценности как материальное благосостояние или даже сама жизнь являются для религиозного сознания, смотрящего на все sub specie aetemitatis (с точки зрения вечности), относительными и второстепенными. Отмечается высокая гуманитарная ценность и благородный идеализм модели «человеческого диалога», но выражаются сомнения в идентификации его как религиозного и возможности «отделить» личность собеседника от его конфессионального бэкграунда и соответствующего менталитета. Критики «внутреннего диалога» отмечают, что религия отнюдь не исчерпывается мистикой и сторонниками этого подхода могут быть лишь немногие укорененные в традиции участники диалога.

Самая популярная стратегия межрелигиозного диалога – «дискурсивный диалог», состоящая в поиске «общего знаменателя», основывается на предположении, что общие элементы должны обеспечить гармонический характер отношений. В рамках этого подхода все несовпадающее в позициях участников воспринимается как разделяющий фактор и поэтому отбрасывается, выводится из пространства обсуждения. Тем самым участники межрелигиозного диалога лишаются своих индивидуальных отличий, они выступают здесь как усредненные, формализованные субъекты. Ясно, что такой тип диалога, редуцирующий саму стихию религиозной жизни, рискует остаться совершенно поверхностным и поэтому неспособен породить существенное сближение участников. Причем, если мы вспомним, например, раскол в Русской православной церкви, или же продолжающиеся и поныне столкновения между суннитами и шиитами, то можем констатировать, что даже несущественные догматические различия в рамках одной и той же религиозной традиции и одного этноса могут привести к ожесточенному противостоянию.

Управлению и сдерживанию деструктивных тенденций в межконфессиональных отношениях может способствовать ряд превентивных мер. Формы восприятия иноверцев, степень социального размежевания и избирательность в социальных связях разнятся в зависимости от принадлежности к конкретной религии и внутри ее. В России главным источником дезинтеграции является так называемый «исламский фактор», который становится все более актуальным, после чеченской войны в особенности. При этом нужно учитывать, что характерной чертой межконфессиональных отношений в России является их теснейшая связь с межнациональными отношениями.

Особое внимание следует уделить агрессивному радикализму небольших нетрадиционных культов и сходных группировок внутри традиционных религий. Межрелигиозные противоречия могут обостряться вследствие вмешательства «третьих сил», которые преследуют собственные политические или экономические интересы, провоцируют, идеологически обосновывают, орга-

низационно и финансово подкрепляют противостояние конфессий. Негативные групповые представления о «чужих» могут усиливаться и из-за манипуляции религиозными ценностями радикально настроенным духовенством.

Одной из показательных сторон современного религиозного возрождения в России является вовлеченность в этот процесс молодежи, которая оказывается в наибольшей мере подверженной влиянию религиозных идеологий [11, с. 20]. К сожалению, наметилась устойчивая тенденция роста агрессивных молодежных группировок, которые, будучи побуждаемы определенными политическими силами, прямо или косвенно берут на вооружение религиозную фразеологию и идеологию.

По критерию конфессиональной вовлеченности социальное поле межрелигиозного восприятия можно представить как состоящее из периферий и центров. Для периферии характерны более выраженные терпимость к инакомыслию и критическая рефлексия по отношению к собственной религии. Верующие, находящиеся в центре конфессиональных жизненных миров, в более жесткой форме подвергаются религиозному контролю, здесь чаще фигурируют стереотипы, догматические регламентации, менее выражена критическая саморефлексия, а иноверцы и атеисты воспринимаются менее лояльно [11, с. 9]. Но и на периферии имеется «эмоциональное отождествление себя с религиозной общностью», что является еще одной причиной, по которой межконфессиональное восприятие очень уязвимо к внутреннему (со стороны радикально настроенного духовенства) и внешнему (со стороны враждебных политических сил) идеологическому воздействию.

Понимание религиозной толерантности, отраженное во Всеобщей декларации прав человека ООН 1958 г. или российском Федеральном законе «О свободе совести и о религиозных объединениях», подразумевает свободу индивида выбирать или практиковать ту веру, которую он пожелает. Формальная толерантность означает невмешательство в веру других людей и допущение свободного существования разных вер и религиозных практик.

Между тем важно сознавать, что такие либеральные принципы как отделение церкви от государства, религиозный плюрализм, религиозная свобода являются продуктом эпохи Просвещения, предложившей новые трактовки сущности человеческой природы и место религиозной веры в социальной жизни. Сегодня, когда в политике «возобладали возрожденный партикуляризм, воинствующий конфессионализм и вновь ожившие этнические мотивы» [5, с. 14], становится все более очевидным, что эти идеи эпохи Просвещения устарели, они являются утопией, не отвечающей нынешним реалиям. В современном мире существуют и взаимодействуют различные культуры и цивилизации, не все из которых разделяют европейский принцип автономии индивида, обладающего правом самому определять свою судьбу. Модель религиозного плюрализма, признающего за другими вероучительными систе-

мами не только «гражданское» и юридическое право на существование, но и право на обладание духовной истиной и спасительной культовой практикой противоречит традиционному религиозному сознанию. Плюрализм и свобода вероисповеданий, провозглашаемые светским государством, не могут гарантировать религиозной толерантности, поскольку религиозное мышление оперирует другими категориями.

С сожалением приходится констатировать, что современное поликультурное общество недостаточно готово к тем социальным проблемам, которые способен нести за собой религиозный ренессанс. Одной из основных проблем является та, что конфессии с их историческими сложившимися традициями, имеющими с точки зрения религиозного сознания божественную легитимность, могут проявить себя как автономные от государства источники авторитетной духовной власти и закона.

Все это обусловливает потребность в продуманной сбалансированной межконфессиональной политике государственного масштаба с учетом специфики и условий каждого региона. Существующие общественные и государственные структуры, в том числе межрелигиозные советы, не могут, по мнению автора, справиться с этой задачей. Необходимо создание нового государственного института, занимающегося проблемами межконфессиональных отношений. В его состав обязательно должны входить духовные лидеры, поскольку иерархи практически любой религии располагают средствами социального контроля, способными сдерживать групповую агрессивность, и от их позиции зависит содержание широких общественно-религиозных настроений.

При наличии очагов напряжения необходимо, с одной стороны, предпринять усилия к исправлению «негативного образа чужой религии», а с другой – минимизировать условия, способствующие усилению негативного аффекта. При этом надо четко понимать, что силовые, экономические, юридические рычаги не могут оказать устойчивого влияния на ситуацию, поскольку идеи поддаются воздействию только других идей. Благотворной была бы разработка идейной платформы, сближающей верующих различных конфессий и закладывающей концептуальные основания религиозной толерантности. Рассмотренные выше стратегии межрелигиозного диалога важно осмыслить и скомбинировать с учетом этноконфессиональной специфики России, а полученные результаты использовать в широком спектре образовательных программ.

Литература

1. Абрамян Г.А. Противостояние Запад–Восток как главная цивилизационная ось современности. (Методологически-мировоззренческий аспект) // Путь Востока. Универсализм и партикуляризм в культуре / Материалы VIII Молодежной научной конференции по проблемам философии, религии, культуры Востока. – СПб., 2005. – С. 7–12.

2. Асадулин Ф. Диалог религий глазами мусульман. Режим доступа: http://religion.ng.ru/problems/2005-12-21/6_dialog.htm

3. ВЦИОМ: Итоги всероссийского опроса, март 2010. Режим доступа: http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=13365

4. Гайнутдин Р., муфтий. Ислам: Ответ на вызовы времени. Выступления, статьи, интервью, документы 1994–2008 гг. – М., 2010. – 752 с.

5. Грей Д. Поминки по Просвещению: Политика и культура на закате современности. – М., 2003. – 368 с.

6. Диалог // Католическая энциклопедия. – Т. 1: А – З. – М.: Издательство Францисканцев, 2002. – Стлб. 1626–1633 (цитируется стлб. 1626–1627).

7. Диалог: Теоретические проблемы и методы исследования // Сб. научно-аналитических обзоров / Отв. ред. Безменова Н.А. – М.: ИНИОН, 1991. – 160 с.

8. Завершинский Г., свящ. Богословие диалога: Встреча религий // Церковь и время. – 2005. – № 3. – С. 125–142.

9. Камильери Дж.А. Глобализация незащищенности и диалог цивилизаций // Вестник Мирового Общественного Форума «Диалог цивилизаций». – 2006. – № 1. – С. 33–55.

10. Количество православных в стране увеличилось, но процент «воцерковленных» не изменился. Режим доступа: http://www.psmb.ru/aktualnoe/vse_novosti/v_rossii/statja/kolichestvo-pravoslavnykh-v-strane-uvelichilos-no-proc/

11. Курачев Д.Г. Межконфессиональные отношения как формы социокультурного взаимовосприятия: Социально-философский анализ. Автореферат дис. ...доктора философских наук / Башкир. гос. ун-т. – Уфа, 2005. – 42 с.

12. Малашенко А.В. Исламская альтернатива и исламистский проект / Московский центр Карнеги. – М., 2006. – 224 с.

13. Свидлер Л. Межрелигиозный диалог: Истоки, проблемы, перспективы // Страницы. – 2000. – № 5. – С. 452–461.

14. Свобода не бывает безнравственной. Патриарх Кирилл выступил против нейтралитета в вопросах морали. Режим доступа: http://www.mospat.ru/archive/nr909101.htm

15. Состоялось заседание Межрелигиозного совета России. Режим доступа: http://www.mospat.ru/archive/nr909101.htm

16. Филатов С., Лункин Р. Статистка российской религиозности: Магия цифр и неоднозначная реальность. Режим доступа: http://warrax.net/89/7/stat.html

17. Шохин В.К. «Диалог религий»: Виртуальное понятие и реальное значение. Доклад, прочитанный 27.01.2000 на VIII Рождественских образовательных чтениях. Режим доступа: http://www.netda.ru/belka/nauka/+filosof.htm

18. Шохин В.К. «Диалог религий»: Идеология и практика // Альфа и Омега. – 1999. – № 1. – С. 281–295.

19. Hick J. The Outcome: Truth and dialogue // Truth and dialogue. The Relationship between world religions / Ed. by J. Hick. – L., 1975.

20. Margalit A. The Ring: On Religious Pluralism // Toleration: An Elusive Virtue / Ed. by D. Heyd. – Princeton, 1996. – P. 149–150.

21. Mojzes P. Types of encounter between religions // Attitudes of religions and ideologies toward the outsider / Eds. L. Swidler, P. Mojzes. – Lewiston, 1990. – P. 1–24.

22. Newman J. Foundations of Religious Tolerance. – Toronto, 1982.

Ю.Е. Поляк

ЭЛЕКТРОННЫЕ УСЛУГИ: ГОТОВЫ ЛИ К НИМ ГОСУДАРСТВО И НАСЕЛЕНИЕ?

Поляк Юрий Евгеньевич – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ЦЭМИ РАН.

Первые шаги электронных государственных услуг

Как известно, личный пример первого лица – лучший стимул для внедрения нововведений. С появлением в стране новой администрации вопросы электронного документооборота и предоставления гражданам онлайновых услуг относятся к самым приоритетным. Президент страны, открывая Совет по развитию информационного общества 12 февраля 2009 г., высказался на эту тему достаточно внятно. «Не внедрены электронные государственные услуги для граждан. За редким исключением, нет возможности отправить с личного компьютера никакого заявления или проследить за прохождением своей бумаги в том или ином ведомстве, получить электронную справку по системе единого окна» и далее: «Электронного правительства нет, всё это – химера»[1]. Не менее резкие слова звучали на заседании комиссии по модернизации и технологическому развитию экономики России 31 августа 2009 г.[2]

В результате появились два правительственных распоряжения (№ 1555-р от 17.10.2009 и № 1993-р от 17.12.2009) о государственных и муниципальных услугах, предоставляемых в электронном виде органами исполнительной власти соответственно на федеральном и региональном уровнях. Первый список содержит 74 услуги, среди которых: прием налоговой декларации; государственная регистрация юридических лиц и индивидуальных предпринимателей; таможенное оформление товаров; выдача и учет паспортов; формирование и ведение базы данных об участниках ЕГЭ; регистрация лекарственных средств; выдача водительских удостоверений; государственная

1. http://tours.kremlin.ru/appears/2009/02/12/1555_type63378type63381_212850.shtml
2. http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1229521

регистрация прав на недвижимое имущество и сделок с ним и т.д. Во втором перечне 58 услуг (регистрация рождения и брака; запись в детский сад; предоставление социальных льгот и субсидий; оформление разрешений на строительство и аренду земли; получение информации о результате экзаменов и оценках ученика; запись на прием к врачу; выдача документов жилищно-коммунальной сферы и др.).

Взаимодействие государственных органов с потребителями услуг в этих документах разделено на пять этапов: информационный (предоставление в электронном виде информации о порядке оказания услуг), одностороннее взаимодействие (предоставление в электронном виде необходимых форм и бланков), двустороннее взаимодействие (возможность для заявителей представлять документы в электронном виде через единый портал государственных и муниципальных услуг), интерактивный этап (электронный мониторинг исполнения, а также электронное взаимодействие между различными исполнителями), полностью удаленное взаимодействие (имеющее юридическую силу электронное взаимодействие между всеми участниками предоставления услуги, получение в электронном виде результатов).

Полностью завершить все этапы предполагалось к 2015 г. Позже эти сроки были сокращены, в частности к августу 2011 г. регионам необходимо перейти на третий этап. Кроме того, были определены 19 первоочередных государственных и муниципальных услуг.

Федеральный закон №210-ФЗ от 27 июля 2010 г. «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» среди прочего утверждает стандарты предоставления государственных и муниципальных услуг; формулирует принцип «одного окна» (однократного обращения за услугой в МФЦ, либо на портал, call-центр); обязывает госорганы обеспечивать оказание всех госуслуг в электронном виде, если это не запрещено законом; запрещает требовать от заявителя предоставления документов и информации, которые уже находятся в тех или иных органах власти.

Отметим, что в десятке самых дорогих проектов государственной программы «Информационное общество» значатся переход на предоставление государственных и муниципальных услуг в электронном виде; развитие функционала Единого портала государственных и муниципальных услуг (функций); развитие мероприятия «Электронный регион».

Упомянутый портал[3] (разработчик – Ростелеком, стоимость разработки и запуска – 181 млн. руб.) начал работу в декабре 2009 г. Он призван решить важную социальную задачу. Как отмечалось на заседании правительственной комиссии по вопросу «О развитии информационных технологий в субъектах

3. http://gosuslugi.ru

Российской Федерации» (Уфа, 08.02.2010), число обращений граждан в органы власти за услугами в год у нас в стране составляет 360 млн. Гражданам приходится из раза в раз собирать одни и те же справки, подавать одни и те же заявления, чтобы реализовать свое право на получение социальной поддержки, будь то лекарственное обеспечение или санаторно-курортное лечение, проезд на общественном транспорте или коммунальные платежи. Нужно избавить людей от необходимости ходить по конторам, трепать нервы в очередях, когда требуется получить элементарные бумаги из БТИ, собесов, ДЭЗов, паспортных столов и регистратур в поликлиниках[4].

Автор, к сожалению, лишен возможности составить собственное представление обо всех функциях портала госуслуг. Попытавшись зарегистрироваться на сайте в первый же день его работы в интерактивном режиме (1 апреля 2010 г., дата выбрана словно специально!), он столкнулся с тем, что помещенная там форма отказывается принимать многократно проверенные данные. С пятой или шестой попытки удалось ввести паспортные данные, номера СНИЛС и ИНН и даже кривые буквы и цифры тестового кода, после чего на электронный адрес и на сотовый телефон пришли промежуточные пароли, а после их ввода – сообщение о том, что еще один, самый главный пароль будет отправлен по почте на домашний адрес. На таком способе обеспечения безопасности данных настаивал министр И. Щеголев: «Почтовый путь мы выбрали не случайно. Нам нужна гарантия, что код доступа получит именно тот человек, который регистрировался на сайте. Письмо заказное, соответственно, почтальон при вручении должен проверять паспортные данные. Для нас это еще один способ защиты информации»[5].

Не работают самые полезные сервисы, связанные с УФМС, МВД, ФНС, временами документы приходится переделывать из-за несовершенства электронной формы. «“А что вы хотели? – говорят им в региональных УФМС, – система новая, вот на вас мы ее и будем тестировать”. Но когда разработчики поправят свои ошибки, неизвестно»[6].

Надо сказать, что портал госуслуг – еще не самый худший вариант. За 15 лет использования дистанционных транзакций (всевозможные покупки, заказ гостиниц, банковские переводы и т.д.) автор сталкивался и с устаревшей информацией, и с завышением цен, а то и с откровенным жульничеством. А на сайтах «присутственных мест» тоже часто приходится выполнять роль бета-тестировщика (или подопытной лабораторной мыши). В Москве больше всего «отличаются» сайты ФНС, Сбербанка, коммунальных служб; у автора уже набралось приличное досье с фактами игнорирования запросов,

4. http://www.premier.gov.ru/visits/ru/9332/events/9337

5. http://rg.ru/2010/05/06/schegolev.html

6. http://www.pcweek.ru/themes/detail.php?ID=123598

безграмотной организации сайтов, требований дублирования отправленных электронных документов бумажными. А портал государственных услуг, по словам его создателей, ежемесячно посещают от 200 до 700 тыс. пользователей, которые просматривают его страницы от 2 до 7 млн. раз; с помощью сайта оформлено 20 тыс. паспортов. В рейтинге RamblerTop100 сайт занимает место в середине 12-й тысячи.

В последнее время во исполнение упомянутых постановлений появилось много интересных решений, особенно в регионах (кстати, к 2010 г. региональные порталы государственных и муниципальных услуг появились в 79 субъектах Федерации). Так, в Псковской области реализован проект оказания комплексной электронной услуги «Регистрация актов гражданского состояния: регистрация рождения»[7]. По желанию граждан для регистрации рождения ребенка им может быть предоставлен ряд сопутствующих услуг в других ведомствах. В соответствии с письменным заявлением (и согласием на обработку персональных данных) информация о ребенке и его родителях направляется в Пенсионный фонд для регистрации в системе пенсионного страхования, миграционную службу для регистрации ребенка по месту жительства и внесения сведений о ребенке в паспорта родителей, страховую медицинскую компанию для оформления полиса и управление образования администрации города Пскова для постановки ребенка в предварительную очередь в детский сад. После передачи информации в ведомства гражданин должен будет посетить их только один раз – для получения соответствующих документов, а в случае постановки в очередь в детский сад услуга осуществляется полностью в электронном виде. В период обработки сопутствующих услуг в электронном личном кабинете можно будет проверить стадию оказания услуги, время получения документов. Новая система записи в детские сады введена и в Москве. Родители малышей могут встать в очередь в дошкольное учреждение, не выходя из дома. Для этого достаточно зарегистрировать ребенка (до 7 лет) в электронном реестре автоматизированной системы комплектования дошкольных учреждений[8]. После регистрации на сайте родитель получает подтверждение с указанием индивидуального кода заявки и может самостоятельно следить за продвижением очереди в детсад в режиме онлайн.

Широкую популярность в ряде регионов получила услуга «Электронная регистратура». Первый такой проект создан по заказу правительства Пермского края, его можно условно разделить на две составляющие: непосредственная запись населения на прием к врачу, а также система мониторинга доступности медицинской помощи в населенном пункте или отдельном

7. https://zags.pskov.ru
8. http://ec.mosedu.ru

медучреждении. Подобные проекты внедряются в Самарской, Калининградской и Ульяновской областях, Республике Башкортостан, Краснодарском крае.

Интересный опыт в предоставлении электронных услуг накоплен в Татарстане и Карелии, Липецкой, Тамбовской, Нижегородской и других областях, в отдельных городах и поселениях.

О некоторых причинах неудач

Однако не будем забывать: в России насчитывается порядка 25 тыс. муниципальных образований. Из них не более 13% имеют свои официальные сайты. Переход на оказание услуг в электронном виде только начинается. Готовность к этому напрямую связана с кадровой составляющей: сегодня 25% муниципальных служащих не имеют высшего образования, лишь 20% – моложе 30 лет. Чиновники пожилого возраста часто боятся, что с использованием современных ИТ-инструментов они окажутся ненужными, другие активно противодействуют внедрению, ведь эффективная система контроля исполнения поручений выявит действенность работы любого исполнителя и уничтожит почву для коррупции. Помимо кадровой, другая сложнейшая проблема органов местного самоуправления (МСУ) – недостаток финансовых средств для решения вопросов местного значения.

Существуют также объективные проблемы методологического, правового, технологического, организационного и финансового характера, требующие немедленного решения:

- полномочия органов местного самоуправления в области информатизации не нашли отражения в Федеральном законе № 131-ФЗ от 06.10.2003 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Таким образом, требования Федерального закона № 210-ФЗ от 27.07.2010 противоречат требованиям основополагающего закона для МСУ;
- отсутствие единой терминологии, используемой в нормативных правовых актах, регламентирующих процесс формирования электронного правительства;
- отсутствие механизма унификации наименования муниципальных услуг (часто они чрезмерно обобщены и фактически включают несколько услуг, оказываемых органом МСУ);
- отсутствие утвержденного механизма обмена информацией между органами государственной власти, МСУ и организациями, участвующими в процессе оказания услуг;
- отсутствие универсальной системы обмена данными, системы общедоступных форматов и стандартов – наоборот, каждое ведомство препятствует распространению информации и стремится создать свои стандарты, а при-

менение закрытых и разрозненных технологий не позволяет повысить эффективность использования информационных систем и ограничивает выбор технологических партнеров;

- отсутствие актуализации и обновления сайтов органов МСУ (зачастую не поддерживается начальный уровень содержания, сбор и обработка информации о результатах деятельности органов самоуправления не автоматизированы, так как не описаны процессы и процедуры проведения этих действий);
- отсутствие системы электронной идентификации пользователей.

Полноценная организация электронного диалога власти и населения предполагает оперативное взаимодействие, анализ ситуации, принятие решений. В настоящее время у власти часто нет для этого ни ресурсов, ни желания. Гораздо проще поставить автоответчик, повторяющий «Ваш звонок очень важен для нас», либо автомат, выдающий текст «Благодарим за обращение, ответ будет направлен в письменном виде в течение месяца» – и ничего не делать, а потом ссылаться на безобразную (действительно безобразную!) работу почты.

Однако эффективность электронного правительства зависит не только от того, когда, в каком объеме и какой ценой электронные госуслуги будут оказываться, но и от количества и готовности граждан, которые этими услугами будут пользоваться. Это связано с показателями проникновения Интернета, цифрового неравенства, материального благосостояния населения, уровня его грамотности, в том числе компьютерной. В докладе ОЭСР[9] (Организация экономического сотрудничества и развития) указывается, что в большинстве стран Европы, несмотря на наличие развитых электронных государственных услуг, их реально использует менее половины населения, а в Греции, Италии и Португалии этот показатель ниже 20% (причины – бедность, возрастные преграды, языковые барьеры). До 15% жителей вполне благополучной Финляндии ни при каких условиях не собираются пользоваться Интернетом для получения услуг. В Великобритании парламентский комитет (Commons Business and Enterprise Committee) подготовил анализ выполнения программы Digital Britain, которая предусматривает к 2012 г. сделать электронную форму общения граждан с властями преобладающей[10]. Отмечается, что оказание госуслуг в электронном виде заставляет неимущих граждан чувствовать себя еще более неимущими из-за компьютерной безграмотности и отсутствия средств на приобретение компьютера. Члены парламента считают, что не следует полностью заменять «бездушным компьютером» возможность лич-

9. http://browse.oecdbookshop.org/oecd/pdfs/browseit/4209091E.PDF

10. http://www.computing.co.uk/computing/news/2245571/government-always-best-option

ного обращения граждан, например в почтовое отделение для продления транспортной лицензии; кроме того, часть населения опасается (и не без оснований!) доверять Интернету свои финансовые дела и личные данные, предпочитая решать вопросы традиционным путем, face-to-face.

Делаются попытки и количественного анализа этого явления. В ходе круглого стола «От ведомственной информатизации к электронным государственным услугам и функциям» член Общественной палаты РФ Е. Дьякова сообщила о результатах опроса в Свердловской области. Среди 1500 человек лишь 16% готовы к пользованию электронными услугами, в то время как 50% хотят лично являться к чиновникам, как прежде. А вот данные фонда «Общественное мнение». Исследование осведомленности пользователей о работе электронного правительства РФ и их потребности в пользовании госуслугами через Интернет показало следующее. 40% россиян знают, что услугами государственных служб можно пользоваться через Интернет, еще 32% что-то слышали об этом. В отличие от населения страны в целом, месячная аудитория Рунета более осведомлена: 61% знает про интернет-услуги госслужб и еще 28% о них что-то слышали. 11% россиян пользовались госуслугами в Интернете, еще 26% сограждан хотели бы ими воспользоваться. Заметные отличия существуют в возрастных категориях: среди 18–30-летних госуслугами через Интернет пользовались 20%, 31–45-летних – 15%, 46–60-летних – 5%. Этих пользователей привлекают преимущества электронного государства: удобство, возможность решать многие проблемы, не выходя из дома (47%), экономия времени (28), отсутствие необходимости стоять в очередях (15%).

Следующие сведения приводит ВЦИОМ. Задавался вопрос: какой способ общения с властью вы предпочитаете? Результаты (в %) оказались такими:

Возраст респондентов	*18–24*	*25–34*	*35–44*	*45–59*	*60 и старше*
Традиционное личное обращение в органы власти	26	32	41	44	60
Электронное обращение через Интернет	42	37	26	19	12

Подобные вопросы у нас пока обсуждаются редко, однако по мере готовности технологической базы придется учитывать и психологические тонкости, прежде чем безальтернативно загонять граждан в светлое электронное будущее.

Новые тиражируемые решения

Разработкой программного обеспечения для автоматизации отдельных функций «электронного государства» занимаются самые различные организации во многих регионах страны. По данным Всероссийского научно-исследовательского института проблем вычислительной техники и информа-

тизации (ВНИИПВТИ), более 150 разработчиков от корпораций до индивидуальных предпринимателей предлагают свыше тысячи ИТ-решений[11].

В этом институте создан фонд тиражируемых информационных систем (ТИС) электронных правительств субъектов и электронных муниципалитетов России, а также демонстрационно-испытательный стенд ТИС. В работе участвуют организации из Москвы, Ханты-Мансийского автономного округа, Ивановской, Иркутской, Московской, Томской, Свердловской и других областей, Краснодарского края, а также Республики Татарстан. На стенде тестируются десятки ИТ-решений различного назначения.

Центр прикладной экономики[12] разрабатывает инструменты для региональных органов власти. Ежемесячный мониторинг отражает положительную динамику разработки региональных порталов госуслуг. На начало 2011 г. таких порталов не имели только республики Ингушетия, Карачаево-Черкесия и Чеченская, а лидерами являются Татарстан, Кабардино-Балкария и Липецкая область. В течение 2010 г. количество услуг, представленных на порталах, увеличилось с 5 до 17 тыс., ежедневно портал государственных и муниципальных услуг среднего субъекта Федерации посещает 50–100 человек.

В Екатеринбурге в рамках проекта «Муниципальная Россия»[13] разработан «типовой муниципальный интернет-сайт», назначение которого – предоставление информации о деятельности органов местного самоуправления муниципального образования. Типовой сайт, кроме того, осуществляет эффективную обратную связь в режиме on-line органов власти муниципального образования с жителями, проживающими на его территории; представляет инвестиционный и туристический потенциал муниципального образования с целью привлечения инвестиций в его экономику. После заключения договора и предоставления данных создание сайта занимает два рабочих дня, при этом сайт соответствует законодательству РФ, отвечает потребностям администраций и пользователей и интегрирован в федеральный портал «Муниципальная Россия».

Компания БАРС Групп из Казани особое внимание уделяет сельским поселениям. Разработанная система обеспечивает электронное взаимодействие сельских поселений с региональными или федеральными органами, что сокращает время граждан, а также позволяет повышать доходы муниципальных образований. Такая централизованная модель муниципальной информатизации реализована в ряде регионов страны.

Региональный центр информационных технологий Псковской области предлагает инструментальную платформу разработки решений для управле-

11. http://pvti.ru
12. http://www.a-econom.com
13. http://www.municipalrussia.ru

ния и оказания государственных услуг в электронном виде на базе свободного программного обеспечения (СПО)[14]. На этой платформе создан ряд федеральных и региональных информационных систем, среди которых автоматизированная система мониторинга программ опережающего обучения[15], мониторинг состояния образования в сельской местности[16], мониторинг ИКТ-проектов в системе образования Российской Федерации[17] и ряд других.

Естественно, федеральные органы тоже активно работают в этом направлении. В соответствии с правительственным постановлением № 367 от 26.05.2010 Росстат разработал единую межведомственную информационно-статистическую систему (ЕМИСС). Ее назначение – интеграция информационно-статистических ресурсов субъектов официального статистического учета; предоставление официальной статистической информации в электронном виде; информационное обеспечение государственных информационных систем. Пользователи получают доступ к системе через Интернет на безвозмездной основе.

О зарубежном опыте

Обратимся к мировому опыту. В развитых странах подход заметно отличается от нашего: государство там играет роль официанта, а не хозяина, а удовлетворенность пользователей – гораздо более важный критерий, чем, например, рост числа обращений за услугами.

Еще в 2000 г. канцлер Германии Г. Шрёдер сформулировал цель программы электронного правительства: «Бегать должны данные, а не люди». Сегодня более 500 административных функций и услуг федеральных органов власти доступны в Интернете, а к порталу http://www.bund.de ежедневно обращаются 60 тыс. посетителей.

Примерно тогда же в Австралии началась государственная программа «Putting People in the Center». Невысокая плотность населения в стране способствовала быстрому развитию удаленных сервисов. Высокий уровень иммиграции учтен в программах электронного государства: на сайтах государственных организаций информация зачастую приводится на нескольких языках.

На сайте правительства Сингапура в рамках Singapore Public Service Infrastructure можно оплатить любые налоги, пошлины, штрафы – вплоть до оплаты лицензии на владение собакой. Регистрация бизнеса занимает два часа.

14. http://www.integrics.ru
15. http://advance.ntf.ru
16. http://aspm.edu-soft.ru
17. http://ict.edu-soft.ru

В Эстонии с помощью электронной ID-карты, которая имеется у 70% населения, оказывается более 700 госуслуг. Все услуги предоставляются через единую портальную систему, с единым пользовательским интерфейсом.

В Чешской Республике с 2007 г. действует сеть компьютеризированных офисов Czech Point, представляющих собой универсальные окна доступа к услугам е-правительства. Инициаторы проекта исходили из того, что значительная часть населения страны:

– не имеет достаточно хорошего доступа в Интернет;

– неспособна справиться с электронными средствами контакта;

– не может пользоваться электронной подписью (которая по чешским законам является единственным способом удостоверения личности при электронной связи).

Граждане через Czech Point могут получить верифицированные копии документов из земельного кадастра страны, из регистра коммерческих организаций, из торгового регистра, а также справки о несудимости. Контактные точки сети Czech Point (несколько тысяч) находятся в городских администрациях и муниципалитетах, почтовых отделениях, нотариальных конторах.

В Южной Корее доступ к государственным и муниципальным услугам осуществляется в том числе и через уличные кабины (киоски) размером с телефонную будку. Киоски имеют вандалоустойчивую конструкцию, и в них можно получить те услуги, которые у нас предполагается предоставлять через МФЦ. Идентификация клиентов осуществляется по отпечаткам пальцев[18].

Опыт Чехии и Южной Кореи показывает, что для обеспечения шаговой доступности государственных и муниципальных услуг вполне можно обойтись без строительства дорогостоящих зданий и других затратных подходов, как это делается в России на уровне Минэкономразвития в виде МФЦ, на уровне правительства Москвы – в виде ЕИРЦ, Центров обработки данных в библиотеках – на уровне Минкультуры и в других местах. У нас каждое ведомство стремится создавать свои средства доступа к государственным, региональным или муниципальным услугам, выбивая соответствующий бюджет в рамках той или иной программы.

Анализируя западные госпрограммы по информатизации государства, Минкомсвязи выявило общие черты: практически везде акценты делаются не на средствах информатизации, а на доставляемой с их помощью информации и ее обработке.

Весьма любопытен доклад премьер-министра Великобритании Г. Брауна «Создание в Великобритании цифрового будущего»[19], сделанный 22 марта

18. ИнформКурьер-Связь. 2010. – № 11. – С. 51–52.

19. http://www.number10.gov.uk/news/speeches-and-transcripts/2010/03/speech-on-building-britains-digital-future-22897

2010 г. Вот некоторые цитаты: «В январе мы запустили портал data.gov.uk, на котором можно получить доступ к общественным данным. Сайт уже имеет в наличии более трех тысяч баз данных и постоянно пополняется новыми. В прошлом месяце Служба национальной статистики открыла доступ для разработчиков вебстраниц к более чем двум миллиардам тем». «Министерство транспорта сделало доступными основные справочные базы данных, которые содержат точные названия и координаты всех 350 тысяч автобусных остановок, железнодорожных станций и аэропортов Великобритании. Мы считаем, что правительственные вебсайты должны быть эффективны и удовлетворять потребности людей – их должно быть легко найти, удобно пользоваться, они должны быть полностью доступны». «Мы установим новые стимулирующие стандарты качества и ответственности для правительственных вебсайтов, включая требование, согласно которому *каждый чиновник обязуется осуществлять обратную связь с гражданами напрямую* (курсив мой. – *Ю.И.*). С сегодняшнего дня ни один новый сайт не будет открыт, если он полностью не отвечает этим требованиям». «Наша цель состоит в том, чтобы заменить первое поколение электронного правительства намного более интерактивным вторым поколением, которое мы называем Mygov. Mygov создаст новую радикальную модель получения госуслуг и взаимодействия с государством, делая их столь же простыми, как и проведение банковских операций через Интернет или покупки онлайн. Это позволит перейти от нисходящих, монолитных вебсайтов, публикующих информацию о коммунальном обслуживании в надежде, что люди сами найдут это, к государственным услугам по требованию».

Автор искренне желает себе и всем заинтересованным лицам дожить до того дня, когда нечто подобное скажет российский премьер.

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

А.М. Кулегин, А.П. Смирнов

«ЛЕНИНГРАДСКОЕ ДЕЛО»: МУЗЕЙНЫЙ ВЗГЛЯД

Кулегин Алексей Михайлович – кандидат исторических наук, заведующий редакционно-издательским сектором Государственного музея политической истории России (ГМПИР).

Смирнов Александр Павлович – кандидат исторических наук, заведующий научно-экспозиционным отделом ГМПИР.

Доступ к неизвестным ранее архивным материалам ФСБ и углубленная работа с документами собственных фондов позволили Государственному музею политической истории России (ГМПИР) подойти по-новому к теме «Ленинградское дело».

«Ленинградское дело» стало одним из последних сфабрикованных сталинским режимом политических процессов. По своему охвату и продолжительности оно стало своего рода «чемпионом» в длинной череде политических репрессий сталинского периода. Его жертвами в 1949–1952 гг. стали все руководители ленинградских областной, городской и районных организаций ВКП(б), почти все государственные деятели, выдвинутые после Великой Отечественной войны на руководящую работу в Москву и в другие регионы СССР. Этот комплекс событий сыграл исключительно негативную роль во всей политической истории нашей страны конца 40-х – начала 50-х годов прошлого века. «Ленинградское дело» окончательно похоронило надежды на возможность модернизации и демократизации общества в рамках сталинского социализма, была сорвана пусть даже и весьма робкая попытка пересмотреть приоритеты государственной политики в сторону интересов конкретного человека, которую пыталась предпринять «ленинградская группа» во главе с Н.А. Вознесенским и А.А. Кузнецовым. Дело на долгие десятилетия обрекло северную столицу на участь великого города с областной судьбой.

Видным партийным, советским и хозяйственным работникам, связанным так или иначе с Ленинградом, было предъявлено обвинение в измене Родине,

в противопоставлении ленинградской парторганизации ЦК ВКП(б). Следствие велось незаконными методами, арестованных в «лучших» традициях сталинского режима подвергали жестоким пыткам и издевательствам. Чтобы вырвать у них признание в несуществующих преступлениях, угрожали расправиться с их семьями и родственниками, что и произошло на самом деле – большинство родственников основных фигурантов «Ленинградского дела» также подверглись арестам, ссылкам или оказались узниками ГУЛАГа. «Открытый» судебный процесс над центральной группой обвиняемых, состоявшийся 29–30 сентября 1950 г. в Ленинграде, превратился в трагический фарс, так как приговор подсудимым был подготовлен заранее и отредактирован лично Сталиным. 1 октября 1950 г. в 2.00, спустя час после оглашения приговора, Н.А. Вознесенский, А.А. Кузнецов, М.И. Родионов, П.С. Попков, Я.Ф. Капустин, П.Г. Лазутин были расстреляны. Прах их тайно захоронили на Левашовской пустоши под Ленинградом. И.М. Турко, Т.В. Закржевскую и Ф.Е. Михеева осудили на длительное тюремное заключение [3].

После расправы над центральной группой состоялись судебные процессы над остальными лицами, проходившими по «Ленинградскому делу». Приговоры отличались такой же жестокостью и заранее известным финалом. В Москве были расстреляны 20 человек, их тела вывезли на кладбище Донского монастыря, кремировали и сбросили в яму.

Разгрому и физическому уничтожению подверглись не только представители партийно-советского руководства Ленинграда и ряда других регионов. Тяжелый удар был нанесен и по многим хозяйственным руководителям, деятелям науки и культуры, прежде всего по представителям петербургско-ленинградской школы экономической, исторической и ряда других гуманитарных наук. Всего свыше 300 человек, включая членов семей, были осуждены к тюремному и лагерному заключению, к ссылке [4].

Для ГМПИР – старейшего в стране историко-политического музея – обращение к тематике, связанной с «Ленинградским делом», имеет особое значение. Дело в том, что наш музей до известной степени и сам являлся одной из жертв этой ленинградской трагедии. Обычно в связи с «Ленинградским делом» принято вспоминать об уничтожении Музея обороны Ленинграда. Однако 1949–1953 гг. стали одной из самых черных страниц и в истории Государственного музея революции (ГМР) – такое название тогда носил наш музей, созданный в октябре 1919 г. Черная полоса в жизни музея началась уже после окончания Великой Отечественной войны, когда он лишился своей основной площадки в Зимнем дворце, что привело к практически полному свертыванию экспозиционной и собирательской работы. После начала «Ленинградского дела» на него обрушились новые сильнейшие удары. Бесчисленные «отборочные комиссии» выяснили, что фонды ГМР «засорены» неэкспозиционными, «порочными и политически вредными материалами».

Особое негодование цензоров вызвало то, что музейщики осмелились сохранить подлинные свидетельства истории либеральных и небольшевистских социалистических партий, документы и плакаты Белого движения. Начались непрерывные чистки фондовых коллекций, в результате чего музей, который сумел сохранить свои основные реликвии в период «Большого террора» 1937–1938 гг., Великой Отечественной войны и Ленинградской блокады, лишился половины своего собрания. Свыше 100 тыс. раритетов – документов, листовок, плакатов, фотографий были либо уничтожены, либо переданы в другие архивные хранилища. Во дворах Петропавловской крепости, где тогда размещался музей, запылали огромные костры, в огне которых безвозвратно сгорела часть нашей исторической памяти, восстановить которую в полной мере, увы, несмотря на все усилия научного коллектива музея, не удалось и до сих пор. Были уничтожены и материалы, относящиеся к деятельности ленинградских руководителей, внесших значительный вклад в достижении Победы над Германией и послевоенное восстановление Ленинграда.

С приходом «хрущёвской оттепели» процесс возрождения музея стал знаковым событием для всей северной столицы, только что начавшей оправляться от последствий «Ленинградского дела».

Однако в советское время в экспозиции тогдашнего музея Октябрьской революции оно по понятным причинам не освещалось. Лишь начиная с перестроечных времен, сотрудники ГМПИР стали встречаться как с фигурантами, так и членами семей репрессированных по «Ленинградскому делу». Правда, после ареста и отбытия несправедливого наказания у них мало что сохранилось. Зачастую это были лишь справки об освобождении из мест заключения и реабилитации, предметы лагерного творчества. Больше повезло тем, у кого родные или знакомые, несмотря на возможные серьезные неприятности, осмелились сохранить фотографии, документы, вещи. В результате целенаправленной собирательской работы, которой были охвачены свыше 300 семей, музей получил немногие, чудом сохранившиеся реликвии. В 2004 г. в стенах ГМПИР прошла научная конференция с участием репрессированных по «Ленинградскому делу», работала выставка «“Ленинградское дело” в судьбах людей». Сегодня коллекция нашего музея по данной теме в сравнении с другими музейными собраниями наиболее полно отражает масштаб и характер «Ленинградского дела». Этим трагическим событиям посвящен один из комплексов экспозиции «Советская эпоха: Между утопией и реальностью». Однако, к сожалению, большая часть экспонатов по данной тематике не вошла в постоянную экспозицию ГМПИР и все еще остается в музейных фондах.

До сих пор «Ленинградское дело» окружено многочисленными мифами и домыслами. Немногим более 20 лет назад общество открыло для себя эту трагическую страницу в истории страны и нашего города. В 1990 г. появи-

лась книга «Ленинградское дело» под редакцией писателя В. Демидова и историка В. Кутузова, которая сохраняет свою ценность до сегодняшнего дня, поскольку авторы общались с фигурантами этого «Дела» и собрали объемные свидетельства о тех событиях [5]. К сожалению, книга не имела иллюстраций, и читатель не мог увидеть лица людей, оказавшихся в молохе сталинских репрессий. В последующее время российские и петербургские историки, телевизионные и газетные журналисты неоднократно обращались к событиям «Ленинградского дела» [2]. Среди телевизионных проектов следует особо выделить показанный в свое время по каналу «Культура» сериал «Ленинградская трагедия» (Россия, 2005). Правда, зачастую авторы статей и передач уделяли больше внимания политическим причинам фабрикации «Дела», нежели биографиям и судьбам репрессированных по нему людей. Поэтому в целом сохранялась проблема обезличенности «Ленинградского дела». Действительно, старшее поколение горожан может узнать по фотографии самое большее лишь трех-четырех наиболее известных политиков из репрессированной «ленинградской группы» – А.А. Кузнецова, П.С. Попкова, Я.Ф. Капустина, Н.А. Вознесенского, а молодежь, как показывает наш музейный опыт, увы, не знает вообще никого. Музеем было собрано более 100 фотографий репрессированных по «Ленинградскому делу». И хотя эти изображения зачастую не очень высокого качества, они уникальны, поскольку многие из них не сохранились даже в фотоархивах. Кроме того, визуальный ряд позволяет увидеть круг лиц, вовлеченных в это «дело», и высветить человеческий аспект этой трагедии, который зачастую забывается в исторических спорах о политической подоплеке «Ленинградского дела». Когда вглядываешься в лица детей, жен, престарелых родителей, на долю которых выпали такие же испытания (тюрьмы, этапы, лагеря, ссылки), как и главных фигурантов «Дела», то очевидным становится вся бесчеловечность сталинской системы.

Плакаты и открытки из фондов ГМПИР блокадного периода и первых послевоенных лет создают образ ленинградской судьбы, в уникальности которой было убеждено то поколение городских руководителей. Потом это стало одним из поводов для обвинений в адрес фигурантов «Ленинградского дела», которые якобы пропагандировали «ленинградскую исключительность».

В материалах А.П. Смирнова представлены основные этапы жизненного пути лиц, оказавшимися впоследствии жертвами этой трагедии. В их судьбе было немало общего. Можно утверждать, что они являлись представителями одного поколения. Многие из них родились между 1902-м и 1906-м годами. В этот же период, кстати, родились и Л.И. Брежнев, и А.Н. Косыгин. И если бы не «Ленинградское дело», то кто-то из его основных фигурантов почти со 100%-ной вероятностью оказался бы в числе руководителей СССР в 1950–

1970-е годы и смог бы стать надежной опорой косыгинских реформ, а возможно, и главным организатором модернизационного и реформаторского процессов в стране. И тогда не исключено, что вся отечественная история второй половины XX в. могла оказаться совсем иной. Всех их объединяет и тот факт, что они – выходцы из разных регионов – приезжали в Ленинград не только ради заработков, но в первую очередь ради получения высшего образования. Это было первое поколение в череде руководителей Ленинграда, в котором почти все получили вузовские дипломы. А всего среди расстрелянных по «Ленинградскому делу» свыше 80% имели высшее образование. Можно привести и такой показательный факт. К 1950 г. в Ленинградской партийной организации снизилась доля коммунистов с высшим образованием, что случилось ранее лишь однажды – в годы Великой Отечественной войны [6].

Будущие жертвы «Ленинградского дела» пришли во властные структуры в период «Большого террора». Однако слишком упрощенными и надуманными представляются утверждения, будто на смену ленинской гвардии шла «волна рвавшихся к власти и выгодным постам нахрапистых карьеристов и мещан» [1]. Карьерное продвижение в то время сулило не только и не столько блага, сколько риск и опасность, приходилось постоянно опасаться за свою судьбу. И многие из «ленинградцев» прошли по краю лезвия репрессий 1937–1938 гг., чудом избежав ареста. Огромную роль в их судьбе сыграла Великая Отечественная война. Большинство из них именно в этих экстремальных условиях ленинградской блокады стали опытными управленцами. Тогда произошла и серьезная метаморфоза в их духовном багаже и мировоззрении.

Сформировавшиеся в государстве тоталитарного типа, ленинградские представители советско-партийной номенклатуры не помышляли о его уничтожении, их сознание еще было наполнено догмами сталинской эпохи, им были свойственны все те недостатки, которые сталинская система прививала своим подручным. Однако представляется, что попали они под маховик репрессий не за то, что их сближало с общей массой партийных функционеров, а именно за то, что их выделяло. Социальная модернизация патриархального российского общества в 1930–1940-е годы неизбежно вела к появлению автономной личности, не нуждавшейся во внешнем контроле и способной самостоятельно направлять свою жизнь. «Ленинградцы» оказались в авангарде этого процесса. Их поведение, внутренний мир все более выходили за пределы сталинского государства и становились предвестником «оттепели». Здесь сыграли роль и развивающая сила образования, и созидательная культурная среда города на Неве. Очевидно, что нельзя сводить «Ленинградское дело» к борьбе за власть в Кремле. Сталин инстинктивно учуял в этом новом со-

циальном слое угрозу для существования режима и беспощадно расправился с ним.

Лев Александровича – сын бывшего ректора ЛГУ А.А. Вознесенского, племянник председателя Госплана СССР Н.А. Вознесенского – сам прошел через испытания «Ленинградского дела». Один из немногих, он получил возможность ознакомиться с архивными документами, на которых до настоящего времени стоит гриф секретности. В них, в частности, содержится переписка министра госбезопасности В. Абакумова со Сталиным, из которой видно, что именно вождь являлся инициатором, сценаристом и режиссером-постановщиком судебного фарса над «ленинградской группой». Лев Александрович так раскрывает механизм фабрикации этого дела:

«Министерство Государственной Безопасности, точнее, Абакумов письменно запрашивает не у прокурора, а у Сталина разрешение на арест намеченной жертвы и тут же получает его – обычно в виде черты или иного значка на этом документе; человека арестовывают под любым надуманным предлогом или даже без него; пытками вырывают нужные показания против самого подследственного и других людей и передают первичный протокол руководству министерства; так называемый обобщенный, т.е. обработанный и доведенный до нужной кондиции в ближайшем окружении министра протокол допроса с устраивающими руководство формулировками “спускается” в кабинет следователя, где арестованного заставляют уговорами или (и) избиениями и пытками подписать этот документ; он направляется Сталину в сопровождении списка лиц, “всплывших” в ходе допроса, с указанием их бывших или исполняемых пока должностей и с перечнем предполагаемых или установленных прегрешений (например, скрыл от партии что-то о двоюродном брате), нередко с прямым запросом на новые аресты; генералиссимус ставит свои знаки на документе, или дает словесные указания Поскребышеву (тот делает на нем соответствующие пометки), или вызывает Абакумова – и маховик раскручивается, масштабы “дела” быстро увеличиваются до тех пор, пока число арестованных не достигает той “критической массы”, которая требуется для фабрикации очередного “дела” об антипартийной, антисоветской, антигосударственной, заговорщической, террористической и прочее, и прочее группе, а то и организации; далее следует закрытый или формально “открытый” процесс, а чаще всего вынесение внесудебными органами и исполнение приговоров в отношении “виновных”; затем производится, можно сказать, зачистка – аресты и осуждения членов их семей, сослуживцев и знакомых, которым предстоит пройти примерно тот же путь…» [9, с. 29].

Благодаря изысканиям доктора исторических наук Владислава Александровича Кутузова убедительно опровергаются домыслы, будто «ленинградская группа» хотела создать российскую компартию (РКП), что якобы неминуемо привело бы к краху СССР. Но «ленинградцы» никогда не ставили

вопроса о создании РКП, никакой организованной группы они не составляли, не устраивали сепаратных встреч и не договаривались о совместных акциях. В.А. Кутузов доказывает надуманность и других обвинений, в частности, будто организованная в Ленинграде в январе 1949 г. Всероссийская оптовая ярмарка нанесла государству ущерб в размере 4 млрд. руб. Эта фантастически огромная цифра является выдумкой, ведь это была оптовая ярмарка, на которую доставили лишь образцы товаров 450 наименований. По представленным образцам заключались сделки. Всего в ходе ярмарки было предложено заключить договоров на поставку промышленных товаров на 6 млрд. руб., а продовольственных – на 2 млрд. руб. [9, с. 49; Ленинградская правда, 1949. 8, 11, 21 января]. В.А. Кутузов делает справедливый вывод: основной замысел некоторых современных «сочинителей» состоит в том, чтобы «оправдать деяния Сталина, надо во второй раз подвергнуть “расстрелу” жертв “Ленинградского дела”, постаравшись доказать их вину, несмотря на очевидные факты» [9, с. 49].

Живучести различных мифов, связанных с «Ленинградским делом», в значительной мере способствовала и та атмосфера таинственности и закрытости, в которой оно фабриковалось и разворачивалось. Многие документы о тех событиях и по сей день недоступны исследователям. Среди опубликованных официальных документов, относящихся к фабрикации «Ленинградского дела», есть Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о снятии с должностей А.А. Кузнецова, М.И. Родионова, П.С. Попкова от 15 февраля 1949 г.; Постановление объединенного пленума Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) по итогам обсуждения постановления Политбюро «Об антипартийных действиях А.А. Кузнецова, М.И. Родионова и П.С. Попкова» от 22 февраля 1949 г., фрагменты закрытого письма Политбюро членам и кандидатам в члены ЦК ВКП(б) «Об антипартийной враждебной группе Кузнецова, Попкова, Родионова, Капустина, Соловьёва и др.», составленного Г.М. Маленковым и Л.П. Берия 12 октября 1949 г. Все эти документы позволяют увидеть, как менялось отношение вождя к «ленинградской группе», как ужесточались формулировки обвинений. В постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) от 15 февраля 1949 г. А.А. Кузнецов, М.И. Родионов, П.С. Попков названы еще «товарищами», хотя их действия уже определялись как антипартийные, антигосударственные. Зато в подготовленном Г.М. Маленковым и Л.П. Берия по заказу Сталина и «поправленном» им проекте закрытого письма Политбюро от 12 октября 1949 г. речь идет уже о «враждебно-шпионской террористической группе».

Основные положения представленных документов вошли в обвинительное заключение и приговор центральной группе обвиняемых по «Ленинградскому делу», который был вынесен в ходе якобы «открытого» судебного процесса над ними в конце сентября 1950 г. в Ленинграде. Теперь полный

текст приговора Военной коллегии Верховного суда СССР от 30 сентября 1950 г., полученный из Центрального архива ФСБ, стал достоянием общественности.

Увидели свет и документы Министерства государственной безопасности о расстреле и захоронении на спецобъекте в Левашовской пустоши праха Н.А. Вознесенского, А.А. Кузнецова, М.И. Родионова, П.С. Попкова, Я.Ф. Капустина, П.Г. Лазутина (9).

Среди личных документов, репрессированных по «Ленинградскому делу», стоит отметить в первую очередь дневниковые записи Эмиля Петровича Бояра, которые он вел во Владимирской тюрьме. Бывший заместитель председателя исполкома Ленинградского облсовета был осужден Военной коллегией Верховного Суда СССР на 25 лет тюремного заключения. Только уже после вынесения приговора и этапирования в тюрьму он получил карандаш и выплеснул на бумагу накопившиеся чувства и мысли. Этот документ позволяет не только узнать о тюремных буднях, но и понять, что переживали и ощущали эти люди, преданные коммунистической партии и Сталину, но не понимавшие причин, по которым они оказались в неволе.

«…Никогда в жизни своей не думал я, что следственные органы могут так поверхностно, бесшабашно, неглубоко, наивно и необъективно подходить к обвинению человека… Государственный преступник (о, ужас!) и без единого обвинения и без единой очной ставки, без единого свидетеля. Ничего, ничего не понимаю!

…Если бы я был бы осужден фашистским судом, то это осуждение я принял бы гордо и безропотно; считал бы себя заслуженно осужденным и считал бы для себя это даже честью. Я так же невинен для своей Родины, как дитя в утробе матери» [9, с. 69].

Другой отрывок из дневника дает наглядное представление о методах сталинских следователей: «Никто, кроме следователя, со мной не говорил, если не считать того, что на третий день следствия в кабинет к следователю пришел… человек, оказавшийся – как я впоследствии узнал – полковником, заместителем начальника следственного отдела МГБ, который, убедившись у следователя, что я не признаю за собой никакой вины, а также предъявленных мне фантастических обвинений, взял меня основательно “за воротки” и как следует потряс головою о стенку, так как я стоял у стенки. После чего предложил следователю как следует меня вздуть, пригласив для этой цели двух-трех бойцов» [9, с. 73].

В письме Первому секретарю ЦК КПСС Н.С. Хрущёву, написанном из лагеря Сергеем Иосифовичем Авакумовым раскрываются методы ведения следствия над арестованными по «Ленинградскому делу», и огромные усилия следователей по выдумыванию обвинений в их адрес. Для нас личность С.И. Авакумова особенно интересна тем, что в 1935–1936 гг. он был директо-

ром ГМР [8]. Ему как бывшему члену редколлегии журнала Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) «Пропаганда и агитация» органы поставили в вину, что «в этом журнале печатались доклады и статьи Кузнецова и Попкова, пропитанные духом ленинградского квасного патриотизма» [9, с. 87].

Одним из сложных и болезненных сюжетов в истории «Ленинградского дела», который также муссируется современными апологетами Сталина, является вопрос о нравственном облике ленинградской советско-партийной элиты 1940-х годов, в частности об их коррумпированности, которая якобы и стала причиной для их наказания. Известно, что Сталин развращал номенклатуру привилегированным положением, материальными подачками, а потом при случае наказывал их за злоупотребления. На основе рассекреченных архивных документов можно утверждать, что никаких весомых подтверждений коррумпированности большинства снятых ленинградских руководителей обвинители представить так и не смогли.

Так, в объяснительной записке (1956) бывшего управляющего делами Ленинградского обкома партии Филиппа Егоровича Михеева в партийную комиссию при Ленинградском ОК КПСС опровергаются обвинения в адрес ленинградских лидеров в «бытовой распущенности», пьянстве, а также необоснованном расходовании денежных средств. Ф.Е. Михеев приводит факты, свидетельствующие о том, как фабриковались эти обвинения. «Меня лично неоднократно вызывал по ночам бывший заведующий особым сектором Ленинградского обкома Романов, который добивался от меня письменного материала, заведомо порочащего секретарей, причем данные мною объективные показания не удовлетворяли его, и мне пришлось несколько раз их переписывать. Несмотря на это он заявил, …что если я не буду раскрывать “преступления” секретарей, то я должен буду пенять на себя. Так как мои показания не удовлетворили Андрианова, Ладыгина и Романова, то меня еще до ареста и исключения из партии, вызывали в Управление МГБ, где у меня требовали таких показаний, которых требовал и Романов» [9, с. 94]. Кстати, что же из имущества сумели сотрудники МГБ описать у бывшего управляющего делами? Об этом говорит бесстрастный документ, хранящийся в ГМПИР, «Опись имущества, на которое наложен арест»:

«1. Костюмы мужские темно-синего бостона – 2 (старые).

2. Пальто мужское зимнее коричневого драпа с котиковым воротником – 1 (ношеное).

3. Пианино иностранной фирмы “Найдорф” черного цвета – 1 (исправное)» [7].

Такого же рода «описи» имущества других арестованных «ленинградцев» свидетельствуют об отсутствии у них предметов роскоши и драгоценностей.

В воспоминаниях репрессированного по «Ленинградскому делу» «члена семьи изменников Родины» – сына Ф.Е. Михеева – Валерия Филипповича нашел отражение и такой трагикомический эпизод. Стремясь во что бы то ни стало добыть хоть какие-нибудь доказательства коррупции в действиях его отца, сотрудники Госбезопасности придумали версию о том, что он незаконно держал на обкомовской даче в Ольгино корову и, приехав туда, «подробно расспрашивали соседей про ими же придуманную корову». К чести соседей, они эту клевету не подтвердили [9, с. 111].

Материалы музейных фондов и архивных источников позволили составить список репрессированных по «Ленинградскому делу». В нем приведены фамилии около 300 человек с краткими биографическими сведениями [9, с. 123–165]. Это, конечно, не окончательный перечень, необходимо выявлять и другие имена жертв «Дела», чтобы восстановить историческую справедливость в отношении людей, сделавших многое для того, чтобы отстоять наш город в период гитлеровской блокады и отстроить его в послевоенные годы. Особенно это необходимо для молодого поколения, которое, к сожалению, в силу ряда обстоятельств до сих пор испытывает острый недостаток объективной информации о многих важных и трагических событиях отечественной истории XX столетия. Без правдивой истории страны место правды занимают мифы.

Данное издание – это, прежде всего, дань памяти ленинградцам – жертвам политических репрессий. Сохранение исторической памяти – один из важнейших залогов построения гражданского общества, невозможности повторения подобных трагедий в будущем.

Авторы надеются, что издание будет способствовать популяризации музейных коллекций.

Литература

1. Восленский М. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. – М., 1991. – С. 78.

2. Жирнов Е. «Во вражеской группе подготовлялся перенос столицы в Ленинград» // Коммерсант Власть. 2000. 6 сентября; Костырченко Г. Маленков против Жданова. Игры сталинских фаворитов // Родина. – 2000. – № 9; Кутузов В.А. «Ленинградское дело»: Реабилитация // Университетские Петербургские чтения: 300 лет Северной столице. Сб. статей. – СПб., 2003; Пыжиков А.В. Ленинградская группа: Путь во власть (1946–1949) // Свободная мысль – XXI. – 2001. – № 3.

3. Известия ЦК КПСС. – 1989. – № 2. – С. 126–133.

4. Кутузов В.А. «Ленинградское дело»: К вопросу о количестве репрессированных // Петербургские чтения 98–99. Материалы энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург 2003». – СПб., 1999.

5. «Ленинградское дело». – Л., 1990.

6. Ленинградская организация КПСС в цифрах. – Л., 1968. – С. 80.

7. Опись имущества арестованного Михеева Ф.Е. 16 мая 1950 г. – ГМПИР Ф. VI. Вс. № 3704.

8. Подробнее о судьбе С.И. Авакумова см.: Музыченко В.А. Сергей Иосифович Авакумов – директор Государственного музея Революции // ГМПИР: 90 лет в пространстве истории и политики. – М., 2010. – С. 88–94.

9. Судьбы людей. «Ленинградское дело» / Под ред. А.М. Кулегина; Сост. А.П. Смирнов. – СПб.: Норма, 2009. – 224 с., ил.

З.И. Перегудова

КИНЕМАТОГРАФ И ПОЛИЦИЯ В РОССИИ ДО 1917 г.

Перегудова Зинаида Ивановна – доктор исторических наук, ведущий специалист Государственного архива РФ.

В августе 1880 г. на смену Третьему отделению собственной Его императорского величества канцелярии пришло новое учреждение политического сыска – Департамент полиции. Функции Департамента полиции были достаточно широки. Одно из основных направлений его деятельности состояло в наблюдении за неблагонадежным элементом в России и за границей, деятельностью революционных партий, оппозиционным движением, их перепиской, связями, изданием нелегальной литературы и т.д.

Многие области общественной жизни находились под контролем политической полиции, не была в этом смысле исключением и культура. Постоянное наблюдение велось за писателями, поэтами, журналистами, артистами. В их числе, например, семья Стасовых, в квартире которых часто собирались молодежь и деятели культуры, многие литераторы и актеры, принимавшие участие в разрешенных и неразрешенных вечерах. А в полицейских материалах с мест упоминаются имена В. Качалова, С. Бирман, С. Есенина, В. Маяковского.

Департамент не обходил своим вниманием даже вышедшие с разрешения официальной цензуры, книги и спектакли, вызывавшие повышенный интерес широкой публики, настаивая на ужесточении цензуры, вмешиваясь в репертуар театров. Как правило, представители политического сыска имели бесплатные билеты на театральные спектакли. Именно по их настоянию были сняты, в частности, пьесы Гауптмана «Ткачи», «Вечерняя заря» и др. Контроль, как видим, распространялся не только на российских авторов, но и на иностранных. Сохранилась достаточно большая переписка, связанная с пребыванием в России американского путешественника, географа и писателя Д. Кеннана [3] – автора книги «Сибирь и ссылка». В 1906 г. его книга вышла на русском языке. Однако впоследствии по инициативе Департамента была

запрещена. Другой иностранец, шведский композитор и собиратель песен сибирских ссыльных В.Н. Гартевельд, не только издал брошюру «Песни каторги, бродяг, заводского населения и сибирских инородцев» в типографии П.П. Рябушинского с разрешения Московского комитета по делам печати, но и устраивал в разных городах концерты, где особым успехом пользовался «Кандальный марш», хоровое исполнение которого сопровождалось звоном кандалов. Циркуляр Департамента полиции от 2 сентября 1909 г., разосланный губернаторам и градоначальникам, предписывал: во избежание «нежелательного возбуждения в общественной среде» и «сочувствия преступным элементам» «дальнейшее исполнение помянутого “Кандального марша” на концертах не должно быть допускаемо» [1, Л. 16].

Жесткие меры в отношении устного и печатного слова принимались по уже достаточно разработанной методике. Существовали списки произведений русской и иностранной литературы, которые по тем или иным соображениям считались литературой «тенденциозного» содержания. Отработанные формы контроля существовали и для других видов художественной продукции.

Однако дело обстояло значительно сложнее с появившимся в конце XIX в. новым видом искусства – кинематографом. С самых первых шагов Министерство внутренних дел столкнулось в этой новой для него сфере деятельности со многими трудностями. Как контролировать киноленты? На кого возложить задачу такого контроля? По каким критериям определять лояльность фильмов или наносимый ими вред нравственности? Во всем этом надо было разобраться и выработать соответствующие правила и рекомендации. В Департаменте понимали, что с развитием кинематографа, который становился все более популярным и модным развлечением, установить централизованный контроль не удастся. Поэтому с самого начала многие его функции были переданы местным губернаторам и градоначальникам, которые в свою очередь издавали «обязательные постановления» об устройстве и содержании театров-кинематографов. Между местными властями, с одной стороны, Министерством внутренних дел и Департаментом полиции – с другой, постоянно шла переписка. Периодически вопросы культуры рассматривались в Святейшем Синоде. В 1898 г. вышло его постановление, в котором говорилось «о воспрещении при устройстве зрелищ показывать путем живой фотографии священные изображения Христа Спасителя, Пресвятой Богородицы, святых Угодников Божьих» [2].

До 1907 г., как правило, киноленты ввозились из-за рубежа. В 1907–1908 гг. выходят уже первые отечественные художественные фильмы: «Сцены из боярской жизни», «Понизовая вольница» [3]. В это же время Министерство внутренних дел издает циркуляр по Главному управлению печати, в котором предусматривалось при разрешении «публичного демонстрирования картин

сообразовываться как с сюжетом последних, так и с действующими узаконениями», причем указывалось, что «не могут быть разрешаемы картины, противные нравственности и благопристойности, картины кощунственные, возбуждающие к учинению бунтовщического или иного преступного деяния, и картины, публичное демонстрирование коих будет признано неудобным по местным условиям» [4, Л. 177 об.–178].

Но порой жизнь ставила перед губернаторами такие вопросы, которые они не могли решить самостоятельно. Так, в 1910 г. между Департаментом полиции и николаевским градоначальником шла переписка по поводу открытия иллюзиона в г. Николаеве. Сложность заключалась в том, что позиция церкви была резко отрицательной по причине слишком близкого расположения кинотеатра от церкви (25 саженей). В связи с этим перед властями города встала проблема взаимоотношений церкви и кинематографа. Как близко может находиться кинотеатр, чтобы не мешать богослужению? В какие дни можно демонстрировать фильмы, чтобы не отвлекать верующих, особенно молодежь, от церковных служб? Встал вопрос и о репертуаре, о том, можно ли изображать библейские сюжеты, демонстрировать фильмы в Великий пост. В конечном счете открытие иллюзиона было разрешено, так как, согласно законодательству, на том расстоянии подобное соседство было допустимо. Но владельцу кинематографа было жестко предписано, чтобы музыка и игра на музыкальных инструментах не производились в часы богослужений [4, Л. 57–59, 99, 104].

В издаваемых циркулярах указывалось, что «безусловно не могут разрешаться к постановке картины… в коих представители воинского звания выводятся в обстановке, могущей оскорбить чувства тех, кому дороги достоинство и честь русской армии, сцены из жизни духовенства, направленные к умалению престижа лиц духовного звания, шаржи на политически злободневные темы, представляющие в карикатурном виде представителей правительства и т.п.» [Л. 31 об]. Подобные циркуляры призваны были направлять деятельность полицейских властей на местах. Однако с развитием кинематографа возникали все новые и новые проблемы, и точное следование циркулярам становилось уже невозможным. В таких случаях губернаторам давалось право действовать по собственному усмотрению. Иногда они пользовались этим правом достаточно широко. Так, в 1910 г. московский губернатор, вопреки мнению церковнослужителей, разрешил демонстрацию фильма «Легенда о храбром Георгии», в котором путем «живой фотографии» повествовалось о подвигах преподобного Георгия Победоносца [1, Л. 210].

После того как на Департамент полиции был возложен надзор за кинопродукцией, объектом его особого внимания стали как документальные фильмы, так и художественные ленты, вызывавшие большой общественный интерес. При этом Департамент не только запрещал к показу те или иные

фильмы, но порой и наоборот – прямо поощрял распространение некоторых из них. Наглядным примером тому явилась лента, выпущенная акционерным обществом «А. Ханжонков и К°» под названием «Пьянство и его последствия». Фильм, состоящий из четырех частей, был снят по заказу Всероссийского трудового союза христиан-трезвенников и приурочен ко дню проведения в апреле 1913 г. Всероссийского праздника трезвости. Его демонстрация длилась два часа и сопровождалась комментарием доктора Вержбицкого, где в общедоступной форме было показано разрушительное действие алкоголя на организм человека и его последствия – рост преступности, наследственной заболеваемости и т.д. Никандр, епископ Нарвский, даже разрешил в течение двух вечеров демонстрацию фильма в храме. А одна из петербургских газет писала: «Картина эта производит сильное впечатление на зрителей, давая им наглядное понятие, как спиртные напитки губят физическую и нравственную мощь человека» [Л. 122].

Убедившись в пропагандистских возможностях кинематографа, правительство начинает использовать его в своих целях, и далеко не последняя роль отводится при этом Департаменту полиции. Когда в 1916 г. выпускался займ на сумму в 2 млрд. руб., то было решено «прибегнуть к услугам кинематографа». Компании «Русская лента Б.С. Глаголин и К°» была поручена подготовка картин соответствующего содержания. Циркуляр Департамента полиции от 4 марта 1916 г. сообщал губернаторам и градоначальникам о выходе двух кинопьес «Заветная кубышка» и «Все для войны» с предписанием «сообщить владельцам кинотеатров, что эти фильмы можно показывать на четвертой неделе Великого поста» [4, Л. 78–78 об.].

Далеко не всегда, однако, Департамент и представители духовенства действовали в полном согласии. Если Департамент исходил из того, что даже во время постов народ надо было чем-то занимать, то часть духовенства придерживалась более консервативной позиции. Так, в январе 1916 г. епископ Сарапульский Амвросий обратился в Городскую думу с ходатайством, чтобы под праздничные дни не работал ни кинематограф, ни другие увеселительные учреждения, «так как это отвлекает значительную часть слабовольных людей от посещения церковных богослужений». Как писал Амвросий, «справедливо кинематограф называют “великий немой”. Этот “немой”, однако, сильнее дурной книги, вернее худого театра развращает всех: и грамотных, и безграмотных» [4, Л. 78–78 об.].

Департамент и местные власти, хотя и прислушивались к такого рода обращениям, часто вынуждены были искать компромиссные решения, тем более что к ним поступали ходатайства иного рода. Так, Скобелевский комитет, производивший много съемок на театре военных действий, ходатайствовал о разрешении демонстрировать картины научного и патриотического характера на первой и четвертой неделе поста. Свою просьбу он мотивировал, в частно-

сти, тем, что доходы с кинопроката шли на помощь увечным воинам. В числе картин, предлагавшихся к демонстрации, значились «Великая война народов», «В поисках экспедиции капитана Шредера», «Подвиг рядового Василия Рябова», «Семь смертных грехов», «Взятие Гуниба (подвиг Архипа Осипова)», «Экспедиция вершины Альп», «Пчеловодство», «Пчелы», «В мире насекомых» и т.д. [5, Л. 311–312], [4, Л. 4–5].

К 1916 г. Департамент полиции уже довольно свободно ориентировался в фильмах, представлявших научный интерес, несмотря на то, что их было достаточно много. Что же касается художественных фильмов, то они были для него своего рода камнем преткновения. По мере расширения сети кинотеатров церковь, учебные заведения, педагогические советы и родительские комитеты требовали усиления цензуры, считая, что «современный промышленный кинематограф» вредно влияет на подрастающее поколение. В связи с тем, что Департамент полиции и Министерство внутренних дел предоставили определенную свободу местным губернаторам в вопросах демонстрации фильмов, наиболее активные из них вместе с общественностью и местной полицией нередко решали судьбу кинолент по своему усмотрению. Так, нижегородский губернатор сообщал министру внутренних дел, что для «ограждения молодежи от разлагающего влияния кинематографов» на представительном совещании было решено: «а) воспретить владельцам кинематографов допускать на обычные представления подростков и детей, как учащихся, так не учащихся в средних и низших учебных заведениях; б) предоставить владельцам кинематографов право… устраивать для молодежи специальные кинематографические представления два раза в неделю… по предварительном одобрении программы представлений особой комиссией… однако, чтобы сеансы для подростков и детей в виде общего правила не затягивались позднее 10 часов вечера» [4, ч. 1. Л. 9–9 об.].

В то же время другие губернаторы проявляли осторожность и оглядывались на Департамент полиции. Так, в марте 1910 г. смоленский губернатор сообщал в Департамент, что публика охотно посещает кинематограф, но в некоторых фильмах «попадаются иногда сцены тенденциозного содержания». К примеру, в Смоленске были показаны картины под названием «Провокатор» и «Честь женщины», в которых жандармы, чины полиции, офицеры и генералы были изображены в неприглядном свете.

Серьезные коллизии возникали и в случаях, когда речь шла о фильмах острого общественно-политического звучания. Примером может служить фильм, снятый во время похорон Л.Н. Толстого. С просьбой о разрешении показа этой картины в Министерство внутренних дел и Департамент полиции обращались многие люди, в том числе и владельцы кинематографа. А губернский секретарь г. Николаева А. Зеленский в телеграмме на имя министра внутренних дел писал: «Милостивое внимание и горестная отметка государя

императора на докладе вашем о кончине великого писателя позволяет мне надеяться на положительный ответ» [1, Л. 64, 74]. На докладе министра Николай II начертал: «Скорблю о смерти великого писателя, а в вопросах религии – Бог ему судья» [1, Л. 64, 74]. Несмотря на неприятие взглядов Толстого православными иерархами, реакция Департамента на это ходатайство была положительной.

Много хлопот доставили Департаменту фильмы по произведениям А.И. Куприна. Все началось с заметки публициста М.О. Меньшикова, помещенной в газете «Новое время» под заголовком «Еврейские проделки». Меньшиков возмущался демонстрировавшимся в Москве фильмом «Поединок» по повести Куприна. Его острое недовольство вызвали некоторые сцены из фильма, особенно сцена суда общества офицеров, изображенного, по его словам, столь тенденциозно и карикатурно, что это можно было счесть за оскорбление чувств «не только представителей воинского звания, но вообще всех тех, кому дорого достоинство отечественной армии» [1, Л. 30–30 об.]. В Департаменте после этого был подготовлен грозный циркуляр, запрещающий фильм, но в таком виде он не был подписан товарищем министром. Возможно, здесь сыграло роль письмо московского градоначальника Адрианова в Департамент полиции, который встал на защиту московской полиции, разрешившей фильм. Он сообщил, что лично смотрел этот фильм в конторе «Бр. Патэ» в Москве и «должен заявить, что ничего позорящего офицеров я в ней не нашел; артисты, изображавшие офицеров для ленты, по происхождению все русские и были приглашены из труппы императорского Малого театра и частных театров Корша и Зимина. Суд общества офицеров… изображен не так, как он обычно происходит, а в более торжественной обстановке. Судьи одеты в парадную форму, чего в действительности не бывает». Далее градоначальник сообщил, что фильм не вызывал протестов зрителей [1, Л. 77–78]. В конце концов запрет на фильм так и не был наложен.

Гораздо серьезнее обстояло дело с другим фильмом, поставленным в 1915 г. по произведению Куприна «Яма». Фильм еще не демонстрировался, а в Министерство внутренних дел уже поступило прошение за подписью «Отцы и матери своих детей» без даты и обратного адреса. В прошении говорилось, что режиссер Василий Функе снял картину, знакомящую «с ярко выраженной жизнью проституток в заведении». Ввиду того что «синематограф служит лучшим и любимым развлечением подростков и детей, а картина “Яма” Куприна – сплошной разврат, покорнейше просим обратить внимание на картину и не допустить наших детей до такого ужаса, чтобы они смотрели “Яму”». С ходатайством за разрешением обратился сам Куприн, который доказывал, что в картине не показаны «все резкости оригинала» и поэтому картина «не может быть вредна для юношества», что фильм «вышел поучительным и трогательным». Поэтому он просит выпустить эту ленту, которая

будет одним «из средств в борьбе с проституцией» [5, Л. 17–18]. Одновременно с ходатайством Куприна в министерство обратилось и Русское кинематографическое товарищество. От его имени директор-распорядитель Л.И. Пирогова писала: «С начала войны приток заграничных картин сам собою прекратился и перед русской кинематографической промышленностью встала неотложная задача расширить свою работу, ввести ее в национальное русло. Уже за истекший год русское общество воочию убедилось, что русские постановки не только не уступают заграничным, но по глубине содержания, по выбору тем и литературности сюжетов, в которых главным образом проводятся общечеловеческие национальные идеалы, они неизмеримо выше того шаблона и рутины, которые стали неизбежными почти в каждой заграничной постановке. Материалом инсценировок мы признали литературные произведения только известных писателей, притом таких, которые были признаны Академией наук, русской читающей публикой и за границей. Выбор наш остановился на писателе А.И. Куприне: чтимый в России, изданный таким семейным журналом, как “Нива”, переведенный на все европейские языки и, наконец, получивший премию Академии наук, А.И. Куприн как раз удовлетворял всем трем этим основным условиям. Русское кинематографическое товарищество инсценировало его известную повесть “Яма”, тем более что она встретила просвещенное к себе отношение со стороны московской прокуратуры» [5, Л. 27]. Пирогова считала, что «картина не может вредно влиять на юношество, но как раз наоборот – принесет огромную пользу обществу потому, что явится нужным предостережением для спасения многих девушек, идущих в большой город на заработки» [5, Л. 27]. Однако ответ Департамента был отрицательным: картина «Яма» к демонстрации так и не была допущена.

Нужно сказать, что чем дальше развивался кинематограф, тем сложнее было Департаменту нести ответственность за тот материал, который демонстрировался в разных городах России. Порой запрещенный в одной губернии, фильм под другим названием мог идти в другой. Владельцы кинотеатров имели большие доходы, и им не хотелось отказываться от картин, которые пользовались популярностью у населения, но запрещались полицией. Росло и количество жалоб, поступающих губернаторам, а через них в Департамент полиции от родителей, педагогических советов и учащихся о «вредном влиянии современного промышленного кинематографа на подрастающее поколение», с предложением усилить контроль за фильмами, установить для учащихся определенные дни и сеансы. Как видно из информации, поступавшей в Департамент, в частности от вятского губернатора уже после начала войны, власти на местах все чаще связывали рост подростковой преступности не только с призывом родителей в армию, но и с влиянием кинематографа, «где дети видят картины из быта преступников, сыщиков, действующие развра-

щающим образом» [4, Л. 68]. Назывались такие фильмы, как «Сашка-семинарист», «Сонька – Золотая Ручка», «Новый Рокамболь» [4, Л. 21], «В золотой паутине Москвы» [4, Л. 3], «Марья Лусьевна» [5, Л.А.Л. 23] и др.

В марте 1916 г. оренбургский губернатор представил в Министерство внутренних дел ходатайство Троицкой городской думы с просьбой запретить фабрикам, «вырабатывающим кинематографические ленты, выпускать картины преступного и порнографического содержания» и установить за картинами строгую цензуру. В обоснование своей просьбы представители городской думы прислали выписку из журнала ее заседаний, в которой указывалось: «Повсеместное увлечение кинематографом в последнее время доходит до крайних пределов. Дешевизна и доступность дают возможность часто пользоваться этим сомнительным суррогатом искусства, которое потрясает воображение самыми грязными зрелищами, тревожит нервы и повышает настроение. Кинематографические картины со сценами различных преступлений, картинами порнографического содержания рельефно запечатлеваются в молодых умах, возбуждая в них стремление к подражанию. Кинематограф не развивает вкуса толпы, не смягчает ее грубых инстинктов, а развращает ее» [4, Л. 134–135].

Вопрос о кинематографе становится вскоре предметом рассмотрения правительства. Министр финансов 28 января 1916 г. подал на высочайшее имя доклад о необходимости введения в империи государственной монополии на кинематограф. Министр внутренних дел А.Н. Хвостов нашел это предложение «весьма желательным», считая, что при этом кинематограф может быть не столько развлечением, сколько средством образовательного и воспитательного воздействия на население [4, Л. 134–135]. Активную позицию занял в этом вопросе и директор Департамента полиции Климович, считавший необходимым собрать межведомственное совещание с участием не только представителей МВД, но и ответственных лиц из Военного и Морского министерств, Министерства народного просвещения, а также из дирекции императорских театров. В памятной записке на этот счет он писал о необходимости «воспитания населения в духе требований русской государственности [4, Л. 4–5].

Однако при всем том внимании, которое Департамент полиции уделял кинопродукции, вопросы эти оставались на периферии его активности. Отчасти это объяснялось тем, что во втором делопроизводстве, в ведении которого находился кинематограф, отсутствовали квалифицированные кадры, способные осуществлять эффективный контроль. Главной же причиной достаточно спокойного отношения Департамента к новому виду искусства было то, что он так и не стал серьезным фактором противоправительственной деятельности, чего так опасались власти. В начале века оппозиционные самодержавию силы оказались, видимо, не готовы использовать кино в своей

агитационно-пропагандистской работе. А в годы войны, вплоть до Февраля 1917 г., такая деятельность была просто невозможна.

Литература

1. Государственный архив Российской Федерации, далее ГАРФ. Ф. 102. 2 д-во, 1902. Д. 83.
2. См. циркуляр Департамента полиции № 2094 от 2 мая 1898 г. – ГАРФ. Ф. 102. 2 д-во, 1902. Д. 83. Л. 177, 168–169.
3. Зоркая Н.М. На рубеже столетий. У истоков массового искусства в России 1900–1910. – М., 1976. – С. 268–269.
4. ГАРФ. Ф. 102. 2 д-во. 1916. Д. 74.
5. ГАРФ. Ф. 102. 2 д-во. 1912. Д. 74.

Н.А. Родионова

П.К. ДЫЛЁВ – ДОКТОР ШВЕЙЦЕР РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Родионова Надежда Александровна – кандидат исторических наук, доцент ГУ–ВШЭ.

В русле персональной истории судьба исторических личностей, формирование их внутреннего мира и их деятельность вызывает в настоящее время всевозрастающий интерес исследователей. При этом личность выступает одновременно и как стратегическая цель исследования, и как адекватное средство познания творимого ею исторического социума.

Биографическая канва Петра Константиновича Дылёва[1], имя которого мало кому известно в эмигрантоведении, повторяет судьбы многих тысяч людей, попавших в водоворот Гражданской войны.

Сын богатого купца-предпринимателя, владеющего в Санкт-Петербурге мастерской лепных работ, П.К. Дылёв в 1911 г. закончил с отличием Военно-медицинскую академию. Под влиянием старшей сестры стал приверженцем социал-демократических идей, участвовал в студенческих сходках, за что и поплатился трехнедельной гауптвахтой и возможностью устроиться на скромную должность земского врача. Лишь благодаря заступничеству высокопоставленных родителей его сокурсника перед директором Департамента полиции ему было позволено получить место врача в земской больнице в селе Огарёвка Богородицкого уезда Тульской губернии. В Первую мировую войну Дылёв служил младшим врачом в прифронтовом лазарете, основанном Государственной думой [5, т. 1, с. 112].

Восхождение на эмигрантскую Голгофу доктора Дылёва, как и многих тысяч его соотечественников, началось в Константинополе, после того как на исходе боев на Украине его воинская часть, входящая в состав Добровольческой армии, отступила в Румынию. Затем были Констанца и Константино-

1. Дылёв Петр Константинович родился в 1888 г. в Петербурге, скончался в 1978 г. в Женевале, близ Ватерлоо, Бельгия. (В Конго с 1925 по 1961 г.)

поль, где доктор Дылёв зарабатывал себе на пропитание разносчиком газет. Позднее ему удалось получить место врача в Русской гимназии Земгора, которая в 1922 г. была передислоцирована из Константинополя в болгарский город Шумен. Это была лучшая русская гимназия в Болгарии, из 24 ее преподавателей – 13 были с университетским образованием. Контингент учащихся состоял из молодых людей, прошедших сквозь ад братоубийственной войны. Эта разношерстная великовозрастная молодежь, чей средний возраст составлял 16,7 лет, была настолько поломана жизнью, «что многим из молодых людей скорее нужны были исправительные учреждения, а не гимназическая скамья» [2, с. 64]. Бывший шуменец, Вл. Семихат-Сосинский[2] рассказывал о своих однокашниках: «Мы были настоящие бандиты, и только благодаря опытности, такту и энергии Анатолия Аполлоновича Бейера[3] – очень строгого, но и очень справедливого “немчуры”-директора, в Шуменской гимназии поддерживались дисциплина и шли нормальные занятия и общественная жизнь»[4].

2. Владимир Брониславович Сосинский (Владимир Брониславович Рейнгольд Сосинский-Семихат) (1900–1987). В 1918 г. был призван в Белую армию, воевал, был ранен в грудь навылет, награжден орденом Николая Чудотворца лично генералом Врангелем. В 1920 г. покинул Крым и оказался в Константинополе. В 1922 г. закончил гимназию в Шумене. В 1923 г. в Берлине входит в поэтическую группу «4+1» вместе с В. Андреевым, С. Либерманом, Ю. Венусом (это были «4») и А. Присмановой («+1»). В 1924 г. переезжает в Париж, работает жестянщиком на заводе «Рено», меняет множество других профессий и активно печатается в русских журналах. Некоторые критики называли его среди наиболее многообещающих прозаиков наряду с В. Сириным. Женился на дочери В.М. Черного. Участник французского Сопротивления. В 1960 г. вернулся в Советский Союз.

3. Бейер Анатолий Аполлонович (1875–1938) – выпускник Михайловского артиллерийского училища, генерал-лейтенант артиллерии, участник Гражданской войны, директор гимназии в Шумене (1923–1928), уехал в Парагвай, где жил его приятель, друг президента этой страны. В Буэнос-Айресе служил в газовой компании. Вел большую культурную работу среди русских эмигрантов, основал кружок «Наука и техника», выступал с чтением докладов. Участвовал в войне с Боливией, в результате которой Парагвай присоединил огромную боливийскую территорию Гран-Чако. Получил звание героя Парагвая, где ему установлен памятник. См. об этом: Щербатов А., Криворучкина-Щербатова Л. Право на прошлое. – М., 2005. – С. 113.

4. Из неопубликованных воспоминаний В.Б. Сосинского-Семихата, любезно предоставленных автору Ф. Хадоновой.

В период работы доктора Дылёва в гимназии в ней учились Г. Газданов[5]. Вл. Семихат-Сосинский, Н. Муравьёв[6], отношения с которыми продолжались и после его отъезда в Париж в поисках работы. Материальное положение русских врачей в Болгарии в те годы было очень хорошим, но, поддавшись общему настроению русской эмиграции, он перебирается в Париж, где найти место врача было практически невозможно. Французские законы запрещали заниматься врачебной практикой лицам, не имеющим французского диплома [1, с. 13].

В Париже он берется за любую работу: днем – трудится на складе Земгора, вечером – за стойкой в ресторане, по ночам подписывает конверты. Несмотря на занятость, находит время для общения с выпускниками «своей» гимназии. Среди опекаемых им шуменцев особенно тепло он относился к Никите Муравьёву и сыну А.А. Бейера – Сергею Сливинскому. Для него они «были ближе родных», за которых он «всегда болел душой» [6, Л. 148]. Однако проявления непотизма считал недопустимым, отказывался давать характеристику Никите Муравьёву для предоставления ему стипендии Земгора, так как «это была бы характеристика человека, относящегося по-родственному» [6, Л. 147]. Среди тех, кто получал помощь Дылёва в Париже, был и Г. Газданов.

В январе 1925 г. П.К. Дылёв подписал двухлетний контракт на работу во Французском Конго. Получить там работу считалось для русских беженцев большой удачей: заработок врача в Конго был в 5–6 раз выше обычного [4,

5. Газданов Г.И. (родился в 1903 г. в Петербурге – скончался в 1971 г. в Мюнхене) происходил из семьи российской интеллигенции, учился в провинции. В 1919 г. не закончив гимназии, вступил солдатом в Добровольческую армию. Курсировал по югу России на пулеметной платформе бронепоезда. В 1920 г. с войсками генерала Врангеля навсегда покидает Россию. Впереди – Галлиполийские лагеря, учеба в русской гимназии в Константинополе, переезд в г. Шумен в связи с переводом туда гимназии. После окончания гимназии в 1923 г. работал на разгрузке барж в Сен-Дени, далее на автомобильном заводе. С середины 20-х годов для Газданова открывается писательская стезя. В 1928–1952 гг. работал ночным таксистом. Участник французского Сопротивления.

6. Муравьёв Н.С. (родился в 1904 в Харькове – скончался в 1965 г. в Луганске) – потомок декабриста Н. Муравьёва, внук драматурга А.Н. Островского, поэт и художник, воевал в составе Добровольческой армии. В 1920 г. эмигрировал из России, сначала в Константинополь (Стамбул), затем в Болгарию, где в Шуменской гимназии познакомился и подружился с Г. Газдановым. В 1958 г. Н.М. с женой и тремя дочерьми вернулись в СССР (сын репатриировался годом раньше во избежание военной службы в Алжире, где шла война). Предложено было поселиться в г. Рубежном Луганской области, где ему предоставили работу по специальности (инженер-химик). Умер в 1965 г. от последствий чахотки и тяжелой экологической обстановки, где ему пришлось жить.

с. 228]. Далекая Африка страшила, однако в его решении ехать в Конго, где он мог вернуться к активной профессиональной деятельности, большую роль сыграло соображение, что он получит больше возможностей поддерживать выпускников Шуменской гимназии материально. Он начинает высылать деньги в Земгор для обеспечения стипендией выпускников гимназии. Полным его стипендиатом стал Писарев, половинными – Сурков и Фельдау.

По условиям контракта в Конго Дылёву предстояло бороться с ранее неизвестной ему сонной болезнью[7] в колонии Убанги-Шари[8]. Не ограничиваясь лечением этих больных, он оказывал помощь всем, используя в качестве недостающего перевязочного материала листья растений, которые привязывал к ране веревочками из лиан [5, т. 2, с. 31–33]. Условия жизни в Конго были не из легких: в Африке свирепствовала малярия, нередко заканчивающаяся гибелью больных, однако сознание своей нужности людям придавало смысл его существованию.

Адаптация к новой среде обитания проходила с трудом: «Не знаю, что нужно пережить или, может быть, раньше еще создать себе особую психику, чтобы иметь возможность жить полной жизнью, живя в чужой стране. Меня чувство отчужденности, полного одиночества никогда не покидает» [6, Л. 18 об.]. «Белого мира хочется и к вам хочется, от тоски одиночества иногда выть хочется и совсем настроился на отъезд» [6, Л. 162], – пишет он А.А. Бейеру. Но по окончании первого двухгодичного контракта, несмотря на жгучее желание вернуться в Европу, Дылёв даже не воспользовался положенным ему шестимесячным отпуском, продлив контракт еще на два года. В течение многих лет Дылёв продолжал тратить значительную частью своего колониального жалования на поддержку выпускников Шуменской гимназии.

Он был интересным, умным, крепким телом и духом человеком, но при этом совершенно одиноким. Семьи у него не было, в числе самых близких людей, разлука с которыми переживалась им очень остро, был А.А. Бейер. Особенно тоскливо было в праздники. Даже Рождество здесь не чувствовалось. «…Для черных Рождество ничто, нет ни религии, делающей его настоящим праздником, радостью для одних, ни сладких воспоминаний или традиций, подменяющих религию у других» [6, Л. 163]. Однако уезжая в 1930 г. в отпуск, он стремился поскорее вернуться. Сознание необходимости своего труда служило оправданием его пребывания в чуждой ему среде.

7. Сонная болезнь передается через укусы инфицированных мух цеце, она эндемична в 36 странах Африки южнее пустыни Сахара, т.е. там, где обитают эти насекомые.

8. Французская Экваториальная Африка включала четыре колонии (теперь независимые государства) – Чад, Убанги-Шари (теперь Центрально-Африканская Республика), Габон и Среднее Конго (теперь Республика Конго).

В 1933–1939 гг. русский доктор работал на золотом прииске «Сосьете Миньер де Бафваболи» в поселке Ангуму, к юго-востоку от Стэнливиля в больнице на 20 коек, представлявшей собой длинный темный глинобитный сарай с закутком для амбулаторного приема, средний медицинский персонал в больнице отсутствовал. Дылёв открыл там школу для санитаров, где обучались шесть человек. Вокруг госпиталя вырос поселок в 44 здания. Сохранив верность социал-демократическим идеалам своей молодости, Петр Константинович потребовал от начальства прииска улучшить снабжение рабочих, построить хорошую больницу с амбулаторией и операционной. В 1939 г. старая больница окончательно разрушилась, и для нее было построено новое здание. Дылёв неустанно доказывал, что русские могут трудиться лучше бельгийцев, удовлетворяя тем самым свое обостренное эмигрантское самолюбие.

Напряженный труд, выезд к больным в отдаленные районы колонии, позволяли забыться, отвлечься от драмы изгнания. Высокий социальный статус врача обеспечивал ему счастливую возможность вернуться в прошлое, к образу и стилю жизни врачей в дореволюционной России. Его дом, как дворянская усадьба, стоял в огромном фруктовом саду, но «помещиком» Дылёв был добродушным: старался не замечать, что местные дети часто продают ему цветы и фрукты из его же сада. Пресекал он лишь воровство спирта санитарами: в 1938 г., когда он был в отпуске, суточный расход чистого спирта в больнице повысился с 3 до 10 л [5, т. 2, с. 117].

В Европу он уже не стремился: в Африке для него открылось широкое поле деятельности по претворению в жизнь его демократических идеалов, здесь он получил возможность «служить поднятию обездоленных».

В отличие от англичан и бельгийцев русские не придавали большого значения цвету кожи. Не всегда понимая аборигенов, Дылёв был далек от того, чтобы их презирать. Многовековое соседство русских с иноверцами выработало терпимость в межкультурных контактах. Отмечая более резкую грань, отличающую социальное положение и мировоззрение черной и белой рас, по сравнению с таковой между интеллигенцией и крестьянами старой России, Дылёв умел находить с местным населением общий язык без подзатыльников и зуботычин, как это часто практиковали европейцы. А некоторые из воспитанных им санитаров стали ему по-настоящему дороги; обученный им санитар Шабани был искренне привязан к нему и повсюду следовал за ним в качестве денщика. Нескольких санитаров доктор выучил на фельдшеров, а один из них стал даже дипломированным врачом и 30 лет спустя приехал в Бельгию на похороны своего учителя [5, т. 2, с. 265].

Жизнь вдали от России не ослабила интереса Дылёва к ее судьбе. После оккупации Чехословакии гитлеровцами Дылёв считал войну неизбежной. Он отлично понимал, что Гитлер не мог принести России освобождения, что

большевистская диктатура лишь сменится диктатурой нацистской. И при всей ненависти к сталинскому режиму он не воспринимал эту войну как столкновение двух тоталитарных сил, а относился к ней как к сражению за независимость России.

Русский патриотизм и долг врача привели доктора Дылёва в колониальную армию, куда за ним последовал его верный денщик Шабани. 54-летний доктор не подлежал мобилизации, но, стремясь внести свою лепту в борьбу за освобождение родины, он настоял на том, чтобы его приняли в экспедиционный конголезский корпус.

После разгрома фашизма многие эмигранты в эйфории победы возвращались на родину, веря, что война приведет к ослаблению сталинского режима. Не избежал подобных иллюзий и доктор Дылёв. Возобновившаяся переписка с родственниками в СССР всколыхнула прежние мысли о возвращении на родину. Верный социал-демократическим представлениям своей молодости, Дылёв признавал ценность коммунистической идеи, сумевшей одухотворить усилия нескольких поколений. Опыт России для человечества он находил перспективным, считал, что должен вернуться на родину и работать на благо ее процветания. Однако сведения о бывших эмигрантах в Советском Союзе, попадающих в «лагеря для перевоспитания», заставили его отказаться от идеи возвращения в Россию, пока там существует тоталитарный режим [5, т. 2, с. 189].

Африке он отдал душу. Называя себя «белым африканцем», Дылёв тем не менее оставался русским, о чем, в частности, свидетельствует постоянство его кулинарных пристрастий. Известно, что восприятие местной кухни является одним из показателей ассимиляционных процессов [3, с. 62]. Доктор так и не смог отвыкнуть от традиционной русской еды: выращивал капусту, морковь, картофель.

С октября 1948 г. П.К. Дылёв был назначен главным врачом компании. Теперь он разъезжал по всему округу Киву, совершая инспекционные поездки по отдаленным рудникам и лагерям для рабочих, куда его предшественник не заглядывал месяцами. Он мечтал построить собственный бесплатный диспансер для местного населения, для чего ему было необходимо собрать значительную сумму денег. При этом он продолжал оказывать помощь деньгами, продуктовыми посылками родным и друзьям-эмигрантам, просто знакомым и незнакомым людям в Болгарии, Франции, Бельгии, Дании, Советском Союзе, когда до него доходили сведения о нуждавшихся [5, т. 2, с. 250].

В 1952 г. 64-летний Петр Константинович женился на вдове своего покойного друга А.А. Бейера – Марии Александровне Бушуевой[9], которой исполнилось уже 76 лет. Она жила в Аргентине, очень бедствовала, и старый врач предложил ей стать хозяйкой его просторного, но холостяцкого дома в Конго, главным богатством которого были книги. В случае его смерти она получила бы пенсию как вдова [5, т. 2, с. 337]. «Молодые» были счастливы, их связывали общие воспоминания о совместной работе в Шуменской гимназии; люди одной культуры, они понимали друг друга с полуслова.

Осенью 1955 г. достигнув предельного возраста для служащих компании (67 лет), Дылёв продолжал работать: заведовал маленьким диспансером для конголезцев на 20, потом на 40 коек, амбулаторией, консультацией для беременных женщин и родильным домом. Его пенсии им с женой хватало бы, но оставаться без дела он не мог. Работа приносила ему большое удовлетворение. В нее он вкладывал не только последние силы, но и личные средства, оплачивал покупку оборудования и медикаментов, обустраивал помещения, обучал весь средний медицинский персонал, состоявший из конголезцев.

В 1959 г. П.К. Дылёву удалось на десять дней совершить турпоездку в Москву и Ленинград, где он наконец встретился в родными. Однако мыслей вернуться в Советский Союз уже не было. Читая советскую литературу, доктор был в курсе всего происходящего на родине. Выбор литературы для чтения свидетельствовал о ностальгии. Книги, чаще всего советские, присылались из Франции, классика, советские газеты – от племянницы из Ленинграда [5, т. 2, с. 238].

Еще в 1938 г. началось увлечение доктора изготовлением чучел птиц и мелких животных. С его помощью удалось открыть неизвестного ранее «павлина конголезского». Сотрудничество с музеем Бельгийского Конго в Тервюрене продолжилось много лет. В общей сложности доктор направил туда до 8 тыс. чучел, внеся таким образом заметный вклад в мировую орнитологию. В 1961 г. он сам отправил посылки с чучелами африканских птиц и млекопитающих в Зоологический институт в Ленинграде.

За годы, прожитые в Конго, многое изменилось: появился свой слой европейски образованных конголезцев, уменьшилась детская смертность, прекратились междоусобные войны, ушли в прошлое случаи людоедства. Старый земский врач-демократ приветствовал эти изменения. С началом конголезской революции европейцы покидали страну. Доктор же с женой решили остаться в Конго и разделить его судьбу после достижения независимости. Начались перебои с выплатой жалования, однако клиника, которой заведовал Дылёв, продолжала работать. Он оставался единственным правительствен-

9. Бушуева Мария Александровна (родилась в 1876 г. в Варшаве, скончалась в 1965 г. в Женевале, около Ватерлоо, Бельгия). В Конго с 1952 по 1961 г.

ным врачом в радиусе 250 км. К середине июня 1961 г. медикаментов осталось на один месяц. С просьбой прислать медикаменты Дылёв обращался даже в администрацию президента Кеннеди. Ситуация ухудшалась, вскоре не на что стало жить – все сбережения доктора пропали в конголезском банке. С мечтой провести остаток жизни в Конго пришлось расстаться. На присланные друзьями деньги престарелая чета в сентябре 1961 г. покинула Конго. Свой дом они подарили католической миссии. Доживали свой век в Бельгии в доме престарелых ветеранов колоний, но верный своему принципу – просящему дай – доктор и здесь умудрялся посылать своей больнице в Конго медикаменты, кому-то из конголезцев – деньги, другим – необходимые инструменты. 35 лет он лечил конголезских аборигенов. Дожил русский Швейцер до 90 лет, умер в 1978 г. Проводить его в последний путь приехал конголезец, ставший дипломированным врачом, которого когда-то доктор Дылёв обучал азам врачевания. На похоронах своего учителя чернокожий врач сказал: «Как он нас любил! Он делил с нами свой суп и свой хлеб!» [5, т. 2, с. 381].

Жизнь П.К. Дылёва, рядового эмигранта, ставшего героем своего времени, должна оставаться в памяти потомков как пример бескорыстного служения людям.

Литература

1. Александровский Б.Н. Из пережитого в чужих краях. Воспоминания и думы бывшего эмигранта. – М., 1969. – 374 с.

2. Долгоруков П.Д. Русская беженская школа // Русская школа за рубежом. – Прага, 1923. – № 1. – С. 63–82.

3. Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросскультурную психологию. – М., 1999. – 224 с.

4. Ронин В.К. Колониальные мемуары, дневники и письма русских эмигрантов (20–30-е годы XX в.) // Одиссей. Человек в истории. – М., 2000. – С. 223–256.

5. Ронин В.К. Русское Конго. 1870–1970. В 2 т. – М., 2009. – Т. 1. – 520 с.; Т. 2. – 640 с.

6. ГАРФ. Ф. 6089. (Бейер А.А.). Оп. 1. Д. 16.

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

В.В. Эрлихман

ЖЗЛ: ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ЛЮДИ НЕ УМИРАЮТ

Эрлихман Вадим Викторович – кандидат исторических наук, заместитель главного редактора издательства «Молодая гвардия».

Известная всем книжная серия «Жизнь замечательных людей» отметила свое 120-летие. История ЖЗЛ началась в 1890 г., когда издатель Флорентий Федорович Павленков решил добавить к своим многочисленным книжным проектам биографическую серию. К тому времени родившийся в 1839 г. в семье помещика Павленков пережил немало: по обвинению в революционной деятельности его восемь раз арестовывали, он два года отсидел в тюрьме и почти десять лет провел в ссылке. В итоге он заболел чахоткой, которой мучился многие годы. Тем не менее за 30 лет неутомимой деятельности Павленков выпустил 750 книг и брошюр общим тиражом, превышающим 3,5 млн. экземпляров. Почти 200 томов составила его серия «Жизнь замечательных людей», сразу ставшая необычайно популярной. Главной своей целью Павленков считал не прибыль, а просвещение народа. Издавая «Научно-популярную библиотеку для народа», энциклопедии, однотомники классиков, он продавал все это по доступной цене, часто себе в убыток. Книжки серии ЖЗЛ стоили 25 коп. – будущий классик Максим Горький мог покупать их в юности на свой скудный заработок грузчика.

По замыслу Павленкова, ЖЗЛ должна была «знакомить читателей с выдающимися деятелями прошлых эпох». И что же? – Героем первой книги серии, написанной неким А. Быковым, стал монах-иезуит Игнатий Лойола, заслуженно отвергаемый всей свободомыслящей публикой. Вскоре в серию попали такие морально сомнительные личности, как инквизитор Торквемада, барон Ротшильд и кардинал Ришелье – естественно, все это наряду с Пушкиным, Моцартом и Рафаэлем. Такое соседство объяснялось исконным смыслом слова «замечательный», зафиксированным в словаре Даля – «стоящий замечания, внимания, примечательный, необычайный или удивительный».

Все перечисленные люди, конечно, стоили внимания – книжки ЖЗЛ продавались немалым для того времени тиражом 8–10 тыс. экземпляров.

Авторами серии были в ту пору люди не слишком известные, хотя жизнь Магомета описал Владимир Соловьёв, а жизнь Ибсена – поэт-символист В. Минский. Печататься в дешевой серии для народа было непрестижно и не слишком денежно. И все же большая часть книг исправно выполняла свою задачу – добросовестно, а порой и не без художественности рассказывала о жизни того или иного персонажа. Недаром томиками ЖЗЛ зачитывались в юности Бердяев и Вернадский, Бунин и Алексей Толстой, как это следует из их воспоминаний.

После смерти основателя в 1900 г. его дело пошло на спад – в основном выходили переиздания, а с началом Первой мировой войны выпуск серии вообще прекратился.

Отшумела революция, стала налаживаться мирная жизнь, и молодое поколение принялось овладевать знаниями. На помощь юношам, обдумывающим житье, пришел Максим Горький, давно лелеявший план возрождения полюбившейся ему серии ЖЗЛ. Планы были грандиозные: знакомый со всеми корифеями мировой литературы Горький предлагал Ромену Роллану написать о Бетховене, Герберту Уэллсу – об Эдисоне, Фритьофу Нансену – о Колумбе.

Горький еще до революции предпринимал попытки создать биографическую библиотеку. По его замыслу, она должна была включать томов 300, которые планировалось выпускать сначала в созданном им издательстве «Парус», затем – на базе издательства З.И. Гржебина. Но тогда усилия Алексея Максимовича оказались безрезультатными. И лишь в 1933 г. читатели получили первые книги обновленной серии «ЖЗЛ». Самой первой стала книга Александра Дейча «Генрих Гейне», за ней последовали биографии Михаила Щепкина, Рудольфа Дизеля, Дмитрия Менделеева, Генриха Песталоцци, Ивана Сеченова, Жорж Санд, братьев Райт. Они выпускались в издательстве «Жургаз» (Журнально-газетное объединение), которым руководил главный редактор «Огонька» Михаил Кольцов (сам он собирался писать в ЖЗЛ книгу о Магеллане). Всего за несколько лет в серии вышли 115 томов о выдающихся деятелях отечественной и мировой истории.

К тому времени смысл слова «замечательный» уже начал меняться, сближаясь со словами «выдающийся» и даже «великий». Тем не менее среди первых книг возобновленной серии были Наполеон, Талейран, «акула капитализма» Генри Форд и даже кровожадный конкистадор Писарро. Похоже, Горький тоже считал, что книги об отрицательных персонажах нужны читателю не меньше, чем о положительных. И оказался прав – тот же «Наполеон» Тарле издается до сих пор как блестящий образец биографического жанра. Неувязки тех лет были связаны прежде всего не с героями серии, а с ее авто-

рами, попавшими во «враги народа». Уже в 1934 г. был уничтожен тираж книги о Гоголе, написанной видным критиком А. Воронским – он оказался в ссылке, а позже был расстрелян. Лишь недавно, к 200-летию Гоголя, эта книга была переиздана, открыв собой новую «Малую серию» ЖЗЛ.

Сам Горький тоже не всегда проявлял провозглашенную им широту взглядов. В 1933 г. он обрушился на написанную Михаилом Булгаковым биографию Мольера за «немарксистский подход» и «излишнее выпячивание личного отношения к предмету». Еще хлеще отозвался о книге редактор серии А. Серебров, назвавший автора «развязным молодым человеком». В результате «Жизнь господина де Мольера» появилась в ЖЗЛ только в 1962 г., заслуженно прослыв одной из жемчужин серии. Но тогда, в 30-х, редакторы как огня боялись идеологических ошибок – и все равно не могли от них уберечься. Уже после смерти Горького под каток репрессий попали и некоторые авторы ЖЗЛ, и ее издатели, включая М. Кольцова.

В 1938 г. из расформированного «Жургаза» серию передали в издательство «Молодая гвардия». В годы войны выпуск ее был остановлен: вместо нее издавалась библиотечка «Великие люди русского народа» – книжки небольшого формата, которые можно было носить в кармане шинели. Опыт оказался удачным. Интерес к замечательным людям явно возрастал, в то время как понятие «замечательности» вновь изменилось, что прилежно зафиксировал словарь Ожегова: «Замечательный – исключительный по своим достоинствам». После войны тиражи ЖЗЛ выросли до 100 тыс. и более.

Особой популярности серия достигла с наступлением «оттепели» 50-х годов, когда томики ЖЗЛ в новой серийной обложке работы Юрия Арндта заняли почетное место на полках едва ли не каждой домашней библиотеки. Это было связано с общим ростом популярности биографического жанра. «Молодая гвардия» длительное время выпускала биографии выдающихся людей для подростков в серии «Пионер – значит, первый», где увидели свет книги о Томасе Море, Курчатове, Верди, Жюле Верне, Сократе, Дарвине, Кустодиеве… Ряд известных биографий вошел в библиотеку «Исторические портреты». Однако пальма первенства всегда принадлежала книгам биографической прозы «ЖЗЛ».

Перед истинным биографом всегда возникает множество трудностей и ловушек. Он должен быть одновременно историком, психологом, знатоком той сферы, в которой жил и действовал человек, уметь ярко и занимательно изложить факты его жизни. Чтобы написать живой портрет, нужно быть настоящим исследователем души. Важен и язык повествования – если он слишком сложен, самые важные мысли просто не дойдут до широкого читателя.

Конечно, для читателя важно присутствие в биографии живого человека в его повседневных заботах, ошибках и сомнениях, с его привычками, с его оригинальной речью, жестами, движениями. Примером того, как этого можно

достичь художественными средствами, может послужить книга о Петре I блестящего романиста А.Н. Толстого. Но есть и другие примеры – недавно вышедшие в серии ЖЗЛ книги Людмилы Сараскиной о Достоевском или Алана Кубатиева о Джойсе, которые достигают той же цели, не выходя из рамок научной достоверности.

Особую трудность представляет для биографа постижение внутреннего мира героя, не оставившего нужных нам свидетельств и откровений. В этом смысле биография Л. Толстого, который всю жизнь вел дневники, а многие его родственники и современники писали мемуары и конспектировали беседы с гением, – большая редкость. Погрузиться в удивительную каждодневную хронику, вроде четырехтомных «Яснополянских записок» Д. Маковицкого, было бы огромной удачей для любого биографа. В большинстве же случаев полноценное воссоздание личности исторического деятеля было и остается труднейшей задачей, решение которой есть удел немногих подвижников этого трудного жанра.

К примеру, внешняя жизнь Иммануила Канта была размеренна и однообразна. А внутренняя, духовная, наоборот – полна мыслей, идей, свершений, была напряженной и драматической. Его философские обобщения сохраняют свою актуальность и по сей день. Еще в середине 90-х годов XVII в. он написал: «Поприще философии в широком значении можно подвести под следующие вопросы: 1) Что я могу знать? 2) Что я должен делать? 3) На что я смею надеяться? 4) Что такое человек? В сущности, все это можно свести к антропологии, ибо первые три вопроса относятся к последнему». Вопросы, поставленные Кантом, неумолимо встают перед каждым новым поколением. Наш автор Арсений Гулыга, хорошо понимавший, что у философа нет иной биографии кроме истории его мировоззрения, сосредоточился на написании именно философской биографии Канта, признанной в Германии лучшим жизнеописанием великого мыслителя.

Геннадий Горелик – автор первой полной биографии академика Андрея Сахарова – хорошо знает атомную физику, был участником семинаров академика в знаменитом Физическом институте им. П.Н. Лебедева еще в 70-х годах прошлого века. Он смог, несмотря на сложность темы, ярко показать уникальную роль Сахарова в науке, создании советской водородной бомбы, политике.

В разное время к написанию биографий «Молодая гвардия» привлекала таких мастеров жанра, как М. Булгаков, Е. Тарле, А. Левандовский, Л. Гумилевский, С. Дурылин, К. Паустовский, Ю. Тынянов, М. Шагинян, К. Чуковский, Ю. Лотман, А. Лосев, Н. Эйдельман и многих других.

Научная тщательность, фактическая достоверность, глубина проникновения во внутренний мир героя, яркость языка и высокий стандарт полиграфического исполнения делают книги «ЖЗЛ» подлинно демократичными, в

равной степени нужными старшекласснику, студенту, аспиранту, академику, офицеру, министру, президенту – любому думающему человеку.

Мир авторов биографического жанра разнообразен, собственные судьбы многих создателей книг поразительны и необычны. С 1960 г. в «Молодой гвардии» регулярно выходили книги ЖЗЛ, посвященные героям Латинской Америки. Биографии «Боливар», «Панчо Вилья», «Миранда», «Хуарес», «Че Гевара», «Сальватор Альенде» написал обаятельный, очень общительный человек по фамилии Лаврецкий. Университеты латиноамериканского континента до сих пор используют эти мастерски написанные работы. Только через многие годы читатели узнали, что этот автор был бесстрашным разведчиком-нелегалом с судьбой, исключительной даже для этой профессии. Достаточно сказать, что Иосиф Григулевич – таково подлинное имя этого человека – воевал в Испании, работал нелегалом в Мексике, дослужился до чина посла Коста-Рики в Италии и Югославии, был награжден Ватиканом, в годы войны внес важный вклад в борьбу с фашизмом. В 2002 г. в серии ЖЗЛ вышла книга Н. Никандрова «Григулевич», после чего легендарный разведчик стал первым автором серии, сделавшимся одновременно ее героем.

Не менее талантливым и впечатляющим выглядит ряд сегодняшних наших авторов: Николай Павленко – старейшина жанра, знаток Петровской эпохи; Игорь Золотусский – автор лучшей биографии Гоголя; Алексей Карпов, воссоздавший далекую эпоху начала Русского государства и Русского православия в книгах о княгине Ольге, крестителе Руси – князе Владимире Святом и его сыне Ярославе Мудром; Алексей Варламов – тонкий исследователь жизни Александра Грина, Григория Распутина, Михаила Пришвина, Михаила Булгакова, Алексея Толстого; Дмитрий Быков – биограф Бориса Пастернака и Булата Окуджавы, сразу же завоевавший первую премию России «Большая книга» и признательность читателей.

В наши дни смысл слова «замечательный» проходит очередную метаморфозу. В советские времена он однозначно воспринимался синонимом слова «безупречный», что отразилось и в подборе героев ЖЗЛ. Эти герои, как правило, были идейно выдержаны и морально безупречны; о сложностях в их судьбе говорилось крайне мало. Например, в тех же «Олимпийцах» очерк об Инге Артамоновой завершался весьма уклончиво: «ее жизнь оборвалась слишком рано», но нигде не говорилось, что чемпионку мира в беге на коньках зарезал ревнивый муж. А очерки о полководцах Гражданской войны неизменно заканчивались «трагической гибелью» без всяких уточнений, кто в этой гибели виновен. Несмотря на полуправду, биографии пользовались громадным успехом. Тиражи ЖЗЛ продолжали расти; рекордом стали 300 тыс. экземпляров книги В. Кардашова «Рокоссовский», вышедшей в 1972 г.

Между тем обществу требовались новые герои – не только бунтари, но и мыслители, патриоты, светочи национальной культуры. Читатели всех воз-

растов буквально охотились за книгами В. Кожинова о Тютчеве, Ю. Селезнева о Достоевском, И. Золотусского о Гоголе, пытаясь отыскать ответ на «проклятые вопросы» современности. Отмечался бурный всплеск интереса к истории России биографиями Дмитрия Донского, Минина и Пожарского, Андрея Рублёва в ЖЗЛ. К «разрешенным» героям-патриотам «без шума» добавлялись другие деятели дореволюционной эпохи, хоть и малыми дозами. К примеру, из русских царей в серию попал только Петр I, «реабилитированный» еще при Сталине.

Все изменила перестройка, вывалившая на наши головы груду скандальных разоблачений. Герои недавнего прошлого оказались чуть ли не преступниками; на их место спешили поставить тех, чьи имена еще недавно произносились шепотом на кухне – Бердяева и Троцкого, Гумилёва и Солженицына. Их небрежно составленные и неряшливо изданные сочинения и биографии заполонили магазины, соседствуя с книгами о почти таких же запретных персонажах, как Мэрилин Монро и Владимир Высоцкий. ЖЗЛ в этот процесс не включилась – не только по нежеланию, но и оттого, что на нее обрушились бедствия, постигшие все постсоветское книгоиздание. Тиражи упали в десятки раз, многие читатели были потеряны из-за взлетевших цен, книги стали недостижимой роскошью для людей, вынужденных просто выживать.

Серия «ожила» только на рубеже нового тысячелетия, наверстав едва ли не все упущения предыдущих лет. Сегодня ЖЗЛ насчитывает уже более полутора тысяч томов; 1500-м выпуском серии стала вышедшая к 50-летию первого космического полета биография Юрия Гагарина, которую написал известный критик Лев Данилкин. Книга, написанная в свойственной автору острой публицистической манере, стала еще одним подтверждением того, что серия ЖЗЛ – не застывший канон, а творческая лаборатория биографического жанра, допускающая самые разные и необычные подходы. Нужно отметить также, что Гагарин издавал в «Молодой гвардии» свои книги, был другом издательства, как и многие герои жэзээловских книг. То, что легендарная серия выпускается именно старейшим российским издательством с богатой историей, придает ей дополнительную ценность и значительность.

Многолетняя популярность, феноменальная роль книг ЖЗЛ в отечественной культуре вытекает из систематичности и удивительной универсальности проекта, отсутствия ограничений в историческом и географическом пространстве. Три четверти книг серии отражают наше богатейшее прошлое и в своей совокупности выстраивают величественный храм – Биографию России. Из года в год растет число книг о различных героях всемирной истории, начиная с древнейших времен. Среди них Нефертити и Эхнатон, Навуходоносор и Чингисхан, Юлий Цезарь и Калигула, Гомер и Геродот, Спартак и Ганнибал, Сулла и Брут, Лукреция Борджиа и Казанова…

Трудно назвать страну или эпоху, чьи герои отсутствуют в обширном реестре «ЖЗЛ». В серии нет «запрета на профессию». Философы, политики, полководцы, реформаторы, революционеры, юристы, инженеры, ученые, писатели, музыканты, актеры, живописцы и скульпторы, врачи, издатели, религиозные деятели, меценаты – все получают здесь прописку и литературное воплощение.

Постоянно расширяющаяся вселенная ЖЗЛ состоит из множества соприкасающихся галактик. Величайшие мыслители – Аристотель, Платон, Конфуций, Марк Аврелий, Плотин, Паскаль, Кант, Гегель, Шеллинг, Владимир Соловьёв, Хайдеггер, Спиноза, Маркс, Шопенгауэр, Лосев, Мишель Фуко и прочие – образуют философский круг. Соприкасаясь с каждым из них, читатель поднимается к вершинам человеческой мысли и духа.

Еще более богат и разнообразен список российских и мировых политиков. Отечественную историю нельзя представить без таких фигур, как Иван III и Иван Грозный, Петр I и Екатерина Великая, Александр I и Николай II, Керенский и Ленин, Троцкий и Сталин, Хрущёв и Брежнев. А окружающее Россию мировое пространство немыслимо без политиков ранга Неру, Ганди, Линкольна, де Голля, Черчилля, Тэтчер, Аденауэра, Мао Цзэдуна, Маннергейма…

Особо почитаемую часть библиотеки «ЖЗЛ» образуют жизнеописания защитников Отечества. На протяжении столетий войны за свободу и независимость нашей Родины выдвинули блестящую плеяду героев, чьи имена хранятся в памяти благодарных потомков – Александр Невский, Дмитрий Донской, Минин и Пожарский, Суворов, Кутузов, Багратион, Ушаков, Нахимов, Корнилов, Потемкин, Рокоссовский, Жуков, адмирал Кузнецов… Молодогвардейцы гордятся тем, что в 70-е годы XX в. им посчастливилось работать с прославленным маршалом В. Чуйковым, выдающимися героями-летчиками А. Покрышкиным, И. Кожедубом, Е. Савицким, с Михаилом Егоровым и Мелитоном Кантария, водрузившими Красное знамя над рейхстагом.

Составить представление обо всех книгах «ЖЗЛ», посвященных деятелям русской и мировой культуры, невозможно – утонешь в их многообразии. Назовем только нескольких из них. Гигантов науки и техники представляют Галилей, Леонардо да Винчи, М. Ломоносов, К. Циолковский, В. Вернадский, С. Королёв, А. Сахаров; великую русскую литературу венчают имена Пушкина, Толстого, Достоевского, Гоголя, Чехова, нобелевских лауреатов Бунина, Набокова, Шолохова, Бродского, Пастернака. Замечателен ряд живописцев, деятелей театра и кино, музыкантов: Борисов-Мусатов и Шишкин, Рубенс и Рембрандт, Ван Гог и Пикассо, Феллини и Модильяни, Моцарт и Шостакович, Щепкин и Товстоногов…

Серия не предусматривает какой-то единой системы, упорядоченности или очередности в выходе книг. Только появление хорошей рукописи – а это

событие можно сравнить с открытием нового элемента в таблице Менделеева – гарантирует будущей книге свое достойное место в череде жзээловских изданий. Естественно, в этом процессе издательство занимает активную позицию, часто само инициирует написание новых книг. Так, например, создавался ряд произведений о знаменитых женщинах – Ларисе Рейснер, Марии Волконской, Арине Родионовне, Анне Керн, Наталье Гончаровой, Софье Толстой. Добавим, что в этом же тематическом ряду в прошлом выходили издания о Жанне д'Арк, Жорж Санд, Софье Перовской, Софье Ковалевской, Лесе Украинке, Надежде Крупской.

Любой читатель сможет в новейшем, пятом издании «Каталога "ЖЗЛ". 1890–2010», самостоятельно продолжить путешествие в удивительный мир биографической книги. Этот многостраничный каталог позволяет увидеть воочию всю грандиозность этого проекта. В последние годы серия ЖЗЛ дополнилась «Малой серией» и серией «ЖЗЛ: Биография продолжается…» В последней идет речь о наших выдающихся современниках, тех, кто внес существенный вклад в политику, науку, культуру России и других стран. В серии уже вышли книги о Владимире Путине и Александре Солженицыне, Маргарет Тэтчер и Уго Чавесе, Алле Пугачевой и Жераре Депардье.

Издателям серии нередко приходится сталкиваться с бурной реакцией разных общественных и политических сил на появление новых биографий. Это бывало в прошлом, случается и сегодня. Так, выход в 2007 г. в серии «ЖЗЛ» книги серьезного историка Т.Г. Таировой-Яковлевой об Иване Мазепе, жизнь которого протекала три с лишним века назад, совпал с сомнительными политическими манипуляциями президента Украины Ющенко. Это стало поводом для вздорного обвинения издательства в потакании «оранжевой революции».

Вспоминается, как книга писателя Михаила Лобанова «А.Н. Островский» в конце 70-х годов прошлого века породила настоящее преследование автора, острейшую критику издательства. А все это происходило только потому, что ранее публицистика Лобанова подверглась нападкам А.Н. Яковлева в его статье «Против антиисторизма». Тематические планы серии «ЖЗЛ» в секторе печати ЦК КПСС рассматривались чиновниками с повышенной подозрительностью, особенно когда речь в них шла о фигурах российского прошлого. Даже биография Андрея Рублёва ставилась под сомнение. Редко какая книга проходила без проблем, будь то биография Гоголя, Гончарова или Янки Купалы – кто-то в верхах обвинил белорусского классика в «буржуазном национализме», и его биографию пытались даже пустить под нож.

В новые времена, уже привычно называемые сегодня «лихими девяностыми», издательство столкнулось с новой угрозой: правительство Гайдара попыталось ликвидировать «Молодую гвардию». Не оставляли ее без внимания и криминальные структуры, а позже их близнецы-братья, так называемые

рейдеры. Однако и в этих условиях молодогвардейцы продолжали выпускать серию ЖЗЛ и, несмотря на все препятствия, добились ее нового взлета. Если в 1992–1995 гг. появлялось всего по две-три книги серии в год, то в новом веке полку «ЖЗЛ» ежегодно пополняли 45–50 добротных изданий. Речь идет более чем о 500 биографий, выпущенных в период, когда цензуру заменили персональная ответственность автора, профессиональная квалификация редактора, идейная позиция издательства, связанная с осознанием того, что книга, в том числе книга биографическая, и в новых условиях остается важнейшим инструментом просвещения и воспитания общества.

Как ни странно, в условиях кризисного времени отбор рукописей стал строже, требования к их научно-художественному уровню существенно возросли. По мере преодоления идеологической узости появились полноценные биографии деятелей Белого движения. Книги «Деникин», «Корнилов», «Адмирал Колчак» (в контексте эпохи здесь можно назвать и «Махно») делают представление о прошлом более стереоскопичным, позволяют лучше понять логику поведения бывших царских военачальников на крутых зигзагах истории, увидеть их заслуги перед Отечеством. В частности, П. Зырянов в книге об адмирале Колчаке повествует о том, что его герой – участник трех тяжелейших арктических экспедиций, защищал Порт-Артур в 1905 г., командовал во время Первой мировой войны Черноморским флотом.

За последние годы создан ряд биографий религиозных мыслителей, святых и иерархов Русской православной церкви. «Патриарх Тихон», «Сергий Радонежский», «Святой праведный Федор Ушаков», «Савва Сторожевский», «Митрополит Филипп», «Филарет Московский» открыли читателям глаза на целый пласт духовной многовековой истории, ранее малоизвестный массовому читателю. Покойный патриарх Московский и Всея Руси Алексий II знал книги «Молодой гвардии», тепло поздравил продолжателей серии «ЖЗЛ» со 115-летием со дня основания.

В минувший период существенно расширился выпуск книг об известных исторических персонах, ставших символом тотального зла. В этом ряду стоят биографии Аттилы, Нерона, Лукреции Борджиа, Калигулы, Малюты Скуратова, Нечаева и некоторых других, встреченных частью читателей с недоверием. Находясь в издательстве проездом из Брюсселя, Чингиз Айтматов – многолетний друг «Молодой гвардии», – увидев на столе книгу о Чингисхане, спросил: «Что, и вы прославляете тирана?» Пришлось сослаться на опыт и авторитет Ф. Павленкова, который издавал книги не только о Моцарте и Рафаэле, но и об Игнатии Лойоле и Торквемаде. Книга Барро «Торквемада (Великий инквизитор): его жизнь и деятельность в связи с историей инквизиции» появилась в рамках павленковского проекта еще в 1893 г. В числе прочих ее прочитал М. Горький, который позже, беседуя с молодыми литераторами, говорил о том, что плохое надо знать так же хорошо, как хорошее.

В 2010 г. в «Малой серии» ЖЗЛ вышло новое жизнеописание Торквемады работы молодого историка С. Нечаева.

Уклонение от правды истории, ее игнорирование или незнание не проходят даром. В записной книжке В. Ключевского есть лаконичный афоризм: «История не учительница, а надзирательница… она ничему не учит, а только наказывает за незнание уроков». Отвечая как-то на критику в связи с появлением описания кого-то из злодеев в молодогвардейской библиотеке, издательство пояснило, что назначение «ЖЗЛ» состоит не только в том, чтобы транслировать образцы великого служения человечеству – эта задача была и остается ведущей и впредь, – но и исследовать всю историю, всю жизнь в ее разных проявлениях, показывать и разоблачать истоки и причины зла в полном объеме.

Шесть десятилетий советской истории «ЖЗЛ», отмеченные выдающимися успехами в развитии биографического жанра и расширении круга имен, приучили тем не менее часть читателей к тому, что серия является своего рода национальной доской почета, куда доступ возможен лишь отдельным героям – с безупречной биографией, без единого недостатка, без единой ошибки. С такой сектантской позицией издательство никогда не соглашалось, часто ее игнорировало, а как только в 1990 г. появился закон о свободе печати, максимально расширило диапазон биографий. Некоторые книги, например о Владимире Высоцком и Джоне Ленноне, личная жизнь которых была далеко не безупречна, отдельные читатели встретили критикой, непониманием, недовольством. Однако серия, составленная из одних святых, наверняка окажется очень маленькой и не слишком интересной. Если начать расставлять моральные оценки, то и сам Александр Сергеевич Пушкин окажется небезупречен – одни припомнят ему богохульные стишки, другие – дружбу со смутьянами-декабристами, третьи – уважительное отношение к царю…

Что могут сегодня издатели записать себе в актив, а что в минус? Мы думаем об этом, когда речь заходит не только о судьбе серии ЖЗЛ, но и российской книги в целом. Ныне биографии ЖЗЛ представлены во всех крупнейших книжных магазинах Москвы. Они достойно выглядят на российских и международных выставках, в книжных киосках Госдумы и администрации Президента Российской Федерации, часто отмечаются наградами различных общественных фондов. Самые солидные энциклопедии отводят целые полосы для информации о ЖЗЛ. Интернет пестрит многочисленными ссылками на эту молодогвардейскую библиотеку.

Сейчас выход в свет практически каждой новой биографии отмечается прессой, регулярно происходит критический анализ достоинств и недостатков книг ЖЗЛ в «толстых» журналах. По этой же теме написаны статьи и целые брошюры, создаются диссертации, идут дискуссии ученых. Растет научно-художественный уровень изданий. Нередко не только отдельные книги, но

и биографическая серия в целом, весь коллектив «Молодой гвардии» удостаиваются самых высоких оценок.

В книге почетных гостей издательства академик Д.С. Лихачёв оставил такую запись: «Значение серии “ЖЗЛ” в том, что через историю и личности она раскрывает все богатство и многообразие культуры прошлого. Биографии людей, послуживших прогрессу человечества, несут в себе огромную воспитательную ценность».

Образно и как всегда неожиданно выразил свое отношение к «жэзээловским» книгам поэт и писатель Дмитрий Быков: «Серия “ЖЗЛ” – это своеобразное переливание крови. Эти знаменитые люди уже жили, и в их крови успели выработаться те антитела, которые насущно необходимы всем нам. Благодаря им, приобретаешь иммунитет от ряда вещей: читаешь о депрессии Пушкина – и излечиваешь свою депрессию, читаешь о безумии Пастернака – и излечиваешь свое. Наши великие предки не оставляют нас в беде».

В обширной почте издательства большую часть по-прежнему составляют благодарности читателей – тех, кому книги ЖЗЛ помогли прикоснуться к жизни прошедших эпох и их выдающихся представителей.

Н.К. Меден

ПРОБЛЕМЫ ВОЙНЫ И МИРА В СОВРЕМЕННУЮ ЭПОХУ: «КРУГЛЫЙ СТОЛ» В ИНСТИТУТЕ ЭКОНОМИКИ РАН

Меден Наталия Кирилловна – младший научный сотрудник Центра политических исследований ОМЭПИ РАН.

Этой глобальной проблеме непреходящей значимости был посвящен «круглый стол», организованный Центром политических исследований Института экономики РАН в ноябре 2011 г. В его работе приняли участие сотрудники Центра, а также ученые из других институтов РАН, Общественной палаты, Объединенного штаба ОДКБ и Академии военных наук. Выступающие предложили некоторые новые подходы к современной теории войны, поделились собственным видением геополитической ситуации в мире и в свете этих общих положений обсудили задачи, стоящие перед Вооруженными силами России в период проведения военной реформы.

Актуальность обсуждавшейся тематики не подлежит сомнению: спустя 20 лет после окончания биполярного противостояния в мире ощущение глобальной опасности не уходит в прошлое. Вопреки надеждам на перезагрузку отношений с США, разногласия по вопросу о европейской системе ПРО не только сохранились, но даже перешли к новую стадию. Сохраняются многочисленные очаги потенциальных конфликтов в различных регионах мира, причем, несмотря на плачевный опыт иракской и афганской компаний, Запад продолжает делать ставку на использование вооруженной силы в качестве средства для разрешения конфликтов и даже для интервенции, будь то в форме гуманитарной интервенции или нанесения превентивного удара. Президент Б. Обама в речи при вручении ему Нобелевской премии мира высказался определенно: «Будут возникать ситуации, когда страны – действуя в одиночку или в составе коалиции – сочтут применение силы не только необ-

ходимым, но и оправданным»[1]. Продолжают расти мировые расходы на оборону в абсолютном выражении. В соответствии с военно-техническим прогрессом изменяются тактика и методы ведения войны.

Дискуссия, состоявшаяся в рамках «круглого стола», показала, что среди экспертов нет единого мнения ни в общей оценке геополитической ситуации, ни по отдельным актуальным проблемам внешней политики, ни по конкретным аспектам военной реформы. Такие расхождения являются следствием разных методологических подходов и мировоззренческих установок.

Можно ли для оценки нынешней ситуации прибегнуть к сравнительно-историческому методу? Допустима ли прямая аналогия с периодами, предшествовавшими двум мировым войнам XX столетия? По мнению *В.И. Дашичева* (ИЭ РАН), сейчас налицо вся совокупность признаков предвоенной ситуации. К такому выводу подводит анализ истории Второй мировой войны. Отличие текущей ситуации в том, что роль экспансивной державы выполняют США. К числу признаков предвоенной ситуации относятся: наличие экспансивной державы, открыто поставившей цель завоевания регионального, а затем и глобального господства, овладения мировыми природными ресурсами и рынками сбыта; достижение экспансивной державой военного превосходства посредством массированной гонки вооружений; разрушение этой державой сложившегося баланса сил на мировой арене путем захвата малых и средних стран и расширения геополитического пространства для борьбы за мировое господство. Кардинальное отличие современного этапа от предшествующей эпохи состоит в обладании рядом стран ядерным оружием. В ракетно-ядерную эпоху война перестала быть для ядерных держав рациональным средством достижения политических целей, поскольку нападающая сторона может получить в ответ уничтожающий удар.

Тезис о политической значимости обладания ядерным оружием как фактора взаимного сдерживания глобальных держав разделили все участники дискуссии. Однако возможность распространения этого вида оружия порождает серьезные угрозы мировой безопасности. И здесь мнения экспертов расходятся: некоторые считают, что обладание ядерным оружием по-прежнему представляет собой надежный и, по сути, единственный щит от возможной агрессии, другие видят в нем потенциальный источник угрозы. Разногласия можно трактовать как выражение разной исходной позиции: в первом случае представлен взгляд изнутри с точки зрения державы, обладающей ядерным оружием, а во второй – с глобальной точки зрения.

Аналогичным образом обсуждался и тезис о стремлении США к глобальному доминированию. Его никто не оспорил, но представление экспер-

1. Речь президента Обамы на церемонии вручения Нобелевской премии мира // www.voanews.com 10 декабря 2009.

тов о методах и последствиях такой политики существенно отличны. Если проводить параллель между США и Германией накануне Второй мировой войны, то логичным представляется вывод о том, что американские правящие круги могут стать на опасный путь развязывания войны, усиление антиамериканских настроений в мире неизбежно приведет к созданию антиамериканской коалиции (*В.И. Дашичев*, ИЭ РАН). Толчком к агрессии может послужить жестокий (сравнимый со временем 1929–1933 гг.) кризис, который охватит экономику и социальную структуру США, все американское общество и перекинется на остальной мир. Такой негативный сценарий может быть предотвращен только отказом США от политики мирового господства. Если же опираться не на исторические аналогии, а на анализ внешней политики США за последнее десятилетие, то выводы получаются принципиально иными. Несмотря на подавляющее превосходство в военной мощи, США не способны к ведению длительной войны даже локального масштаба (*П.С. Золотарев*, Институт США и Канады РАН). Участие в развязанных прошлой президентской администрацией локальных конфликтах привело к перенапряжению сил и ресурсов. Сегодня США нуждаются в союзниках для того, чтобы прекратить свое участие в Ираке и в Афганистане. Национальные интересы США состоят не в захвате территорий, а в создании благоприятной среды для деятельности транснациональных структур, в том числе посредством обеспечения безопасности в космосе, что представляет собой необходимое условие для глобального информационного доминирования. В этом контексте с точки зрения российской оборонной политики адекватной мерой представляется создание с 2012 г. военно-космических войск. О своевременности такого нововведения говорили все участники «круглого стола».

В ходе дискуссии были подчеркнуты особенности современной эпохи, создающие угрозу мирному развитию.

Неравномерность процесса глобализации. По мнению *Б.А. Шмелёва* (ИЭ РАН) не решена важная для мировой цивилизации проблема формирования глобального управления, поставленная еще в первых докладах Римского клуба. В финансовой сфере глобальный капитал уже контролирует подавляющее большинство регионов мира, однако инструменты глобального политического управления пока не созданы, что побуждает финансовый капитал к подавлению тех политических режимов, которые выпадают из глобального контекста. Эти режимы (например, режим Муаммара Каддафи) начинают рассматриваться в качестве препятствия на пути дальнейшей глобализации и подлежат устранению с заменой на режим, признающий свое подчиненное положение по отношению к мировой финансово-политической элите. Геополитическая расстановка сил в начале нынешнего тысячелетия характеризуется снижением роли национальных государств, этих традиционных субъектов международных отношений, в пользу транснациональных центров власти и политического

влияния, а также укреплением позиций глобального капитала в различных регионах, будь то в Индии в связи с подписанием деклараций о стратегическом партнерстве с США в ходе визита президента Дж. Буша-младшего (2006) или в Северной Африке в 2011 г. Неподконтрольными глобальному финансовому капиталу остаются немногие страны мира, прежде всего Россия, Иран, Китай и Северная Корея. Очевидно, что главную проблему для Запада представляет Китай. Американские аналитики уже в начале 90-х годов XX в. пришли к выводу о том, что КНР может стать новой сверхдержавой и тем самым представить угрозу США. Остается открытым вопрос о том, можно ли решить проблему формирования глобального управления в рамках мирного развития.

Цивилизационные противоречия. Как полагает *А.И. Владимиров* (ИЭ РАН), вокруг России сложилась парадоксальная ситуация «цивилизационных напряжений». «Цивилизационные союзники», Европа и Северная Америка, замкнулись в сферах собственных интересов и не ощущают реальной угрозы своей безопасности, не осознают насущной необходимости тесного и равноправного сотрудничества с Россией. Запад, игнорируя интересы России и противопоставляя ее собственной цивилизации, фактически превратился в геополитического оппонента. С другой стороны, «цивилизационные оппоненты» – ислам и Китай – стремительно набирают силу в качестве основных субъектов мировой экономики и политики и представляют серьезную потенциальную опасность национальной безопасности России. Однако отношения России с ними значительно лучше, чем с Западом. Запад преследует стратегию прямого противопоставления и сталкивания «лоб в лоб» России с исламом и Китаем, надеясь таким образом уберечь себя «либо ценой гибели нашей страны, либо путем превращения ее в предмет торга». Естественные цивилизационные и геополитические союзники России – это Белоруссия, Украина и Казахстан. Евразийское пространство следует рассматривать как единственный резерв, обеспечивающий России возможности развития, а пространство СНГ в целом представляет собой «поле нашего первого геополитического стратегического маневра».

Истощение природных ресурсов. В условиях роста численности народонаселения в мире нарастает конкуренция за ограниченные ресурсы, необходимые для поддержания и развития человеческой цивилизации. Следует ли ожидать, что борьба за природные ресурсы (включая не только сырье, но также воду и территорию) приведет к военным конфликтам? Этот вопрос ставят не только российские политологи. Еще в 2009 г. в Германии проводился опрос, в ходе которого 77% участников заявили, что исчерпание ресурсов приведет в будущем к росту насилия, причем среди молодых участников опроса такого мнения придерживались 84%[2]. Возникает опасение, что уникаль-

2. Innovation vor Kooperation // Internationale Politik, 2009, November, S. 4.

ные природные богатства России могут стать причиной агрессии со стороны бедных ресурсами стран. Саму ситуацию, допускающую возможность этого, *М. Викторов* (Общественная палата) считает цивилизационной угрозой для России. По некоторым прогнозам, через восемь–десять лет каждый пятый житель нашей планеты будет голодать. Учитывая этот фактор, расширение НАТО на Восток трактуется не как амбиции альянса, а как способ решения проблемы выживания западной цивилизации. Соответственно, главная задача России и ее Вооруженных сил заключается в обеспечении защиты территориальной целостности страны и неприкосновенности ее границ.

Такая постановка проблемы встретила возражения со стороны тех участников дискуссии, которые считают, что Западу нет необходимости развязывать военные конфликты из-за природных ресурсов в условиях, когда добывающие страны жизненно заинтересованы в экспорте этих ресурсов на Запад и нуждаются в западных инвестициях и технологии для их освоения. Опасения Запада вызывает конкуренция за ресурсы со стороны Индии и Китая, а вовсе не неуступчивость поставщиков, которую нужно сломить силовыми методами (*П.С. Золотарев*, Институт США и Канады РАН). В обобщенном плане, интерес к устойчивым экономическим связям действует как фактор сдерживания военной силы. Например, вероятность военного столкновения между США и Китаем почти нулевая, именно благодаря высокому уровню экономической взаимозависимости двух стран; при этом настороженность Соединенных Штатов к растущей экономической и политической мощи Китая сохраняется.

В дискуссии высказывался и противоположный взгляд на проблему, основанный на том, что в современных условиях возрастает значение геоэкономических войн, которые ведутся за экономические рынки, финансовые, сырьевые и интеллектуальные ресурсы. В свою очередь, геоэкономические войны могут привести к развязыванию цивилизационных войн. Первая геоэкономическая война велась в период холодной войны и закончилась победой Запада над «социалистическим лагерем». Сейчас Россия «успешно проигрывает» вторую геоэкономическую войну, в ходе которой она позволила Западу превратить себя в мишень для нанесения «кредитных ударов», создавать своей экономике геоэкономические плацдармы, смирилась с неполноправным участием в мировых экономических альянсах (*А.И. Владимиров*, ИЭ РАН).

В целом правомерно заключить, что встреча, в таком формате проводившаяся впервые, была полезной именно в силу дискуссионного характера выступлений ее участников. Несовпадение точек зрения и приводимая аргументация в пользу каждой из них дает возможность дальнейшего продуктивного анализа проблем войны и мира на сегодняшнем витке развития человечества.

ОБЗОРЫ. РЕФЕРАТЫ

Недервин Питерс Я.

ГЛОБАЛЬНОЕ ИЗМЕНЕНИЕ БАЛАНСА СИЛ: КРИЗИС И ПОВОРОТ К ВОСТОКУ И ЮГУ

NEDERVEEN PITERSE J. Global rebalancing: Crisis and the East-South turn // Development a. change. – Oxford; Malden, 2011. – Vol. 42, N 1. – P. 22–48.

Автор (Калифорнийский университет, Санта-Барбара, США) считает, что в последние десятилетия в мире формируется новый глобальный баланс сил. В последние 200 лет в мире доминировали отношения между Севером и Югом, центром и периферией, развитыми и развивающимися странами. В XXI в. страны периферии обрели зрелость, их экономическое и политическое значение быстро увеличивается, и глобальная динамика радикально меняется. Кризис 2008 г. отразил и ускорил этот процесс. Доля развивающихся рынков в глобальном ВВП увеличилась с 21% в 1999 г. до 36% в 2010 г. [с. 23][1]. На страны БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай), ВВП каждой из которых превышает 1 трлн. долл., приходится 45% мирового экономического роста с начала финансового кризиса в 2007 г. Их совокупные валютные резервы в 6 раз превышают активы МВФ [с. 23][2].

По мнению Р. Зеллика, президента Всемирного банка, «развивающийся мир становится двигателем глобальной экономики. Начиная с 2000 г., на него приходится более половины роста мирового импорта… Наблюдается движение к многополярности роста по мере роста численности средних классов в развивающихся странах» [с. 24–25][3].

Тезис об отделении мировой экономики от американской и переориентации ее на новые растущие экономики находит подтверждение. По оценке МакКинси, «быстро растущий средний класс развивающегося мира, включающий около двух миллиардов людей, в дюжине растущих экономик тратит 6,9 трлн. долл. в год. В следующее десятилетие эти расходы возрастут до 20 трлн. долл. в год, что в 2 раза превысит нынешний уровень потребления в США» [с. 25][4].

Возвышение Востока и Юга меняет глобальную экономиче-

1. New York Times. – N.Y., 2010. – Jan. 10. Здесь и далее описание дано по реф. источнику.

2. Economist. – L., 2010. – Apr. 15.

3. Zoellik R.B. The end of the Third world? Modernizing multilateralism for a multipolar world: Speech to Woodrow Wilson center for international scholars. – 2010. – Apr. 14. Mode of access: http:// go.world bank. org / 6PU7CBEHNO

4. McKinsey quaterly, Chart focus, Newsletter. – 2010. – Sept.

скую и геополитическую ситуацию.

Во-первых, возникают новые огромные растущие рынки в различных сферах экономики – бизнесе, финансах, технологиях, транспорте, торговле, строительстве и архитектуре. Возводятся уникальные сооружения в Куала-Лумпуре, Тайбэе, Сеуле, Шанхае, Пекине, Дубаи, Катаре; создаются новые музеи, рынки предметов искусства. Крупные торговые сети, глобальные бренды, торговцы драгоценностями, архитекторы, рекламные агентства, университеты, банки – все устремляются на Восток. Крупнейшие международные культурные события – Олимпийские игры, Мировые кубки, мировые выставки – проводятся в последние десятилетия в странах Востока и Юга.

Во-вторых, возникают новые современности (new modernities), а с ними и новые сферы культурного влияния. Один лондонский бизнесмен с горечью замечает: «проведите два дня в Сеуле, и Лондон покажется вам тихой сонной заводью» [с. 25][5].

В-третьих, идет перестройка мировой экономики. Поднимающиеся общества во главе с Китаем во все большей степени выполняют функции центра на мировой арене, действуя как модели развития и предоставляя стабильные рынки, займы, помощь и безопасность. Формируется новая география мировой торговли: развиваются торговые отношения между Азией, Латинской Америкой, Ближним Востоком и Африкой.

В-четвертых, увеличивается роль растущих рынков в сфере финансов. Суверенные фонды из Азии и стран – экспортеров энергоносителей предоставляют кредиты по всему миру и международным финансовым институтам. Происходит знаменательное изменение ролей кредитора и должника в отношениях между США и Азией и ближневосточными странами-нефтеэкспортерами. Международные финансы перестают быть одним из главных инструментов западного влияния. Меняются позиции и в международной торговле: ныне основными поборниками свободной торговли являются растущие рынки, а не США.

В-пятых, укрепление экономических позиций Востока и Юга предвещает и изменение мирового порядка, хотя пока это видится в туманной перспективе. Однако однополярного мира уже нет, как и нет привилегированного клуба крупных держав, как показал переход после кризиса 2008 г. от «восьмерки» к «двадцатке». Но в то же время, если возможности гегемонии сокращаются, привычка к гегемонии и ее приверженцы еще сохраняются. Политические трансформации более заметны на региональном уровне: Шанхайская организация сотрудничества, АСЕАН + 3, соглашение Китая с АСЕАН о свободной торговле. Таким образом, «кризис указывает на то, что поляризация Севера и Юга

5. Brule T. L.: Not as liveable as I'd like // Financial times. – L., 2010. – May 1–2. – P. 20.

уступает место другому делению мира: на общества, имеющие положительное торговое и платежное сальдо, и общества с дефицитом в этих странах. В совокупности эти тренды сигнализируют о крупном историческом повороте… – возвышении Востока и Юга» [с. 26]. Нынешняя геоэкономическая и геополитическая ситуация – переходная. «Старой гегемонии более не существует, а ее остатки порождают растущие риски. Новая конфигурация мирового порядка еще пока не сложилась, хотя некоторые ее контуры обретают форму. Текущие тренды можно трактовать двояко: либо перенастройка старого порядка, либо появление новых логик. В первом случае глобальная плутократия во главе с англо-американским капитализмом и западными финансовыми рынками сохраняют лидерство, присоединяя к этому клубу растущие рынки и превращая "двадцатку" фактически в управляющий совет МВФ. Главный инструмент для достижения этой цели – дискурс о "новом балансе сил", который одновременно выполняет функции доминирующей идеологии и политики. Во втором случае многополярность, предполагающая, что страны, представляющие большинство населения, станут управлять миром» [с. 27].

В западных финансовых и политических институтах преобладает мнение, что причиной нынешнего кризиса являются «чрезмерные сбережения» в странах Азии, т.е. глобальные дисбалансы. Отсюда и соответствующие рекомендации Запада по реформированию международной финансовой и экономической системы.

Для Запада ребалансировка означает в основном, что Китай должен переоценить свою национальную валюту, а страны, имеющие положительное сальдо, должны финансировать МВФ. Кроме того, предлагается, что страны Азии должны меньше экспортировать, меньше сберегать и больше потреблять, а США должны меньше потреблять, больше сберегать и увеличивать свой экспорт. Китай отвергает западные предложения и обвиняет США и ЕС в протекционизме и «ограничении развития Китая» и как крупнейший кредитор США выражает свою озабоченность растущими дефицитами США и их фискальной политикой.

Такой подход США игнорирует тот факт, что дерегуляция в течение трех десятилетий выявила уязвимость западных финансовых институтов и политики низких процентных ставок американской федеральной резервной системы, породивших кредитный пузырь. Усиление финансовой составляющей американской экономики, кредитный пузырь и внешние заимствования, поглощавшие 70–80% мировых сбережений, а отнюдь не «чрезмерные сбережения» в странах Азии явились причиной финансового кризиса.

Кризис 2008 г. развенчал утверждение о саморегулировании рынков. «В мировой экономике не бывает баланса, дисбалансы – ее общее правило и основа. Глобальный экономический баланс – это

утопия… Тезис Запада о восстановлении глобального баланса служит прикрытием для переноса бремени реформ на Китай и другие общества, обладающие профицитом, и отказа от реформирования американской экономической модели со ссылкой на внешние средства лечения экономики» [с. 30–31].

Давая общую оценку понятию и процессу глобальной ребалансировки автор высказывает следующие суждения. 1. Дисбалансы отражают долгосрочные изменения в мировой экономике. 2. Кризис 2008 г. – не результат дисбалансов, а их проявление. 3. Глобальная ребалансировка многоаспектна. Хотя она обсуждается в основном в экономических и финансовых категориях, она в равной степени является политическим, институциональным, социальным и культурным процессом. 4. Программы ребалансировки зависят от объяснений кризиса и ви́дения будущего развития мировой экономики. 5. Ребалансировка должна рассматриваться не только с точки зрения развитых стран, но в равной степени и с позиций быстро растущих обществ и развивающихся стран.

В странах Азии и Юга глобальная ребалансировка видится совершенно иначе. Гонконгский банкир Р. Чань следующим образом формулирует это ви́дение.

1. Смена морального лидерства Запада.

2. Изменение в механизме принятия решений в мировой экономике, в котором возвышающиеся, быстро растущие общества обретают больший вес (в частности, расширение их квоты при голосовании в МВФ и Всемирном банке).

3. Перемещение центра тяжести мировой экономики с Атлантического в Тихоокеанский регион.

4. Постепенный отказ от американского доллара в качестве мировой резервной валюты в пользу корзины валют и двусторонних валютных соглашений.

5. Сдвиг в направлении растущего экономического сотрудничества Восток–Юг и между странами Юга [с. 36][6].

По оценке президента Всемирного банка Зеллика, доля Азии в глобальной экономике, измеряемая паритетом покупательной способности, резко возросла: с 7% в 1980 г. до 21% в 2008 г. Азиатские рынки акций составляют 32% глобальной рыночной капитализации, опережая США (30) и Европу (25%)[7] [с. 38].

По мнению автора, подъем новых быстрорастущих обществ имеет серьезный демократический потенциал и будет способствовать повышению уровня жизни большинства их населения и мирового населения. «Возвышение Востока и Юга означает возвращение восточной и мировой истории в свое “нормальное” русло»[8] (с. 39).

6. Chan R. The West's preaching to the East must stop // Financial times. – L., 2010. – Jan. 4. – P. 11.

7. Zoellik R. Op. cit.

8. Nederveen Pieterse J. Oriental globalization: past and present // Europe and Asia beyond East and West: Towards a new cosmopolitanism / Ed. by

Ввиду сокращения спроса на Западе экспорт растущих рынков будет во все больших масштабах направляться на региональные рынки и в страны Юга. Одновременно экспортная модель экономики будет постепенно уступать место модели, основанной на росте внутреннего спроса. Это расширит возможности для широкого социального развития. Но это трудный и сложный путь, поскольку неравенство в этих странах глубоко укоренено.

Усиление роли Востока и Юга в мировой экономике вносит изменение в глобальную модель развития. Период 1980–2000 гг., когда постиндустриальные потребительские общества управляли мировой экономикой, характеризовался неравномерным, поляризующим ростом между странами и внутри них. Превращение в последнее десятилетие индустриализирующихся экономик в движущую силу мировой экономики меняет глобальную модель развития в направлении относительно уравнивающего распределительного роста. Главный концептуальный вопрос при оценке нынешних трендов мирового развития – рассматривать ли их с точки зрения единого капитализма или многих капитализмов.

Кризис 2008 г. подчеркнул различие капитализмов. Влияние кризиса было глобальным, но не одинаковым. Для одних он стал угрозой, для других – возможностью.

Во время предыдущего крупного кризиса – азиатского кризиса 1997–1998 гг. – англо-американский капитализм воспринимался как единственная жизнеспособная модель. «Кризис 2008 г., однако, потряс до основания основные центры этой модели… Он выявил уязвимость англо-американского капитализма на всех уровнях: идеологии (свободный рынок), парадигмы (теория эффективного рынка), экономики (финансиализация), политики (дерегуляция, либерализация), институтов (отчетность, рейтинговые агентства, регуляторы), методологии (финансовая математика, количественные оценки инвестиций) и культуры (бонусная культура, алчные менеджеры)» [с. 42].

В течение десятилетий Вашингтонский консенсус господствовал над развивающимся миром. Ныне ситуация изменилась. От Европы до Китая критические оценки американского капитализма звучат не только в кулуарах, но и с официальных трибун. В мировом общественном мнении звучит новый рефрен: Запад должен учиться у Азии экономическому благоразумию[9].

Кризис 2008 г. вновь поставил вопрос, существует ли общая «модель роста» и один рецепт для отношений между государством, капиталом и гражданским обществом. Этот вопрос является главным в процессах ребалансировки.

G. Delanty. – L.: Routledge, 2006. – P. 61–73.

9. Mahbubani K. New Asian hemisphere: The irresistible shift of global power to the East. – Reading, 2009.

В то время как большинство современных дискуссий сосредоточены на вопросе о «судьбе капитализма», было бы более продуктивным, считает автор, обсуждать проблему «будущего капитализмов». «Капитализм выживет благодаря разнообразию капитализмов и региональным различиям. Разнообразие не исчезает, но меняются проявления, формы разнообразия. На повестке дня – перестройка капитализмов» [с. 43].

Суждения, что быстрорастущие общества могут быть инкорпорированы в англо-американский капитализм недооценивают и различные способы организации капитализма в условиях политического и социального давления, с которыми они сталкиваются. «В то время как ведущая модель характеризуется корпоративными скандалами, нездоровыми финансами, слабыми институтами, неэффективным управлением, гигантским финансовым долгом, большим суверенным долгом, истощенными налоговыми сокращениями правительством, государственные капитализмы Востока и Юга, нацеленные на развитие, представляются более динамичными и в некоторых отношениях более устойчивыми.., во всяком случае, пока там проводится компетентная политика» [с. 43].

Ю.И. Комар

Кьяни К.М.

КОЛЕБАНИЯ В ЭКОНОМИКЕ И ПОЛИТИКА СТАБИЛИЗАЦИИ В СНГ

KIANI K.M. Fluctuations in economic activity and stabilization policies in the CIS // Computational economics. – L., 2011. – Vol. 37, N 2. – P. 193–220.

Автор предпринял попытку выявить зависимости в колебаниях экономической деятельности в странах – членах СНГ. Основной целью являлся прогноз экономической активности, что необходимо для определения политики стабилизации в этих странах.

Спад – одна из четырех фаз делового цикла, который включает еще депрессию, восстановление и подъем. Именно спад вызывает наибольшие опасения из-за уменьшения объема производства, роста безработицы, снижения доходов и увеличения риска банкротств. Прогноз спадов в экономической деятельности очень важен, но трудновыполним, так как требует сложных методов моделирования и надежных данных. В исследовательской литературе в этих целях используются различные модели. Нелинейные искусственные нейронные сети (artificial neural networks, ANNs) продемонстрировали ряд преимуществ по сравнению с другими сложными нелинейными моделями и различными моделями временных рядов при тестировании асимметрий делового цикла в странах «большой семерки», а также при предсказании в них спада. Настоящее исследование проводилось в целях проверки возможностей ANNs для прогноза спада в государствах – членах СНГ. Однако из-за отсутствия данных пришлось ограничиться только пятью странами – Арменией, Азербайджаном, Грузией, Казахстаном и Кыргызстаном. Применительно к Армении анализировались данные за 1994–2008 гг., Азербайджану – за 1996–2006, Казахстану и Грузии – за 1994–2006, Кыргызстану – за 1995–2006 гг.

Объект исследования и результаты моделирования. Основу СНГ составляют экономические системы России, Украины, Казахстана и Беларуси, на долю которых приходится почти 90% производства и 75% населения Содружества. В период с 1992 по 1994 г. страны СНГ вводили свои собственные валюты. Поэтому с течением времени степень экономической целостности Содружества уменьшилась.

Армения провела ряд экономических реформ, включая приватизацию, отмену государственного контроля цен и экономики. Благодаря помощи спонсируемой МВФ программы экономической либерализации, ее экономический рост составлял в последние годы в среднем более 10%. Однако из-за глобального финансово-экономического кризиса в 2008 г. он замедлился до 7,6% [с. 197].

Высокие цены на нефть, большой и растущий объем нефтяного экспорта обеспечили экономике Азербайджана быстрый рост в период с 2006 по 2008 г. Это, в свою очередь, способствовало увеличению объемов строительства, развитию банковской сферы и сектора недвижимого имущества. Однако мировой финансовый кризис привел к замедлению темпов роста азербайджанской экономики в 2008 г., поскольку цены на нефть снизились, а внутренние банки оказались в сложном положении на международном рынке.

Благодаря притоку иностранных инвестиций и значительным правительственным расходам Грузия демонстрировала экономический рост в размере 10% в 2006 г. и 12% в 2007 г. Но мировой финансовый кризис привел к снижению темпов роста грузинской экономики до 3% в 2008 г.

Казахстан обладает вполне достаточными запасами топлива и значительными ресурсами других полезных ископаемых. В стране развито сельское хозяйство (производящее мясо и зерно), быстро растет энергетический сектор. В период 2000–2007 гг. темпы роста экономики Казахстана ежегодно составляли в среднем более 8%. Однако мировой финансовый кризис вызвал крушение рынка недвижимости в стране и банковский кризис. В 2008 г. темпы роста экономики сократились до 3%. В Казахстане фиксировалась высокая инфляция, достигавшая 10% в 2007 г. и 18% в 2008 г. Только с началом девальвации в 2009 г. местной валюты примерно на 25% экономика страны была, наконец, стабилизирована [с. 197].

В Кыргызстане главные продукты – хлопок, табак, шерсть и мясо (табак и хлопок экспортируются). Страна обладает также богатыми минеральными и энергетическими ресурсами. Ее экспорт включает золото, ртуть, уран, природный газ и электричество. ВВП Кыргызстана рос более чем на 6% ежегодно в течение 2007 и 2008 гг., поскольку правительство боролось с коррупцией и реструктурировало отечественную промышленность, поощряло иностранные инвестиции и экспорт золота. Благодаря увеличению мировых цен на золото положение Кыргызстана в настоящее время стабильнее по сравнению с многими другими странами СНГ [с. 198].

Проведенное исследование показало, что прогнозировать спад на основании одной из макроэкономических переменных в изучаемых странах невозможно. Для Армении наиболее результативным выглядит использование совокупности следующих показателей: величины процентной ставки по краткосрочным государственным обязательствам, объемов промышленного производства и денежной массы, а также спрэда курсов долгосрочных и краткосрочных государственных долговых обязательств. Для Грузии и Казахстана предпочтительнее использование совокупности данных о величине процентной ставки по краткосрочным государственным долговым обязательствам и объеме денежной

массы. Величина процентной ставки по краткосрочным государственным долговым обязательствам представляется лучшей основой для прогноза спада в экономике Кыргызстана. Динамика экономики Азербайджана в рассматриваемый период не показывает зависимости спада от величины процентной ставки по краткосрочным государственным долговым обязательствам и объема денежной массы. При этом использование многофакторных моделей не улучшает результатов прогноза по сравнению с результатами, полученными на основе отдельных показателей [с. 220].

Большинство стран, включенных в исследование, было затронуто международным финансово-экономическим кризисом 2008 г. Представлялось, что динамика величины процентной ставки по краткосрочным государственным долговым обязательствам и кривая их доходности могут служить основой для прогноза спада. Однако доступные данные не позволяют сделать окончательный выбор в пользу одного из указанных показателей.

Направления политики стабилизации. Рассматривая финансовую политику как одно из направлений стабилизации, автор анализирует три хорошо известных ее инструмента – регулирование объема денежной массы, величины процентных ставок и обменного курса.

Объем денежной массы рассматривается как один из главных объектов политики регулирования во многих исследованиях. Однако влияние целого ряда факторов, включая помощь государства экономическим агентам, затрудняет оценку действенности мер в данном направлении. Проведенные различными специалистами исследования показали, что инструменты монетарной политики могут использоваться для снижения совокупных шоков в американской экономике [с. 215]. Но результаты их действия в других странах неясны.

Из-за интеграции на финансовых рынках маленькие открытые экономические системы неспособны самостоятельно определять процентные ставки. Следовательно, использование процентной ставки как инструмента политики стабилизации в таких экономических системах сомнительно.

Что касается стабилизации обменного курса местных валют, то поскольку рынок капитала в СНГ слабо развит, стабилизация обменных курсов достигается за счет привязки местных валют к евро или доллару. Некоторые исследователи полагают, что если бы экономические системы стран СНГ оставались высоко долларизированными, то они смогли бы снизить колебания обменного курса своих валют и достигли бы финансовой стабильности. По мнению других специалистов, евро по целому ряду причин предпочтительнее в качестве «якорной» валюты для стран СНГ. В частности, евро допускает свободное хождение внутренних валют без значительного внешнего вмешательства.

И это официальная валюта Евросоюза, который работает скорее как большая закрытая экономика со значительным объемом международной торговли. Инфляция в ЕС низка, рынок капитала развит, что позволяет странам-участницам предоставлять и заимствовать финансовые средства как на внутренних, так и на международном рынках. Кроме того, стабильность обменного курса будет увеличиваться по мере расширения ЕС.

«Якорная» валюта, по мнению автора, принесла бы пользу переходным странам, снижая волатильность курсов их валют. Однако лучшим выбором для стран СНГ была бы единая валюта, так как экономически эти страны больше всего связаны друг с другом. Стоимость единой валюты СНГ определялась бы на международном рынке. Следовательно, страны СНГ больше не представляли бы собой маленькие открытые экономические системы, и процентные ставки в них не так зависели бы от влияния больших экономических систем. Стало бы возможным использование инструмента планирования процентной ставки вместо методов регулирования обменного курса валют.

Использование евро в качестве «якорной» валюты вместо доллара США выглядит предпочтительно из-за развитых торговых связей стран СНГ с европейскими странами, в то время как связи с США относительно слабы или даже незначительны. Однако, по мнению автора, другой вариант – общая валюта стран СНГ – будет работать еще лучше на стабилизацию их экономики.

М.А. Положихина

ЯПОНСКАЯ КАТАСТРОФА И МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Les répercussions du séisme du 11 mars sur l'économie japonaise et l'économie mondiale // Bull.de la Banque de France. – P., 2011. – N 184. (http://www.banque-france.fr/fr/publications/revues/Bulletin-de-la-Banque-de-France/telechar/2011/Bulletin-de-la-Banque-de-France-etude-184-1.pdf)

Землетрясение магнитудой в 8,9 баллов по шкале Рихтера, поразившее восток Японии 11 марта 2011 г., пишут сотрудники Банка Франции, стало наиболее сильным в истории страны. Регион Тохоку, на долю которого приходится 6% ВВП страны, был поражен волнами цунами, последовавшими за землетрясением. Убытки от разрушения капиталов оцениваются в 16–25 трлн. иен, или в 3–5% ВВП (общая стоимость капитала в Японии оценивается в 1200 трлн. иен). Кроме шока, связанного с катастрофой, японская экономика столкнулась с ядерным кризисом, возможные последствия которого пока трудно измерить. Влияние землетрясения на экономику проявляется в различных формах и сферах.

В начале 2011 г. японская экономика находилась в начале фазы медленного, но устойчивого подъема: в 2010 г. ВВП Японии увеличился на 3,9%. Катастрофа 11 марта изменила кратко- и среднесрочные перспективы экономического роста. По оценке авторов, ВВП Японии увеличится в 2012–2013 гг. – на 1,6% в год. Риски, влияющие на перспективы развития японской экономики, повышаются в связи с пертурбациями в поставках электроэнергии на севере страны и другими факторами, так что прогнозы развития японской экономики будут пересматриваться в сторону снижения темпов роста.

Сразу после землетрясения Банк Японии решил удвоить сумму, направляемую на скупку активов, включая относительно рискованные, доведя ее до 10 трлн. иен. Банк Японии указал, что его действия носят превентивный характер и направлены на предотвращение ухудшения делового климата в стране, и что он продолжит предоставлять ликвидные средства для облегчения финансирования и гарантирования финансовой стабильности.

Анализ влияния японской катастрофы проводился с помощью макроэкономических моделей: разработанной в МВФ глобальной интегральной монетарной и бюджетной модели (Global Integrated Monetary and Fiscal Model, GIMF) и модели NiGEM (National Institute's Global Econometric Model). Как показал анализ, в целом эффекты международных последствий катастрофы довольно умеренны: колебания ВВП в зоне

евро и США оцениваются от (-0,008%) до 0,01%. Что касается эволюции валютных курсов, то она в значительной мере зависит от политики процентных ставок в Японии. В долгосрочном плане японская валюта будет обесцениваться.

Наиболее сильно пострадало от катастрофы производство электроэнергии в зоне деятельности компаний «Tokyo Electric Power Company» (TEPCO) и «Tohoku Electric Power Company» (Tohoku-EPCO). В этом секторе 27% электроэнергии производится на электростанциях, работающих на угле, 28 – на АЭС, 26 – на электростанциях, работающих на сжиженном газе, и 8% – на гидроэлектростанциях. После 11 марта было закрыто 11 АЭС, на долю которых приходится 5% производства электроэнергии в стране.

Япония является крупнейшим импортером сырья в мире: на ее долю приходится от 5 до 20% рынков различных видов сырья. Влияние катастрофы на нефтяные цены будет минимальным, так как на ее долю приходится около 5% мирового спроса на нефть. В то же время увеличение японского спроса на уголь и газ может вызвать повышение мировых цен на эти виды сырья.

Оценки потерь от катастрофы различны: японское правительство оценило их в 200–309 млрд. долл. (3–5% ВВП), что в 10 раз превышает потери от случившегося в 2010 г. землетрясения в Чили (30 млрд. долл.). Нынешние оценки потерь не учитывают издержек, связанных с возможной ядерной катастрофой. Банковский сектор Японии не испытал непосредственных последствий от катастрофы. Вместе с тем не следует исключать для них последствий «второго уровня». По оценке Банка Японии, доля банковских займов, предоставляемых пораженной зоне, не превышает 5%. Однако макроэкономические последствия должны повысить стоимость рисков в некоторых отраслях экономики, например в сельском хозяйстве и электроэнергетике. По данным Банка международных расчетов, общая сумма долговых обязательств японских банков по иностранным банковским кредитам составляла на конец сентября 2010 г. 875,7 млрд. долл., в том числе по кредитам европейских банков – 521,2 млрд. долл. До сих пор ни о каких потерях японских банков и об отказе от их обязательств не объявлялось.

Япония является четвертой страной-экспортером в мире: в 2008 г. ее доля в мировом экспорте составляла почти 5%. Япония в значительной мере вовлечена в торговый оборот в Азиатском регионе, являясь важным импортером энергоносителей, сырья и продовольствия. В то же время она обеспечивает себя рисом – важнейшим продуктом питания. В связи с прекращением производства риса в регионе Фукусимы и прилегающих префектурах из-за радиоактивного заражения почв производство риса уменьшится на 30%. Если другие регионы не смогут компенсировать эти потери,

японский импорт должен составить почти 9% мирового импорта риса. В этом случае мировые цены на рис будут повышены. Не следует чрезмерно беспокоиться пертурбациями в цепях снабжения: шок предложения затронет только небольшое число продуктов, поскольку роль амортизаторов сыграют производственные запасы, к тому же нужно учитывать гибкость мировых цепей снабжения.

Япония выступает важным торговым и финансовым партнером азиатских стран с развивающимися рынками, а также играет ведущую роль в инвестициях в экономику стран АСЕАН. Ее доля в прямых иностранных инвестициях в эти страны составляла в 2007–2009 гг. 11,5%, что превышало долю США (10,1) и Китая (3,2%). Прямые инвестиции стран АСЕАН (главным образом Сингапура) в Японии достигли на конец 2009 г. 11 млрд. долл.

В 2009 г. на долю Японии приходилось 10,5% внешнеторгового оборота стран АСЕАН против 11,6% доли Китая и 9,7% доли США. Япония является первым в регионе поставщиком официальной помощи развитию: на 2011 г. обещанная помощь составляет 6,5 млрд. долл.

В целом экономический рост региона не пострадает. В краткосрочном плане негативное влияние японской катастрофы на промышленное производство будет временным и связанным с пертурбациями в цепи снабжения. Последние уже затронули Тайвань, Южную Корею и Сингапур, у которых доля Японии в импорте в 2006–2010 гг. равнялась 15–20%. Главную часть их импорта составляли детали и компоненты для производства промышленной продукции. В течение года негативные последствия для торгового обмена, затрагивающие только отдельные сектора, должны уменьшиться под влиянием восстановления японской экономики во второй половине 2011 г. На долю Японии в 2006–2010 гг. приходилось 15–20% экспорта Австралии, Индонезии и Филиппин.

За последние десять лет роль Японии в торговых связях Азиатского региона уменьшилась в связи с возрастанием экономической мощи Китая, который превратился в одного из ведущих торговых партнеров Японии. Двусторонний обмен между этими странами представляет собой пятую часть внешнеторгового обмена Японии. В 2010 г. 7% экспорта и 13% импорта Китая приходились на долю Японии. Половину двустороннего обмена между Японией и Китаем составляют машины, оборудование и электроника. В целом влияние японской катастрофы на китайскую экономику будет ограниченным. Имея темпы экономического роста в 10,3% в 2010 г. и в 9,6% в 2011 г., Китай не будет сильно затронут японской катастрофой.

Большую часть экспорта азиатских стран в Японии составляют сырье и компоненты, используемые в производстве электроники и автомобилей. Потеря доверия на внутреннем японском рынке мо-

жет оказать немедленное негативное влияние на японский спрос на некоторые импортные товары. В то же время уменьшение японского производства может оказать позитивное влияние на торговых партнеров, структура экспорта которых сходна со структурой японского экспорта. Японские предприятия имеют тесные связи с предприятиями региона (особенно Южной Кореи и Тайваня) в производстве мобильных телефонов, телевизоров и другой электроники. Предприятия-конкуренты, расположенные в Южной Корее, Сингапуре и Тайване, могут извлечь выгоды от замедления экономической активности в Японии.

Л.А. Зубченко

Ветцингер Й.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ГРУЗИИ ПРИ МИХАИЛЕ СААКАШВИЛИ: РИСКОВАННАЯ ИГРА В ПОЛЕ НАПРЯЖЕННОСТИ МЕЖДУ ВАШИНГТОНОМ И МОСКВОЙ

WETZINGER J. Georgiens Aussenpolitik unter Michail Saakaschwili: Ein riskantes Spiel im Spannungsfeld zwischen Washington und Moskau // Intern. Politik und Gesellschaft. – Bonn, 2011. – N 1. – S. 66–79.

Й. Ветцингер (Институт передовых исследований, Вена, Австрия) пишет, что небольшим государствам как правило отводится узкое пространство для маневра в сфере внешней политики и безопасности. Поэтому они особенно чувствительны к тому, что происходит в мировой политике в целом, и не столько вырабатывают оригинальные идеи, столько реагируют на внешнее воздействие.

Россия традиционно имела большое влияние в Закавказье. «США после развала СССР какое-то время соглашались с таким положением вещей и, по существу, считали этот регион “задворками” России» [с. 67]. Первоочередной задачей американской внешней политики было установление связей с Москвой, в то время как молодым независимым государствам постсоветской периферии уделялось мало внимания. Однако в середине 90-х годов XX в. США пересмотрели свои взгляды в отношении Кавказа и осторожно начали втягивать Грузию, Армению и Азербайджан в сферу своих внешнеполитических интересов.

Что касается Грузии, то здесь для США решающее значение имели три фактора. Во-первых, Вашингтон стал прилагать усилия к созданию альтернативного коридора для транспортировки нефти и газа из Каспийского региона в обход России и Ирана. В качестве ключевого проекта рассматривалась прокладка трубопровода Баку–Тбилиси–Джейхан для перекачки азербайджанской нефти в Турцию. С учетом того, что единственный альтернативный путь реализации данного проекта (через Азербайджан и Армению) блокирован на неопределенный срок в связи с проблемой Нагорного Карабаха, стратегическое значение Грузии заметно возросло.

Во-вторых, Соединенные Штаты стали рассматривать Грузию в качестве важного союзника в рамках провозглашенной Джорджем Бушем после событий 11 сентября 2001 г. стратегии глобальной войны с терроризмом. Американский президент не только поддержал идею вступления этой страны в НАТО, но и инициировал широкомасштабную программу по перевооружению и модернизации грузинской армии. «В период с 2002 г. по 2004 г. Вашингтон под

лозунгом борьбы с терроризмом инвестировал 64 млн. долл. в так называемую "Грузинскую программу обучения и оснащения" (Georgia Train and Eqip Program, GTEP) для подготовки и вооружения отборных грузинских подразделений» [с. 68]. Необходимость укрепления обороноспособности Грузии объяснялась также тревожной ситуацией на севере, в частности в Панкисском ущелье, где помимо чеченских боевиков могли действовать посланцы международных террористических организаций. Наряду с GTEP, Соединенными Штатами реализовывалась «Программа операций поддержки и стабильности» (Sustainment and Stability Operations Program – SSOP), целью которой была подготовка грузинских военных к действиям за рубежом. В результате грузинский военный контингент в Ираке составил 2 тыс. солдат и оказался «одним из самых внушительных относительно размеров этой южно-кавказской республики» [с. 69].

Наконец, в-третьих, на постсоветском пространстве Грузия стала для США успешной моделью демократических преобразований по западному образцу. Во время визита в Тбилиси в 2005 г. Дж. Буш, установивший особые личные отношения с Михаилом Саакашвили, назвал Грузию «маяком свободы в регионе и мире» [с. 69].

Усиление американского влияния в регионе, стремление США вытеснить Россию привели к нарастанию напряженности. В планы Москвы не входило восстановление империи в прежних масштабах, однако она не собиралась уступать кому-либо, будь то США, Турция или Иран, традиционную сферу влияния. Более того, имея постоянный очаг нестабильности на своих северокавказских территориях, Москва старалась не допустить того, чтобы соседние страны оказались своего рода «зоной отступления» для боевиков. Наконец, Россия также стремилась расширить контроль над стратегически важными путями транспортировки нефти и газа из Каспийского региона.

Очевидно, что российские и американские интересы на Кавказе частично сталкиваются. Это, в свою очередь, оказывает влияние на двусторонние отношения между Москвой и Тбилиси, которые Россия не склонна рассматривать в отрыве от самоуверенной и чрезмерно активной политики США на постсоветском пространстве. Речь, в частности, идет о поддержке так называемых цветных революций (как, например, «революции роз» в Грузии в 2003 г.), об оказании помощи в реорганизации вооруженных сил, а также о планах расширения НАТО. Особенно остро напряженность в треугольнике Москва–Тбилиси–Вашингтон обозначилась в августе 2008 г., когда Грузия потерпела поражение от России, попытавшись решить проблему отделения Южной Осетии с помощью оружия. «Эту "пятидневную войну" нельзя расценивать как исключительно межгосударственный конфликт, ее следует рассматривать в контексте международных отношений: Кремль

своей интервенцией в Грузию в виде "асимметричного ответа" отреагировал на чувствительные поражения на международной арене и подал Западу ясный сигнал о необходимости соблюдения "красной линии", иными словами – сказал категорическое "нет" приходу НАТО в Грузию и Украину» [с. 72].

Президентство Саакашвили отмечено особым нарастанием напряженности в треугольнике Москва–Тбилиси–Вашингтон. Сделав приоритетной задачей своего правления возвращение отделившихся территорий, Саакашвили демонстративно не поддерживал усилий России по урегулированию проблемы под эгидой ОБСЕ и ООН, чем спровоцировал ужесточение позиции российской стороны. Одновременно он провозгласил откровенно прозападный курс во внешней политике, стремясь сплотить нацию перед лицом врага в лице России. Такая рискованная игра в конце концов привела грузинского президента к серьезным ошибкам. С одной стороны, он недооценил способность Москвы без оглядки на мировое общественное мнение предпринять самые решительные, в том числе и военные, действия. С другой стороны, он переоценил степень поддержки Соединенных Штатов. «Пятидневная война» показала, что США не готовы в прямом смысле вступить в бой.

На фоне всего произошедшего становится очевидным, что для обретения стабильности Грузии требуется строить отношения с Россией на более прагматичной основе. До окончания президентского срока Саакашвили в 2013 г. шансы на пересмотр грузинско-российских отношений все же остаются минимальными. Кремль, со своей стороны, также отказывается видеть в нынешнем президенте партнера для переговоров. Лидеры оппозиции, Зураб Ногаидели и Нино Бурджанадзе пытаются поддерживать контакты с российским руководством. Однако их нельзя считать ни пророссийскими политиками, ни реальными претендентами на верховную власть. Несмотря на то что результаты опроса, проведенного в августе 2009 г., говорят о том, что «54% населения Грузии высказались за более тесное сотрудничество с Россией» [с. 75], у тех, кто выступит с пророссийских позиций, нет шансов на успех. Все по-настоящему влиятельные и перспективные деятели Грузии ориентированы исключительно на Запад.

В заключение автор пишет, что ситуацию в Закавказье определяют процессы в мировой политике и, прежде всего, отношения между Москвой и Вашингтоном. Президент Обама показав, что его курс на «перезагрузку» отличается от курса его предшественника Буша, ведет себя с Грузией значительно осторожнее. Но это вовсе не означает, что США оставляют Кавказ. Об этом свидетельствуют и официальные заявления вице-президента Дж. Байдена, и развертывание новой американской Программы тренинга для грузинских вооруженных сил.

Н.Б.Шувалова

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ ТЕКУЩЕГО НОМЕРА SUMMARIES

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ ТЕКУЩЕГО НОМЕРА
Summaries

Ю.С. Пивоваров. О русском и советском: Взгляд из 2012 года
Yu.S. Pivovarov. On the Russian and the Soviet: The View from 2012

Ключевые слова: история России, история СССР, государство, общество, власть, собственность, реформы, контрреформы.

Key words: Russian history, Soviet history, state, society, reforms*, counter-reforms, authority, property, reforms, counter-reforms.*

В новом историческом контексте требуют осмысления заново принципиально важные темы эволюции отечественного социума: природа реформ и контрреформ, взаимосвязь власти и собственности, «архетипы» русского общественного развития, сущность советизма, от которого мы хотим уйти. Одним из новых подходов может быть анализ возникновения, переплетения, борьбы и смены опричнины и земщины как исторически государствообразующих факторов, воплощенных в политике властителей и реакции на нее со стороны общества и населения. Особенность современного этапа отечественной истории в том, что впервые отброшены ограничители верховной власти.

In the new historical context some principally significant themes of the Russian societal evolution have to be reconsidered. In the first place they are: the nature of reforms and counter-reforms, interconnection of authority and ownership, archetypes of the Russian social development, the essence of Sovietism which we strive to overcome. One of new approaches can be an analysis of the origins, mixture, conflict and change of *oprichnina* and *zemshchina* as historically state-building factors reflected in the policies of rulers and response to them by the society and population. The peculiarity of the current stage of Russian history is that for the first time limits to supreme power are thrown away.

Ю.И. Игрицкий. Многопартийная беспартийная Россия
Yu.I. Igritsky. Multiparty / Nonparty Russia

Ключевые слова: Россия, начало XXI в., политические партии, партийная система, электорат, выборы.

Key words: Russia, early 21st century, political parties, party system, electorate, elections.

Отсутствие традиций многопартийности и конкурентных парламентских выборов в СССР и, как следствие, социальной базы политических партий в постсоветской России привело к хаотическому и бессистемному возникновению партий в 1990-е годы. Не сложилась и стабильная партийная система. «Единая Россия» стала не силой, формирующей идеологию и политику власти, а порождением и инструментом самой власти; другие партии с самого начала действовали как формальная, малодееспособная оппозиция существующему режиму. Именно поэтому эффективность института многопартийности в России оказалась намного ниже, чем в странах с устоявшейся партийной системой.

The absence of multiparty system traditions and competitive parliament elections in the USSR and, as a consequence, of social base for political parties in post-Soviet Russia led to chaotic and irregular party origination in the 1990's. A stable party system did not emerge. «United Russia», instead of forming ideology and policy of the state, became an instrument of the state; other parties from the start acted as a formal and inactive opposition to the regime. It is exactly the reason why the efficiency of the multiparty institution in nowadays Russia appeared much lower than in the countries with a rooted party system.

В.М. Капицын. Идейно-символьная политика и национальные интересы России
V.M. Kapitsyn. Politics of Ideas and Symbols and Russian National Interests

Ключевые слова: Россия, начало XXI в., идеология, национальная символика, национальные интересы.

Key words: Russia, early 21st century, ideology, national symbols, national interests.

Элементами символьной системы являются партикулярные символы, жизнесферные ценности, национальная идея, государственные символы, Конституция. Идейно-символьная политика играет важную роль в достижении необходимого соотношения национальных и универсальных символов, умеренного внедрения символов прав человека и обеспечения защиты национальных интересов.

The symbol system has as its elements particular symbols, vital value, national idea, state symbols, Constitution. The Idea-Symbol politics play an important role in the achievement of necessary correlation of national and universal symbols, a moderate inculcation of the human rights symbol and defending national interests.

Л.З. Зевин. Особенности консолидационных и интеграционных процессов в Евразии

L.Z. Zevin. The Peculiarities of Consolidating and Integrating Processes in Eurasia

Ключевые слова: Россия, начало XXI в., Евразия, СНГ, экономическое пространство, региональная консолидация, субрегиональная интеграция.

Key words: Russia, early 21st century, CIS, economic space, regional consolidation, subregional integration.

Реальные возможности использования объединительного потенциала России на постсоветском пространстве в полной мере возникнут только после существенного прогресса в модернизации и диверсификации ее экономики. Экономическая масса страны-лидера должна стать гравитационно привлекательной для своих региональных соседей. Поскольку условий для полноформатной интеграции пока нет, целесообразно сосредоточиться на двух проектах: росте взаимной торговли для повышения роли регионального рынка и на развитии ЕврАзЭС и ОДКБ.

Real opportunities of using Russia's integrating potential on the post-Soviet space can fully emerge only after a substantial progress is achieved in the modernization and diversification of its economy. The economic might of the leading country must become an attractive gravitating force for its regional neighbors. Since there are no full-scale integration as yet, it would be expedient to concentrate on the two projects: common trade to increase the role of the regional market and the development of EurAzEC, and the Organization of Collective Security Treaty.

Л.В. Савченко. «Большая восьмерка»: Быть или не быть?
L.V. Savchenko. The G8: To Be or Not to Be?

Ключевые слова: «Большая восьмерка», развитые страны, моровая политика, мировая экономика, внешняя политика России.

Key words: G8, developed countries, world politics, world economy, Russian foreign policy.

Проблемы и вызовы, с которыми мировое сообщество сталкивается в XXI в., было бы трудно смягчить без деятельности «Группы восьми». Несмотря на препятствия в развитии двусторонних отношений, лидерам «Восьмерки» удается находить общий язык в выработке путей разрешения наболевших глобальных вопросов. Сейчас ответ на вопрос: «быть или не быть “Большой восьмерке”?» однозначный: быть. Как дальше будет развиваться мир, покажет время.

The problems and challenges which confront the world community in the 21st century would have been hard to ameliorate without efforts undertaken by G8. Despite the hindrances in the development of bilateral relations its leaders manage to find common language in the elaboration of methods of solving acute global problems. The answer to the question «to be or not to be» as referred to the «Big Eight» is at present undoubtedly: yes. Only time can show the future options.

А.В. Кива. БРИК как фактор большой политики
A.V. Kiva. BRIC as a World Politics Factor

Ключевые слова: БРИК, БРИКС, ведущие страны мира, мировая политика, мировая экономика, глобальная конкуренция.

Key words: BRIC, BRICS, leading countries, world politics, world economy, global competition.

Термин «БРИК» в момент создания был призван выделить группу стран, экономические показатели которых были тогда сравнимы. Кризис обнаружил, что у каждой из них свой потенциал и свои проблемы, и если когда-то они шли параллельными дорогами, то теперь их пути расходятся. Поскольку, однако, это не финансовый или экономический союз, ментально БРИК (БРИКС) будет существовать до тех пор, пока мировой вес обозначаемых так стран не изменится слишком сильно.

The term BRIC was forged to denote a group of countries with comparable and significant economic weight at the time of its origin. The crisis revealed different problems and potential among them, and although then they marched along parallel paths, now these paths diverge. However, since it is not a financial or economic alliance BRIC (BRICS) will exist mentally as long as the world weight of these countries does not change too radically.

Е.Е. Шестакова. Острые вопросы пенсионной реформы: Дает ли нам ответ зарубежный опыт?

Ye.Ye. Shestakova. Acute Problems of the Pension Reform: Are Foreign Experiences Relevant?

Ключевые слова: Россия, XXI в., пенсионная реформа, зарубежный опыт.

Key words: Russia, 21st century, pension reform, foreign experiences.

Эффективным и справедливым направлением реформирования российской пенсионной системы было бы усиление ее страхового характера, превращение пенсии из страховки от бедности в социальную выплату, замещающую фиксированный процент утраченного заработка при наступлении старости. Если государства Центральной и Восточной Европы этому направлению реформирования в настоящее время уделяют основное внимание, то в России оно пока только намечается.

An efficient and fair way to reform the pension system in Russia would be enhancing its insuring character, changing the pension from a poverty insurance to a social payment compensating for a fixed percent of lost income at the time of getting old. While the Central and East European countries at present pay predominant attention to this pattern of the pension reform Russia only reflects upon this problem.

Е.Я. Виттенберг. Российский бизнес: Социальная ответственность перед работниками

E.Ya. Vittenberg. Russian Business: Social Responsibility before Employees

Ключевые слова: Россия, начало XXI в., наемный труд, предпринимательство, малый и средний бизнес, социальная ответственность.

Key words: Russia, early 21st century, hired labor, entrepreneurship, small and middle business, social responsibility.

Исследования, осуществленные фирмой «Интелбридж» в 2003, 2005, 2008 гг., и экспертный опрос предпринимателей столичного региона в 2010 г. показывают, что более половины бизнесменов неизменно ставят в иерархии своей социальной ответственности на первое место ответственность перед работниками. Эта ответственность особенно актуальна в условиях кризиса, когда непродуманные решения предпринимателей могут серьезно осложнить социальную обстановку как в том или ином регионе, так и в стране в целом.

Research made by the analytical firm *Intelbridge* in 2003, 2005, 2008 and an expert poll among entrepreneurs in the Moscow region in 2010 show that over half of business holders invariably place responsibility to their workers as number one in their hierarchy of social duties. This is especially important in the crisis time when hurried business decisions are fraught with aggravating social tensions on the regional and national levels.

Б.С. Павлов, С.В. Воробьёв. Трудовая занятость замужней женщины в России

B.S. Pavlov, S.V. Vorobyev. Labor Engagement of Married Women in Russia

Ключевые слова: Россия, начало XXI в., трудовая занятость, женский труд, семья, домашнее хозяйство.

Key words: Russia, 21st century, labor engagement, female labor, family, household.

Как показывают социологические исследования, экономический кризис сильнее затрагивает женскую занятость, чем мужскую. Встречаются случаи дискриминации женщин при приеме на работу, определении заработной платы и предоставлении возможностей профессионального роста. Трудовая мотивация женщин во многом зависит от доходов семьи и числа детей.

Social research shows that economic crises affect female labor engagement stronger than male one. There are cases of gender discrimination in work offer, salaries and wages, professional career possibilities. Female labor motivation often depends on family income and number of children.

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ ТЕКУЩЕГО НОМЕРА

С.В. Мельник. Межконфессиональное согласие в современной России: Концептуальные основания и практическая реализация

S.V. Melnik. Inter-Confessional Consent in Today's Russia: Conceptual Basis and Practical Implementation

Ключевые слова: Россия, начало XXI в., религия и вера, религиозная терпимость, межконфессиональное согласие.

Key words: Russia, early 21st century, religion and faith, tolerance, inter-confession consent.

Российское общество нуждается в сбалансированной межконфессиональной политике государственного масштаба с учетом специфики и условий каждого региона. Существующие общественные и государственные структуры, в том числе межрелигиозные советы, не могут справиться с этой задачей. Необходимо создание нового государственного института по проблемам межконфессиональных отношений, в состав которого обязательно должны входить духовные лидеры.

The Russian society needs a balanced inter-confessional policy on a national scale which will take into account conditions and peculiarities of each region. The existing social and official bodies including inter-religious councils cannot manage the problem. It is necessary to create a new state institution dealing with inter-confessional relations with confessional leaders as their must-be members.

Ю.Е. Поляк. Электронные услуги: Готовы ли к ним государство и население?

Yu.Ye. Polyak. Electronic Services: Are the Government and Citizens Ready for Them?

Ключевые слова: Россия, начало XXI в., государственные услуги, электронные услуги, информационные технологии.

Key words: Russia, early 21st century, public services, electronic services, information technologies.

К 2012 г. региональные порталы государственных и муниципальных услуг появились в 79 субъектах Российской Федерации. Так, в Псковской области реализован проект оказания комплексной электронной услуги «Регистрация актов гражданского состояния: регистрация рождения». Однако

поскольку в России насчитывается порядка 25 тыс. муниципальных образований, из которых не более 13% имеют свои официальные сайты, переход на оказание услуг в электронном виде только начинается.

By 2012 regional portals have emerged in 79 regions on the Russian Federation. E.g., the project of the complex electronic service «Registration of Births» was implemented in the Pskov region. But since Russia numbers about 25 000 municipal structures with not more than 13% of them having their official sites, transition to an electronic services society just begins.

К сведению авторов

Требования к рукописям, поступающим в журнал «Россия и современный мир»

Рукописи принимаются в виде компьютерной распечатки (междустрочный электронный интервал 1,5, соответствующий машинописному интервалу 2; кегль 14; гарнитура Times New Roman); к распечатке прилагается дискета, текст на которой должен иметь те же параметры. Допустимо предоставление вместо дискеты флэшки для переноса файла в компьютер редакции (флэшка возвращается автору).

Объем публикуемых рукописей не должен превышать 1 п.л. (40 тыс. электронных знаков с пробелами) и может зависеть от рубрики и жанра рукописи (статья, сообщение, заметка и т.д.). В отдельных случаях возможно согласование объема с редакцией.

В «шапке» рукописи сначала ставятся инициалы и фамилия автора; с новой строки – заголовок. Обязательно предоставление сведений об авторе на первой странице рукописи после заголовка. Данные о получении грантов на соответствующие исследовательские проекты даются на первой странице в подстрочнике.

Исследовательские статьи, основанные на использовании более трех источников, сопровождаются алфавитными и пронумерованными списками литературы, в которых каждый источник, независимо от количества ссылок на него в тексте, имеет один номер; ссылки на него даются в тексте в скобках, где фигурируют этот номер и, через запятую, та страница(ы), к которой отсылается читатель; если в одном месте в тексте необходима отсылка к нескольким источникам, их номера указываются в одних скобках через точку с запятой. При использовании литературы на русском и иностранных языках сначала указываются русскоязычные источники, а затем иноязычные с одной сплошной нумерацией.

В так называемом подстрочнике могут помещаться авторские примечания (комментарии, разъяснения, оценки, сравнения и т.д.) в виде имеющих сплошную нумерацию сносок. Если в такого рода сносках упоминаются письменные источники, они оформляются точно так же, как и в тексте (номер и страницы в скобках). В подстрочнике помещаются также ссылки на архивные документы с общей нумерацией с примечаниями.

Источники из Интернета помещаются в списке литературы, если известны автор и / или название источника; «глухие» ссылки на Интернет даются в подстрочнике наряду с примечаниями и с общей нумерацией.

Опубликованные источники описываются следующим образом: фамилия автора, инициалы, название публикации, место и год публикации, общее количество страниц (для изданий книжного типа) или те страницы, на которых помещена публикация (для статей в журналах и сборниках). Примеры: 1) Иванов И.И. Проблемы науки. – М., 2010. – 250 – С. 2; 2) Петров П.П. К вопросу о… // Россия и современный мир. – М., 2011. – № 4. – С. 5–25; 3) Сидоров С.С. Еще раз о… // Сборник статей… / Отв. ред. Иванов И.И. – М., 2012. – С. 7–27.

Рекомендуем всем авторам ознакомиться с правилами оформления научного аппарата, взяв в руки последние номера нашего журнала!

ЗА ПУБЛИКАЦИЮ МАТЕРИАЛОВ ПЛАТА НЕ ВЗИМАЕТСЯ.
ГОНОРАРЫ НЕ ВЫПЛАЧИВАЮТСЯ

Рукописи принимаются
в электронном и печатном виде, объемом до 1 п.л.

Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел./Факс (499) 120–4514
E-mail: inion@bk.ru

Россия и современный мир № 2–2012 (75)

Художественный редактор Т.П.Солдатова

Верстка Н.М. Власова

Технический редактор Н.И. Романова

Корректор
О.П. Дормидонтова

Гигиеническое заключение № 77.99.6.953.П.5008.8.99
от 23.08.1999г.
Подписано к печати 28.05.2012 г.
Формат 70x100/16
Бум. офсетная № 1
Печать офсетная
Цена свободная
Усл. печ. л. 18,6 Уч.-изд. л. 15,0
Тираж 900 экз. Заказ № 88

Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский пр-кт, д. 51/21, Москва, В-418, ГСП-7, 117997

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва, В-418, ГСП-7, 117997

042(02)9